

АННА СЬЮЭЛЛ

ЧЕРНЫЙ КРАСАВЧИК:
ИСТОРИЯ ЛОШАДИ,
РАССКАЗАННАЯ ЕЮ
САМОЮ

Анна Сьюэлл
Черный Красавчик:
история лошади,
рассказанная ею самой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25575445

Аннотация

«Первое место, которое я помню, – это славный большой луг с чистым, прозрачным прудом. Над прудом стояло несколько тенистых деревьев, а на дальнем конце его росли камыши и кувшинки. За изгородью с одной стороны видно было вспаханное поле, с другой стороны – дом хозяина подле дороги. В одном конце луга была еловая роща, в другом, пониже, протекал ручей, за которым поднимался высокий берег...»

Содержание

Часть первая	5
I. Где я жил, когда был маленький	5
II. Охота	9
III. Мое воспитание	13
IV. Бертвикский парк	18
V. Хорошее начало	22
VI. Свобода	27
VII. Джинджер	29
VIII. Продолжение рассказа Джинджер	35
IX. Резвушка	40
X. Разговор во фруктовом саду	44
XI. Откровенная речь	51
XII. Бурный день	55
XIII. Джемс Гауард	59
XIV. Старый конюх	63
XV. Пожар	67
XVI. Разговор Джона Манли	72
XVII. Мы едем за доктором	77
XVIII. Только по незнанию	82
XIX. Расставание	86
Часть вторая	90
XX. Эрльшоль	90
XXI. Возмущение с целью освобождения	96

XXII. Лошадь понесла графиню Анну	100
XXIII. Рувим Смит	108
XXIV. Как всё кончилось	112
XXV. Искалеченный, я иду под гору	116
XXVI. Наемная лошадь и ее временный хозяин	120
XXVII. Шалопаи	124
XXVIII. Вор	130
XXIX. Обманщик	133
XXX. Конная площадь	137
XXXI. Лондонская извозчицья лошадь	142
XXXII. Старая боевая лошадь	147
XXXIII. Джери Баркер	152
XXXIV. Воскресная езда	159
XXXV. Золотое правило	165
XXXVI. Долли и настоящий человек	170
XXXVII. Мрачный Сэм	175
XXXVIII. Бедная Джинджер	180
XXXIX. Выборы	182
XL Друг на помощь	185
XLI. Старый Капитан и его преемник	191
XLII. Новый году Джери	196
XLIII. Яков и барышня	204
XLIV. Тяжелые времена	209
XLV. Фермер Гуд и его внук Вилли	215
XLVI. Мое последнее жилище	220

Анна Сьюэлл

Черный Красавчик: история лошади, рассказанная ею самою

Часть первая

I. Где я жил, когда был маленький

Первое место, которое я помню, – это славный большой луг с чистым, прозрачным прудом. Над прудом стояло несколько тенистых деревьев, а на дальнем конце его росли камыши и кувшинки. За изгородью с одной стороны видно было вспаханное поле, с другой стороны – дом хозяина подле дороги. В одном конце луга была еловая роща, в другом, пониже, протекал ручей, за которым поднимался высокий берег.

Пока я был маленьким, мать кормила меня своим молоком, потому что я не мог есть траву. Днем я бегал около нее, а ночью ложился спать близко-близко к ней. Когда было жарко, мы, бывало, стояли в тени деревьев, возле пруда. В хо-

лодное время нам было где укрыться – под хорошим навесом подле роши.

Когда я настолько вырос, что смог есть траву, моя мать стала уходить с утра на работу и возвращалась только к вечеру.

Кроме меня, на нашем лугу паслось еще шестеро жеребят; они были все старше меня; некоторые из них были совсем большие, как взрослые лошади. Мне было очень весело с ними бегать и резвиться; мы, бывало, скакали во всю прыть кругом луга, но иногда, во время игры, мне больно доставалось от моих товарищей, которые на скаку лягали меня и кусали.

Однажды, когда я получил много колотушек, моя мать заржала, зовя меня к себе. Вот что она мне сказала:

– Слушай меня внимательно: здешние жеребята славные и добрые, но все они со временем будут ломовыми лошадьми. От них нельзя ожидать большой нежности в обращении. Ты же породистый и хорошо воспитанный жеребенок; твой отец очень известен в здешних местах, а дедушка взял главный выигрыш на скачках в Ньюмаркете. Твоя бабушка была самая добрая, смиренная лошадь, какую я когда-либо знала, и я никогда не лягала и не кусала никого. Надеюсь, что ты вырастешь такой же и не приобретешь дурных привычек. Смотри, делай свое дело с охотой, хорошенько поднимай ноги, когда бежишь рысью, и никогда не кусайся и не лягайся.

Я всегда помнил совет матери; я знал, что она – мудрая

старая лошадь и что хозяин о ней высокого мнения. Ее звали Герцогиней, но хозяин часто называл ее Любимицей.

У нас был очень добрый хозяин. Кормил он нас хорошо и обращался с нами ласково, как со своими маленькими детьми. Мы все его любили, а моя мать была к нему очень привязана. Завидев его подле калитки, она ржала от радости и подходила к нему. Он гладил ее и говорил:

– Ну, как поживаешь, старая Любимица? А что поделывает маленький Черныш?

Меня так прозвали за мою совершенно черную масть. Хозяин, поласкав мою мать, угощал меня вкусным хлебом, а матери приносил морковку. Все лошади подходили к нему, но мы были его любимцами. Моя мать всегда возила его в город по базарным дням в легонькой тележке.

Один из рабочих фермы, молодой парень по имени Дик, приходил иногда в наш загон, чтобы набрать костяники, которой росло много вдоль изгороди. Наевшись вволю, он начинал с нами играть, то есть он называл это игрой: он бросал в жеребят палки и камни, желая посмотреть, как они поскачут. Мы не обращали на него большого внимания, потому что могли ускакать от него, но случилось, что камень кого-нибудь больно задевал.

Однажды, забавляясь таким образом, он не заметил хозяина, который был на соседнем поле. Хозяин в одну минуту перескочил через изгородь, подбежал к нему и, прежде чем Дик успел оглянуться, так выдрал его за уши, что мальчишка

закричал от боли и испуга. Мы все приблизились к хозяину – нам любопытно было увидеть, что будет дальше.

– Дурной мальчишка! – сказал хозяин. – Как тебе не стыдно гонять жеребят? Ты, верно, не раз уже проделывал свои злые шутки с ними. Но это будет последний раз. Возьми деньги и ступай-ка домой. Ты мне больше не нужен.

Итак, мы больше не видали Дика. Старый Даниэль, ходивший за лошадьми на ферме, был такой же добрый человек, как хозяин. Нам очень хорошо жилось.

II. Охота

Мне еще не было двух лет, когда случилось одно происшествие, которого я никогда не забуду. Дело было ранней весной; ночью морозило, а с утра над лугами и рощами стоял легкий туман. Я щипал траву с другими жеребятами. Вдруг мы услышали вдали что-то вроде собачьего воя. Старший из нас, наострив уши, сказал:

– Это охота!

Он тотчас поскакал на другую сторону лужайки, откуда можно было далеко видеть поле; мы, конечно, все побежали за ним. Моя мать и старая верховая лошадь хозяина, стоявшие неподалеку от нас, разговаривали между собой, и видно было, что для них дело это весьма знакомое.

– Они нашли зайца, – сказала моя мать. – Если они его сюда погонят, мы увидим охоту.

Вскоре вся стая собак высыпала на соседнее пшеничное поле. Они бешено бежали, оглашая воздух неистовым криком. Это было что-то ужасное, не похожее на лай, – какой-то непрерывный рев! За ними скакали несколько всадников; некоторые из них были в зеленых сюртуках. Старая верховая лошадь хозяина зафыркала, жадно следя глазами за охотой, и нам, жеребятам, хотелось скакать там на просторе. Но вот охота остановилась в следующем поле. Собаки смолкли и забегали в разные стороны.

– Они потеряли заячий след, – заметила старая лошадь. – Может быть, зайцу удастся от них уйти.

– Какому зайцу? – спросил я.

– Не все ли равно какому? – ответила старая лошадь. – Может быть, здешнему какому-нибудь, из нашей рощи. Людям и собакам только бы напасть на зайца, они не отстанут от него.

Действительно, скоро снова поднялся собачий рев; вся стая бросилась назад, по направлению к нашему лугу, в то место, где за ручьем начинался высокий берег.

– Теперь мы увидим зайца, – сказала моя мать.

В эту самую минуту заяц, обезумевший от страха, пробежал мимо, к роще. Собаки мчались за ним как бешеные; они перескочили через ручей, а за ними и охотники. Человек шесть или семь ловко перепрыгнули. Заяц попытался проскочить через изгородь, но она была слишком частая; он бросился опять на дорогу, однако было уже слишком поздно: собаки с диким лаем окружили его. Мы услышали пронзительный крик. Тем и кончилась жизнь зайца. Один из охотников подкакал к стае расшвиравших псов и отогнал их арапником, а то они разорвали бы зайца на куски. Охотник поднял зайца за заднюю окровавленную ногу, – и все господа казались очень довольными.

Что касается меня, я был до того изумлен всем виденным, что сначала не разобрал того, что случилось подле ручья, но когда я наконец оглянулся в ту сторону, то увидел печаль-

ную картину: две красивые лошади упали на скаку – одна барахталась в воде, а другая лежала на траве. Один из ездоков вылезал из ручья, весь покрытый грязью; другой лежал неподвижно.

– Он сломал себе шею, – сказала моя мать.

– И поделом ему! – заметил один из жеребят.

Я подумал то же, но моя мать не согласилась с нами.

– Нет, так не надо говорить, не надо ни о ком говорить дурно! – сказала она. – Странные развлечения у людей! Хотя я, старая лошадь, многое на своем веку видала, но я никогда не могла понять этой забавы, в которой люди находят столько приятного. Они часто сами ушибаются, портят дорогих лошадей и мчатся по полям из-за какого-нибудь зайца, или лисицы, или оленя, которых они могли бы себе достать гораздо легче, без всякой травли. Но, конечно, мы, лошади, этого не можем понимать.

Пока мать рассуждала, мы смотрели на то, что происходило между охотниками. Многие из них окружили неподвижно лежавшего молодого человека. Наш хозяин, который тоже был там, первый нагнулся к нему. Когда он его приподнял, голова и руки молодого человека безжизненно свесились; все лица были очень серьезные. Теперь все было тихо кругом, даже собаки смолкли, почуяв что-то не-доброе. Молодого человека внесли в дом к нашему хозяину. Я услышал потом, что это был Джордж Гордон, единственный сын богатого помещика, статный, красивый юноша, гордость семьи.

Посланы были гонцы за доктором, за ветеринаром и к помещику Гордону известить его о случившемся.

Ветеринар, осмотрев вороную лошадь, лежавшую на траве, покачал головой: у нее была сломана нога. Кто-то сбегал в дом нашего хозяина за ружьем, и вскоре раздался какой-то громкий звук; в ту же минуту мы услышали пронзительный крик. Потом снова наступила тишина. Вороная лошадь лежала без движения. Моя мать казалась сильно взволнованной; она сказала, что давно знала вороного коня, которого звали Роб-Рой. Это был прекрасный, горячий конь, без малейшего порока. (Моя мать потом никогда больше не ходила в ту сторону луга.)

Через несколько дней после того мы услышали колокольный звон, доносившийся от соседней церкви; глядя через забор, мы увидели ехавшую по дороге странную черную карету с лошадьми, покрытыми черными попонами. За ней ехала другая карета, третья, четвертая, и все они были черные, а колокол все звонил. Это везли молодого Гордона на кладбище. Он никогда больше не поедет верхом. Что сделали с Роб-Роем, я не знаю; но знаю, что все это случилось из-за одного маленького зайца.

III. Мое воспитание

Я стал хорошетъ; шерсть у меня была тонкая и мягкая, блестящая, черная. Одна нога у меня была белая и на лбу у меня была хорошенькая белая звезда. Все считали меня очень красивым, хозяин не хотел продавать меня до четырех лет; он говорил, что мальчики не могут работать, как взрослые люди, и жеребята не должны идти на работу, пока они не вырастут.

Когда мне минуло четыре года, помещик Гордон приехал к нам покупать меня. Он осмотрел глаза, рот и ноги; меня заставили пройтись перед ним рысью и галопом. Кажется, я понравился ему. Он сказал моему хозяину: «Когда его хорошенько вышколят, он будет хорош». Хозяин предложил заняться сам моим воспитанием, так как он не желал отдавать меня чужим людям, которые могли бы меня пугать и бить.

Не всякому известно, что такое воспитание лошади есть то, что принято называть «тренировкой».

Учение наше состоит в том, чтобы привыкнуть к седлу и узде, возить смирно и слушаться воли ездока: мужчины ли, женщины ли, ребенка ли, – все равно. Кроме того, надо научиться носить хомут, шлею, подхвостник и стоять неподвижно, пока седлают. И это еще не всё. Приходится учиться таскать за собой телегу или кабриолет, причем лошадь должна бежать так скоро, как захочет возница. Она никогда не

должна пугаться, разговаривать с другими лошадьми и, что еще важнее, не должна кусаться и брыкаться. Одним словом, хорошо воспитанная лошадь не имеет своей воли, а знает только волю хозяина, как бы она ни устала и ни проголодалась. Хуже всего то, что в хомуте нельзя уж попрыгать для своего удовольствия, нельзя лечь отдохнуть. Видите, как трудно лошади пройти всю школу учения!

Я уже давно привык к недоузду, на котором меня водили гулять тихим шагом в поле и по дорогам; но теперь пришлось испробовать настоящую узду и удила. Сначала хозяин накормил меня овсом, потом, лаская и уговаривая, вдел в рот удила, или мундштук. Какая это была гадость! Кто никогда не имел удил во рту, не может даже представить себе, до чего это неприятно! Представьте себе, что вам в рот положили большой кусок железа, толще пальца мужчины, между зубами, на язык, и притянули это железо ремнями ко лбу, к шее, к носу, к подбородку, так что никак нельзя освободиться от этой гадкой твердой вещи! Ужасно неприятно! Но я видал, что мою мать взнуздывали так же, когда ее запрягали, и то же делали со всеми взрослыми лошадьми. Благодаря вкусному овсу и ласковому обращению моего хозяина я наконец привык к мундштуку.

После этого меня стали приучать к седлу, но это мне показалось гораздо легче. Хозяин сам в первый раз надел на меня седло, пока старый Даниэль придерживал мою голову; лаская и похлопывая меня по спине, хозяин застегнул под-

пругу, после чего я получил немного овса и меня повели. Так поступали со мной каждый день, и я привык к седлу, всегда ожидая овса при седлании.

Наконец в одно хорошее утро хозяин оседлал меня и поехал по мягкой траве луга. Конечно, сначала мне было неловко, но я гордился тем, что везу на себе хозяина. Он каждый день седлал меня и ездил верхом, так что я скоро привык к этому.

Следующую неприятность я испытал при подковывании копыт; в первый раз мне было очень даже тяжело. Хозяин сам отправился со мной в кузницу, чтобы меня не напугали и не сделали мне больно. Кузнец брал одну за другой мои ноги и обрезал копыта; при этом я не почувствовал никакой боли, почему и стоял смирно на трех ногах, пока все четыре копыта не были подготовлены. Потом кузнец прибил на каждое по закругленному куску железа. Он вбивал гвозди в самую глубину копыта, так что подкова плотно сидела на ноге. Сначала мне показалось очень тяжело и неловко, но со временем я привык и к этому.

По окончании курса верховой езды хозяин попробовал меня в упряжи. На шею мне надели крепкий хомут, уздечку с большими кожаными клапанами – это были наглазники, чтобы я не мог смотреть по сторонам, а только вперед. Эти наглазники и седелка с твердым ремнем были мне вначале не менее противны, чем мундштук. Когда мой хвост подхватывали твердым ремнем, я готов был даже брыкаться, но я

не решился этого сделать, чтоб не огорчить доброго хозяина. Итак, по прошествии некоторого времени я привык ходить в упряжке, как раньше научился ходить под седлом.

Припоминаю еще одну предосторожность, принятую хозяином во время моей тренировки, — я навсегда остался благодарен ему за нее. Хозяин послал меня на две недели на одну соседнюю ферму, возле которой проходила железная дорога. Здесь паслось несколько коров и овец, и меня пустили с ними на траву. Я никогда не забуду первого поезда, проехавшего мимо меня. Я тихо пощипывал траву подле решетки, отгораживавшей наш лужок от железной дороги; вдруг я услышал в отдалении странный шум и, прежде чем я успел оглянуться, какое-то длинное чудовище промчалось со страшным грохотом мимо меня, оставляя за собою полосу густого черного дыма! Я поскакал как сумасшедший и остановился только на дальнем конце луга, тяжело дыша и фыркая от страха и удивления. В течение дня проехало еще много поездов; некоторые останавливались на станции, рядом, и издавали тогда резкий свист и рев. Мне все это казалось очень страшным, но коровы продолжали спокойно щипать траву, едва поднимая головы, когда чудовище мчалось мимо них.

Первые дни я не мог успокоиться и плохо ел, но когда я увидал, что ужасная вещь не заезжает в наш луг и не причиняет мне ровно никакого вреда, я стал привыкать и вскоре обращал на поезда так же мало внимания, как коровы и ов-

цы.

С тех пор я нередко видал, как лошади пугаются при виде поездов, но, благодаря моему доброму хозяину, я стою так же бесстрашно около железнодорожных станций, как в собственном стойле.

Вот как следует воспитывать молодую лошадь.

Хозяин часто запрягал меня в дышло с матерью, потому что она была смиренная лошадь и могла лучше другой научить меня ходить в дышло. Она мне говорила, что чем лучше я буду служить, тем лучше будут люди со мной обращаться, и что благоразумнее всегда стараться угодить хозяину.

– Но, – говорила она, – бывают разные люди. Есть такие же добрые и заботливые, как наш хозяин; таким хозяевам лошадь может служить с гордостью, но бывают жестокие, дурные люди, которым не следовало бы никогда иметь лошадей или собак. Кроме таких злых хозяев, встречаются и просто глупые, самоуверенные и невежественные люди, которые не дают себе труда ни о чем подумать. Подобные хозяева портят лошадей от глупости; не то чтобы они хотели принести вред, но они не умеют обращаться с лошадьми. Надеюсь, что ты попадешь в хорошие руки, но лошадь никогда не знает, кто ее купит, кто будет управлять ею. Повторяю тебе: где бы ты ни был, старайся вести себя как можно лучше, поддерживай везде свое доброе имя.

IV. Бертвикский парк

Перед отправкой на новое место меня ежедневно чистили и убирали в стойле, где я стоял теперь. Моя шерсть стала блестеть, как крыло грача. В начале мая пришел за мной человек от помещика Гордона. Хозяин сказал:

– Прощай, Черныш! Будь хорошей лошастью, старайся всегда.

Я не мог сказать ему что-нибудь на прощание, но зато сунул нос в его руку; он ласково потрепал меня, и я покинул свое родное гнездо.

Так как я провел несколько лет у помещика Гордона, опишу его поместье.

Парк его начинался на краю деревни Бертвик. В него въезжали через большие железные ворота, у которых находилась первая сторожка. Мягкая, укатанная дорога между двух рядов больших старых деревьев вела ко второй сторожке и вторым воротам, за которыми начинались сады и дорога к самому дому. За домом был огороженный выгон для домашних животных, старый фруктовый сад и конюшни.

В конюшнях и в сараях было много лошадей и экипажей, но я опишу только ту конюшню, куда привели меня. Она была очень просторная, с четырьмя большими стойлами. В этой конюшне было большое подъемное окно, выходившее на двор, так что у нас было светло и много воздуха.

Первое, самое большое стойло запиралось сзади деревянной дверью, остальные три стойла были обыкновенные, хорошие, но не такие большие. В каждом были устроены решетки, куда лошадям задают сено, и ясли для овса. Большое стойло было, что называется, свободное стойло, то есть лошадей не привязывали в нем, а оставляли на свободе. Очень приятно иметь свободное стойло.

Конюх, который меня привел, поставил меня в большое прекрасное стойло. Тут было очень чисто и воздух самый легкий. Я никогда еще не бывал в таком превосходном помещении. Боковые стены были невысокие, так что я мог видеть в решетку все, что делалось в соседних стойлах.

Конюх дал мне овса, ласково поговорил со мной и потрепал, после чего он ушел.

Хорошенько поев, я огляделся кругом. В ближайшем от меня стойле я увидел небольшую кругленькую лошадку, серую в яблоках, с густой гривой и густым хвостом, с очень хорошенькой головкой и лукаво вздернутым носом.

Я просунул немного морду между прутьями решетки и сказал:

– Здравствуйте! Как вас зовут?

Лошадка повернула голову, насколько позволил недоуздок, и отвечала:

– Меня зовут Резвушка. Я очень красива и вожу в седле молодых барышень, а иногда катаю в низеньком кабриолете саму хозяйку. Они все очень любят меня, и Джемс тоже лю-

бит меня. Это вы будете теперь моим соседом?

Я сказал, что да.

– Ну, так я надеюсь, – продолжала моя серая соседка, – что у вас хороший нрав. Я не люблю таких соседей, которые кусаются.

В эту минуту из дальнего стойла выглянула голова лошади. Лошадь прижала уши и сердито поглядывала. Это была высокая гнедая кобыла с красивой длинной шеей. Взглянув на меня, она сказала:

– Так вот кто меня выселил из моего стойла! Странно, что даму побеспокоили из-за какого-то жеребенка!

– Извините, – сказал я, – я никого не выселял. Человек, который за мной приходил, поставил меня сюда. Меня никто не спрашивал. Что же касается того, что вы назвали меня жеребенком, то должен вам заметить, что мне уже четыре года. Я никогда ни с кем не ссорился и желаю жить со всеми в мире.

– Ну хорошо, посмотрим! – заметила сердитая лошадь. – Конечно, и я вовсе не желаю браниться с таким юнцом, как вы.

Я больше ничего не сказал.

– Дело вот в чем, – сказала Резвушка. – Джинджер (так зовут гнедую кобылу) имеет дурную привычку кусаться.

Когда она стояла в свободном стойле, она часто кусалась. Однажды она укусила Джемса в руку так, что кровь пошла. С тех пор барышни, которые очень меня любят, боятся сюда

входить. Они, бывало, приносили мне разные вкусные вещи: яблоки, морковку, хлеб; мне очень жаль, что они больше не приходят. Может быть, если вы не кусаетесь, они теперь станут опять ходить сюда.

Я сказал, что никогда ничего не беру в рот, кроме овса, сена или травы, и не понимаю, какое может быть удовольствие кусать кого-нибудь.

– Я думаю, что Джинджер кусается не ради удовольствия, – сказала Резвушка. – Это просто дурная привычка. Если правда всё, что она мне рассказывала, я не удивляюсь тому, что она стала кусаться. С ней люди очень дурно обращались, прежде чем она попала на это место. Джон, наш главный кучер, старается ей во всем угодить и Джемс тоже; хозяин никогда без нужды не тронет лошадь кнутом. Здесь Джинджер, по правде сказать, не на что злиться. Мне уже двенадцать лет, и я кое-что видала на своем веку, – прибавила Резвушка с очень серьезным выражением. – Я вам скажу, сосед, что лучшего места, чем здешнее, не найдешь. Кучер служит уже четырнадцать лет, а конюх Джемс добрейший малый. Нет, Джинджер сама виновата, что не осталась в большом стойле.

V. Хорошее начало

Нашего кучера звали Джон Манли; у него была жена и маленький ребенок; они все жили в кучерской избе, подле конюшен. На другое утро он вывел меня во двор и хорошо вычистил, так что шерсть моя сделалась мягкая и блестящая, и, когда хозяин вошел потом в мое стойло, он остался мною очень доволен.

– Джон, – сказал он кучеру, – я хотел сам попробовать новую лошадь после завтрака, но у меня есть другое дело. Поезжай-ка с ней сам по большому лугу до Хейвуда и назад мимо водяной мельницы и вдоль реки. Так ты испробуешь ее ход.

– Слушаю, сударь, – отвечал Джон.

После завтрака он примерил мне узду; он заботливо несколько раз перестегивал ремни, чтобы голове было удобно; потом он принес седло, но оно оказалось узким, и он пошел тотчас за другим. Когда меня удобно оседлали, Джон сел и поехал, сначала тихо, потом рысью, а на лугу он чуть-чуть тронул меня хлыстом, и мы поскакали чудным галопом.

– Ого, дружище! – сказал Джон, остановив меня. – Ты, я вижу, не прочь поскакать с собаками на охоте.

Возвращаясь домой парком, мы встретили господина и госпожу Гордон; Джон соскочил с меня и подошел со мной к господам.

– Ну что, Джон? – спросил помещик. – Какова наша новая покупка?

– Конь чудесный, сударь, – отвечал Джон, – скачет легко, как олень, и горяч; им можно править самой легкой рукой. На том конце луга нам попался воз, нагруженный корзинами, циновками и всяким кустарным товаром; большая часть лошадей пугаются таких возов, но наш осмотрел его внимательно и прошел спокойно дальше. Под Хейвудом охотники стреляли кроликов, но и выстрелов он не испугался, хотя один раздался очень близко от нас; только уши насторожил и встал. Я держал узду и не торопил его; по всему видно, что конь не напуганный и не видавший с малолетства дурного обращения.

– Это хорошо, – сказал помещик. – Завтра я сам попробую на нем проехаться.

На другой день, когда меня подвели к хозяину, я припомнил советы матери и моего доброго хозяина: я старался делать все, чего желал от меня ездок. Я скоро понял, что имею дело с хорошим наездником и заботливым человеком. Вернувшись с прогулки, я увидел госпожу.

– Что же, мой друг, – спросила она мужа, когда мы подъехали, – нравится тебе лошадь?

– Джон сказал правду, – отвечал господин, – я не желаю себе лучшей верховой лошади. Как же мы назовем его?

– Хочешь, назовем его Грачом, как звали старую лошадь твоего дяди? – предложила госпожа.

– Нет, этот конь гораздо красивее, чем Грач был в лучшие годы.

– Правда, – сказала госпожа, – лошадь эта очень красива, и какая у нее славная, добрая морда с умными глазами! Не назвать ли нам его Черный Красавчик?

– Отлично! Самое подходящее имя. Так и назовем его.

Когда Джон привел меня в конюшню, я слышал, как он говорил конюху, что мне дали, по счастью, простую, понятную кличку, не то что иных лошадей называют странными, ничего не значащими именами, вроде Абдаллы или Пегаса. Они оба смеялись. Потом конюх Джемс сказал:

– Не хочется старого поминать, а то можно было бы его назвать Роб-Рой. Такого сходства, как у него с Роб-Роем, я в жизни не видал.

– Неудивительно, – сказал Джон. – Разве ты не слышал, что у них одна мать, та кобыла фермера Грея, Герцогиня?

Я никогда не слышал этого раньше. Итак, бедный Роб-Рой, убитый тогда на охоте, приходился мне родным братом! Теперь я хорошо понял огорчение моей матери. Лошади, которых продают в чужие руки, не могут знать своей родни, и если б не случайный разговор, я бы не узнал про Роб-Роя, что он был мой брат.

Джон очень полюбил меня; он расчесывал мне гриву и хвост до того, что они становились мягкие, как женские волосы. Он подолгу разговаривал со мной, и хотя я не понимал всех его слов, но научился отлично понимать всё, что он

хочет сказать. Я тоже скоро привязался к доброму, ласковому кучеру; он как будто знал все лошадиные чувства и, чистя меня, осторожно обращался с нежными, чувствительными местами. Расчесывая челку, он берег мои глаза, как свои собственные.

Джемс Гауард, конюх, был тоже очень обходительный малый, а другой конюх меня не касался, он ходил за Джинджер. Итак, мне жилось очень хорошо.

Через несколько дней меня заложили с Джинджер в карету. Я побаивался, как мы с ней поладим, но Джинджер только сначала прижала уши, а потом вела себя хорошо. Она не ленилась, везла изо всех сил, а на подъемах не только не убавляла ходу, но налегала крепче на хомут и бодро шла в гору. У нас у обоих было одинаковое рвение к работе, так что кучеру приходилось чаще сдерживать нас, чем погонять. Кроме того, у Джинджер и у меня был очень ровный ход, так что у нас выходила дружная рысь, чем господин и Джон были очень довольны. После двух-трех поездок в дышле мы с Джинджер очень подружились, и мне стало еще веселее жить. С хорошенькой лошадкой Резвущкой я еще раньше совсем сошелся; она была добрая, ласковая лошадь, всеобщая любимица. Особенно ее любили барышни, Джесси и Флора, которые катались на ней во фруктовом саду и играли с ней и со своей собачкой Прыгуньей.

У нашего господина стояли еще два коня в другой конюшне. Один из них, саврасый, ходил под седлом и возил тяже-

сти, его называли Судьей, а другой, Сэр Оливер, был старый охотничий гнедой. Он жил на отдыхе, его очень любил наш господин и позволял ему гулять в парке. Только изредка он возил легкие клади по имению или одну из барышень, когда они ездили верхом с отцом. Этой лошади, как и Резвушке, можно было доверить даже маленькое дитя. Саврасый был сильный, здоровый конь, и мы с ним иногда болтали на выгоне, но, конечно, я не был с ним так близок, как с Джинджер, с которой жил в одной конюшне.

VI. Свобода

Я чувствовал себя счастливым на новом месте, но все-таки иногда мне чего-то не доставало. Все было со мной хорошо, стойло мое было прекрасное, просторное и светлое, еды вдоволь – чего же мне было еще надо? Свободы! В продолжение трех с половиной лет я жил в полной свободе; теперь же неделя за неделей, месяц за месяцем, – а кто знает, может быть, так пройдут года, – я должен был стоять в стойле или выходить из него для того, чтобы исполнять желания других; нужно было вести себя тихо и серьезно, как какая-нибудь старая лошадь, проработавшая двадцать лет. Тут ремни, там ремни, наглазники, удила! Я не жалуясь, но для молодой лошади, полной живости и силы, привыкшей к жизни на просторе, где можно, подняв голову, скакать во всю прыть, кружиться по лугу и пофыркать с товарищами, – признаюсь, жизнь в неволе трудна и подчас тяжела. Хотелось бы иногда на волю и мне.

Случалось в таком настроении помучить Джона, когда он выводил меня на прогулку. Я задавал таких прыжков, что ему нелегко было удержать меня, но он ни разу не выходил из терпения.

– Ну, ну, молодец, – говорил он, – постой, придет еще время, наскачешься, прыть-то свою израсходуешь!..

Бывало, выедем из села, он и пустит меня скакать несколь-

ко миль; домой, однако, я возвращался всегда свежим, сколько бы ни скакал, только переставал горячиться без толку. Часто люди говорят про лошадь, что она норовиста, тогда как она просто резвится от молодой удали, оттого, что мало ей дела и движения. Джон хорошо это знал и умел унять меня одним голосом или легким движением узды. Я его слушался, потому что любил его.

Иногда и нам случалось поиграть на свободе. В хорошую погоду по воскресным дням, так как никто никуда не ездил, нас выпускали на выгон или во фруктовый сад. Тут было чудесно. Трава густая, мягкая, воздух душистый. Мы делали все, что вздумается: скакали, ложились на траву, катались по ней и щипали ее с удовольствием. В это время удавалось и вдоволь поболтать между собою, стоя вместе под тенью большого каштанового дерева.

VII. Джинджер

Случилось мне стоять в тени с Джинджер, и между нами зашла длинная беседа. Джинджер спрашивала меня про мое детство и воспитание. Услыхав все, что я рассказывал, она заметила:

– Если б меня воспитали так, то, может быть, и у меня был бы такой же добрый нрав, как у тебя, но теперь вряд ли я могу исправиться.

– Почему же нет? – спросил я.

– Потому что с тех пор, как я помню себя, я не встречала ни человека, ни лошадь, которые были бы ласковы со мной. Начать с того, что маленьким жеребенком меня отняли у матери и заперли с несколькими другими жеребятами. Им не было никакого дела до меня и мне до них. Доброго хозяина, как твой первый хозяин, у меня не было, говорить со мной ласково, приносить вкусные вещи было некому. Я не могу сказать, чтобы конюх, смотревший за нами, был груб или жесток, нет, но он думал только о том, чтобы мы были сыты и укрыты от непогоды зимой. Через наше поле проходила тропинка, по которой нередко бегали мальчишки; им доставляло удовольствие бросать в нас камнями, чтобы заставить скакать. Со мной ни разу не случилось, чтобы камень в меня попал, но одному жеребенку сильно поранило морду, так что, я думаю, у него останется шрам на всю жизнь. Конечно, мы не

обращали большого внимания на мальчишек, но их преследования делали нас еще более необузданными, и все мы скоро решили, что мальчишки – наши злые враги. Вообще же нам жилось недурно на нашем выгоне: весело было гоняться друг за другом, потом смирно стоять в тени деревьев.

Но когда пришло время учения, я испытала много тяжелого. Во-первых, несколько человек ловили меня; когда же меня наконец окружили и взяли в одном конце луга, то один человек схватил меня за челку, другой – за нос и так крепко зажал, что я насилу могла дышать; еще третий взял меня грубой рукой за нижнюю челюсть, силой разинул рот и всунул между зубами железную палку с уздой. После этого меня повели, дергая за узду, причем один из людей все время бил меня по спине. Вот мой первый опыт в области людской доброты.

Надо сказать, что мои мучители не давали мне вовсе понять, чего им от меня нужно. Я не спорю, что нравом я была очень горячая лошадь и, верно, причинила немало забот и хлопот моим воспитателям, но согласись, что стоять день за днем в тесном стойле – большое мучение, и мне очень хотелось вырваться на свободу. У тебя был добрый, ласковый хозяин, и все-таки тебе нужно было привыкать к несвободной жизни. Мой старый хозяин, господин Райдф, был очень добрый, и он, верно, сумел бы со мной сладить, но он уже давно бросил личный уход за лошадьми, передав это дело своему сыну. Молодой хозяин, сильный, высокий мужчина,

которого звали Самсоном, хвастал, бывало, тем, что не было на свете лошади, которая могла бы его сбросить. Он не походил на своего отца. Взгляд, голос, рука – все у него было суровое, тяжелое. Я сразу почувствовала, что ему одного надо от меня: полного смирения и послушания. Разве я была из породы смиренных лошадей?

Джинджер затопала и фыркнула, как будто одно воспоминание о Самсоне возбуждало ее гнев.

– Если я, бывало, чем-нибудь ему не ужогу, – продолжала она, – он станет меня без конца гонять на корде¹, пока я не утомлюсь совершенно. Мне кажется, он выпивал, и я заметила, что всякий раз, когда это с ним случалось, мне приходилось особенно плохо. Помню, как-то раз, после такого мучительного испытания, я лежала в стойле и горько размышляла о своей судьбе. На следующее утро он опять долго гонял меня. Не успела я и часу отдохнуть, как он явился с седлом и новой уздой с мундштуком. Не знаю, как это случилось, верно, я что-нибудь сделала не по его желанию; он страшно рассердился и сильно дернул мундштук. От боли я расвирепела и вдруг брыкнула задними ногами. Это еще более рассердило его, и он принялся хлестать меня. Я вся вспыхнула и стала бить ногами, метаться в стороны и становиться на дыбы, чего еще никогда со мной не бывало. Между нами завязалась настоящая борьба. Он долго держался в седле, вонзая мне шпоры в бока и жестоко хлеща; но мне было все

---

¹ Корда – длинная веревка.

равно. Я, что называется, закусила удила и хотела добиться одного – сбросить ездока со спины. Наконец, после отчаянной борьбы, мне это удалось, – он упал назад, на землю, а я без оглядки бешено ускакала на другой конец поля. Там я обернулась и увидела, как мой мучитель медленно поднялся и пошел к конюшне. Я стояла под дубом и ждала, что будет, но никто не шел за мной.

Прошло много времени. Солнце сильно припекало; слепни садились на те места, где кровь сочилась из ран; голод мучил меня, так как я с утра ничего не ела, а травы было так мало, что не хватило бы накормить гуся. Мне хотелось лечь, но седло мешало, и, к довершению всего, нигде не было видно ни капли воды, чтобы утолить жажду. Солнце склонилось; я увидела, что других жеребят повели в конюшню; я знала, что им зададут там вкусного корма. Наконец, когда солнце уже село, старый хозяин показался на выгоне; он шел с решетом в руках. Это был статный старик с совершенно белыми волосами и таким приятным мягким голосом, который я узнала бы среди тысячи голосов. Он никогда не кричал; но когда он что-нибудь приказывал, то говорил так твердо и решительно, что и люди, и лошади слушались его. Он подошел ко мне и высыпал овес из решета передо мной, ласково приговаривая все время: «Ну ну, красавица, поди сюда!» Я смиренно стояла перед ним; при звуке его голоса все мое волнение прошло, я успокоилась и стала есть овес. Он гладил меня и, увидав кровавые раны на боках, остался очень недо-

волен.

– Бедная лошадь, – сказал он, – скверно тебе нынче пришлось, нечего сказать.

Потом он спокойно повел меня за узду к конюшне. У дверей стоял Самсон. Я прижала уши и фыркнула.

– Посторонись-ка, – сказал старый хозяин, – не стой на дороге у этой лошади. Хороших ты наделал дел сегодня.

Самсон проворчал что-то, из чего я разобрала: «Животное с норовом».

– Послушай, – сказал его отец, – человеку с дурным нравом невозможно воспитать капризную лошадь. Ты еще не годишься для нашего дела, Самсон.

Он ввел меня с этими словами в мое стойло, снял седло и осторожно вынул мундштук из пораненного рта. Потом он сам привязал меня и велел конюху принести ведро с теплой водой и губку. Он нежно промыл раны на моих изборожденных боках; я чувствовала, что он понимает, как мне больно, и послушно стояла, слушая его ласковый голос. Я не могла есть сено, оно кололо рот; тогда хозяин велел приготовить мне похлебку из отрубей и муки. Это было очень вкусно и как будто смягчало разодранную кожу в углах рта. Старый хозяин стоял все время подле меня, пока я ела, и говорил с конюхом, глядя меня: «Если такую породистую лошадь не учить лаской, то она никогда ничему не научится».

После этого дня он часто навещал меня. Когда рот мой зажил, он поручил меня другому тренеру. Тренер этот, Джон,

был человек заботливый, с ровным характером, и я скоро поняла, чего он от меня требовал.

VIII. Продолжение рассказа Джинджер

Когда мы опять сошлись с Джинджер на выгоне, она рассказала мне, каково ей жилось на первом месте.

– Когда меня вполне обучили, – сказала она, – меня купил один торговец лошадьми, которому нужна была лошадь под пару другой, гнедой. Мы ходили с ней в дышле несколько недель, после чего нас продали одному богатому господину в Лондоне. У купца меня приучили к двойному мундштуку, который я ненавидела. На моем новом месте запрягали еще строже. Сам хозяин и кучер думали, что нарядный вид лошади достигается строгой уздой, заставляющей ее держать голову высоко. Мы часто выезжали в парк на модное гуляние. Ты не можешь себе представить, какое это бывало мучение.

Я люблю вскидывать голову высоко, но когда твою голову насильно вздергивают уздой, ты не можешь никак опустить ее, шея от этого очень болит и, наконец, не знаешь, куда деться от боли. Ведь строгая узда состоит из двух мундштуков, то есть в рот лошади засовывают два куска железа. К тому же мой мундштук был такой острый, что раздирал мне язык до крови, и кровь смешивалась с пеной, наполнявшей рот, оттого что я нетерпеливо грызла удила.

Хуже всего было, когда нам приходилось часами ожидать у подъезда нашу хозяйку, танцевавшую на балу. Если я не

стояла смиренно, то получала удары кнута. Просто можно было с ума сойти.

– Неужели твой хозяин вовсе не думал о вас? – спросил я.

– Нет, он только заботился о том, чтобы его экипаж был самый модный. Он мало понимал толк в лошадях, представляя кучеру все заботы по конюшне, а кучер жаловался на меня, говоря, что я лошадь с норовом, что меня не приучили к строгой узде, но что я скоро должна буду привыкнуть. Конечно, не такому кучеру можно было надеяться приучить лошадь к чему-нибудь. Бывало, стоишь в стойле, несчастная, озлобленная, а он войдет и только бранится или ударит. Если б он был добр, я бы, кажется, постаралась привыкнуть к двойному мундштуку. Я готова была работать сколько угодно, но необходимость переносить ненужное мучение из-за капризов выводила меня из всякого терпения. Какое право имели они так мучить меня? Кроме боли во рту и в шее, мое дыхание затруднялось двойным мундштуком; если б я долго пробыла на том месте, я уверена, что нажила бы чахотку.

Я становилась все раздражительнее. Что было делать? Скоро стало нельзя подойти ко мне, потому что я лягалась и кусалась. Меня стали бить, и кончилось тем, что однажды, когда нас с большим трудом впрягли в карету, я так стала брыкаться и биться, что мне удалось оборвать ремни и освободиться от дышла. После этого меня не стали больше держать на этом месте и продали в манеж. Конечно, нельзя было выдать меня покупателям за лошадь без всяких пороков. Об

этом просто умалчивали. Красота и хороший бег скоро, однако, привлекли ко мне внимание какого-то господина, оказавшегося тоже торговцем лошадьми. Он пробовал меня на разных уздах и скоро понял, чего я не вынесу и что можно со мной сделать. Он стал ездить на мне совсем без мундштука, а потом продал как вполне смирную лошадь одному деревенскому сквайру.

Новый мой хозяин оказался славным, добрым человеком, но старый конюх ушел от него и на место его поступил новый с дурным характером и железной рукой. Говорил он грубо и часто давал мне пинки в живот шваброй или вилами, чем попало, что было в руках. Я скоро возненавидела его. Ему хотелось запугать меня, но не удалось: я была не способна трусить. Однажды, когда он более обыкновенного рассердил меня, я укусила его. Это привело его в ярость, и он стал бить меня хлыстом по морде, не разбирая ничего. После этого случая он не смел входить в мое стойло, зная, что ему достанется от моих зубов или от копыт. С хозяином я вела себя смирно и хорошо, но он послушался жалобы своего конюха и меня опять продали. Я попала к прежнему купцу, который сказал, что у него есть на примете подходящее для меня место.

– Жалко, – говорил он, – если такая хорошая лошадь пропадет ни за что.

Вот каким образом я попала сюда, незадолго до тебя. Но я убедилась, что все люди мои враги и что мне надо защи-

щать свою шкуру. Конечно, здесь совсем не то, что я прежде видала, но кто знает, долго ли это продлится. Я хотела бы посмотреть на жизнь твоими глазами, но не могу после всего пережитого.

– Мне кажется, что тебе будет стыдно укусить или лягнуть доброго Джона или Джемса, – сказал я.

– Я и не собираюсь этого делать, – отвечала Джинджер, – пока они поступают хорошо со мной. Я раз куснула-таки пре-больно Джемса, но Джон сказал ему: «Попробуй взять ее лаской». Вместо ожидаемого наказания я получила вкусную отрубную похлебку, и Джемс подвязанной рукой приласкал меня. С тех пор я никогда не хотела причинить ему ни малейшего вреда.

Мне было от души жаль Джинджер, но я был тогда еще так неопытен в жизни, что не совсем поверил ее рассказу: мне казалось, что она преувеличила многое.

Время шло между тем, и я стал замечать большую перемену в Джинджер. Вместо прежнего злого, недоверчивого взгляда у нее явилось доброе, веселое выражение. Я раз слышал, как Джемс сказал:

– Право, кажется, Джинджер стала ко мне привязываться. Сегодня утром, когда я чистил ее, она даже весело заржала.

– Да, да, Джемс, – отвечал Джон. – Бертвикское лекарство действует на Джинджер. Смотри, она со временем станет такой же смирной лошастью, как Черный Красавчик. Ласковое обращение – вот все, что требовалось.

Хозяин заметил перемену в Джинджер. Вернувшись как-то с прогулки в экипаже, он подошел к нам, как всегда, и, погладив прекрасную шею Джинджер, сказал:

– Ну что, моя прелесть? Как дела? Ведь ты здесь чувствуешь себя счастливее, чем прежде?

Джинджер доверчиво подняла морду к руке хозяина, который погладил ее.

– Мы исправим ее, Джон, – сказал он.

– Да, сударь, она и так очень исправилась. Ее узнать нельзя. Это все Бертвикское лекарство.

Джон весело засмеялся. Он всегда говорил, что хороший курс лечения в его конюшне может исправить самую злонаправленную лошадь. Лечение, по его словам, состояло из терпения, кротости и твердости с приправой ласки и разумного обращения.

IX. Резвушка

Господин Блумфильд часто присылал своих детей играть с нашими барышнями. У него были сыновья и дочери; одна из дочерей была одних лет с барышней Джесси, двое мальчиков были постарше, а остальные были малыши. Когда все они собирались у нас, Резвухке доставалось много работы, потому что все дети поочередно катались на ней верхом во фруктовом саду и по выгону.

Один раз Резвушка была очень долго занята с детьми. Когда наконец Джемс привел ее в конюшню, он сказал, надевая ей недоуздок:

– Смотри, шельма, веди себя хорошо, а то попадем мы с тобой в беду!

– Что ты сделала, Резвушка? – спросил я.

– Ничего особенного, – отвечала она, мотнув головой. – Я немножко поучила ребят, когда они не хотели знать меры. Я сбросила их, вот и всё.

– Как! – воскликнул я. – Неужели ты сбросила кого-нибудь из наших барышень? Я не ожидал этого от тебя.

Резвушка посмотрела на меня с выражением большой обиды.

– Конечно, я этого не сделала! Я бы ни за что на свете не сделала такого дела. Я берегу наших барышень не меньше, чем их собственные родители; что касается маленьких детей,

я их учу, как надо ездить верхом. Чуть я замечу, что они боятся и начинают нетвердо сидеть в седле, я не иду прежним шагом, а, можно сказать, стелюсь по земле, как кошка, подкрадывающаяся к птичке. Когда они успокоятся, я снова прибавляю шаг. Нет, не трудись читать мне нравоучения. У этих детей нет лучшего друга, чем я, и лучшего учителя верховой езды. Сегодня я расправилась с мальчиками господина Блумфильда. Мальчики совсем другое дело. – Резвушка встряхнула головой. – Мальчиков надо бы учить с детства, как учат нас, жеребят. Я уже более двух часов возила детей, когда мальчикам тоже вздумалось покататься. Я ничего не имела против такого желания и с добрый час катала их рысью и галопом по саду. Каждый из них сделал себе длинную палку вместо хлыста и щедро угощал меня этой палкой. Сперва я всё терпела, но когда мне показалось, что довольно их ублажать, я начала с того, что остановилась раз, потом другой раз, надеясь, что они поймут мой намек. Мальчики, видно, думают, что лошадь не живое существо, а паровая машина, которую можно заставлять двигаться сколько угодно. Им и в ум не приходит, что животное может устать, что оно чувствует так же, как человек. Итак, видя, что мальчуган, хлеставший меня, ничего не понимает, я взяла да и стала потихоньку на дыбы, так, чтобы он скатился на траву. Он влез опять мне на спину; я повторила свою уловку; тогда другой мальчик сел на меня верхом и принялся хлестать. С ним я поступила так же, как и с его братом. Наконец они поняли,

что ничего со мной не поделаешь. Они не дурные ребята, я этого не скажу, но их надо было проучить. Когда они привели меня к Джемсу и рассказали ему, что случилось, мне кажется, Джемс очень рассердился, увидав их палки. Он сказал, что только ломовые извозчики или цыгане ездят с такими палками, а не приличные мальчишки.

– Я бы на твоём месте хорошенько брыкнула их, – заметила Джинджер. – Тогда бы они поумнели.

– Конечно, ты бы это сделала, – возразила Резвушка, – но я не так глупа, извини, пожалуйста, чтобы сердить нашего хозяина и осрамить Джемса. Ведь детей мне доверили. Я сама слышала, как хозяин недавно сказал госпоже Блумфильд: «Вы можете быть совершенно спокойны насчет детей. Моя Резвушка позаботится о них не хуже вас самих или меня. Я ни за какие деньги не продам эту лошадку. На нее можно вполне положиться». Неужели ты считаешь меня за такую неблагодарную тварь, что я забуду всю ласку, полученную мною здесь за пять лет жизни? Неужели я вдруг сделаюсь норовистой лошадей из-за того, что пара глупых мальчишек нехорошо со мной обращались? Нет, это невозможно. Ты, видно, не знала хорошего места, и я очень жалею тебя. Всякая лошадь становится хорошей на хорошем месте. Я ни за что не огорчу хозяев, потому что я люблю их всей душой.

Резвушка заржала при этом так, как она ржала по утрам, заслышав шаги Джемса.

– К тому же, – продолжала она, – какой был бы толк в том,

если б я принялась брыкаться? Меня продали бы поскорее, чтобы избавиться от меня. И что бы случилось тогда со мной? Пожалуй, я попала бы в руки какому-нибудь молодцу из мясной лавки или стала бы до истощения сил возить на морском купанье катальщиков, которым до меня не было бы никакого дела. Я видала таких господ, выезжающих на чужой, нанятой лошади по воскресным дням: четверо рослых мужчин сядут в кабриолет, заложенный одной лошадкой, и погоняют ее, не думая о ее силах. Сохрани меня Бог от такого несчастья!

Х. Разговор во фруктовом саду

Мы с Джинджер по своему среднему росту не были настоящими каретными лошадьми, но наш хозяин не держал лошадей для щеголяния в лондонских парках, а потому любил больше таких лошадей, которые годятся и в упряжь, и под верх. Он всегда говорил, что ему не нравятся ни люди, ни лошади, приспособленные только к одному делу. Что касается нас самих, мы испытывали особенное удовольствие, когда нас седлали всех для большого общества. Хозяин ездил на Джинджер, хозяйка – на мне, а барышни – на Оливере и на Резвушке.

Нам было очень весело идти дружной рысью или вместе скакать. На мою долю приходилась самая приятная наездница; она была легка как перышко, и рука у нее была такая же легкая. Я слушался ее узды незаметно для себя самого. Да, как бы хорошо было, если б люди поняли, что лучшее средство сохранить мягкость лошади – это не дергать ее поминутно! У нас очень нежный рот, и, если его не испортили грубым обращением, мы чувствуем малейшее движение руки ездока. Меня ничем не портили, вот почему хозяйка предпочитала меня Джинджер, несмотря на ее хороший ход. Джинджер часто сердилась за это и всегда жаловалась на то, что грубые лошадики испортили ее рот. Оливер, старый опытный конь, утешал Джинджер:

– Пустяки, – говорил он, – не тревожь себя понапрасну; ты должна гордиться тем, что можешь возить такого важного наездника, как хозяин. Нечего роптать и жаловаться, если люди ласковы с нами. Надо быть довольным.

Я часто дивился короткому хвосту Оливера, и раз как-то, в праздничный день, когда мы щипали траву во фруктовом саду, я решился спросить его, вследствие какого несчастного случая он потерял хвост.

– Никакого не было несчастного случая, – недовольно отвечал Оливер. – Надо мной совершили постыдное, жестокое злодеяние. Меня жеребенком отвели туда, где производят эти жестокие операции. Меня связали и привязали так, что я не мог шевельнуться; тогда пришли злодеи и отрезали мой чудный, длинный хвост.

– Как ужасно! – воскликнул я.

– Да, трудно представить что-либо бесчеловечнее. Во-первых, сколько я выстрадал боли и мучения во время операции, – ведь прорезали мясо и кость, – потом как долго я не мог поправиться; но хуже всего то, что меня на всю жизнь сделали калекой, – я говорю о моей беспомощности относительно злых слепней! Все лошади, не думая, взмахивают хвостами и сгоняют докучливых врагов. А тут... Ты не можешь себе представить, какое мучение, когда мухи вонзаются в тело и ты не можешь их прогнать! Этого зла ничем нельзя поправить. Слава богу, что теперь больше не режут лошадиных хвостов.

– Зачем же это прежде делали? – спросила Джинджер.

– Для моды! – отвечала старая лошадь, топнув ногой. – Понимаешь ли ты это глупое слово? Тогда считалось, что породистая, господская лошадь должна непременно иметь короткий хвост. Точно Бог, сотворивший нас, не знал лучше людей, что именно нам надо.

– Верно, ради моды же вздергивают двойными мундштуками наши головы, – заметила Джинджер.

– Конечно да! – сказал Оливер. – По-моему, нет хуже зла на свете, как то, что люди называют модой. Посмотри на собак: что они с ними делают? Обрезают хвосты и уши, чтобы придать им задорный вид. У меня была одна дорогая приятельница из породы такс. Звали ее Скай; она выбрала себе место в моем стойле, подле яслей, и тут у нее жила семья премиленьких щенят. Никого из них не утопили, когда они родились, потому что они были породистые. Как мать любила их! Весело было смотреть на них, когда они стали видеть и ползали около матери. Но вот раз пришел один человек и унес всех щенят. Я подумал, что их унесли от меня, чтобы я их не ушиб нечаянно, но вышло совсем не то. Вечером бедная мать принесла их по одному назад, только это уже не были прежние веселые щенки; я увидел несчастных окровавленных зверьков, которые жалобно пищали. Всем им отрезали по кусочку хвоста и мягкий пушок, окаймлявший уши. Мать неустанно лизала их и казалась страшно огорченной. Я забыть не могу этой грустной картины.

Со временем щенки выздоровели, но пушок исчез навсегда с ушей, а ведь его назначение, верно, состоит в том, чтобы защищать нежные уши от пыли и повреждений. Почему люди не обрезают ушей своим собственным детям? Если бы они делали им острые уши, как собакам, может быть, у них тоже получался бы задорный вид? Какое право имеет человек мучить и уродовать божьи творения?

Оливер произнес свою речь с большой горячностью. Для меня все это были неслыханные и ужасные вещи; я почувствовал недоброе чувство к людям, которых до сих пор любил. Джинджер, конечно, очень вспыхнула при рассказе Оливера. Она объявила, что люди – звери и вдобавок дураки.

– Кто говорит такие нехорошие слова? – спросила Резвушка, подходя к нам. Она только что перед этим терлась о нижнюю ветку яблони.

– Для дурных дел есть и дурные слова, – сказала Джинджер, передав Резвухе то, что нам сейчас рассказал Оливер.

– К сожалению, все это правда, – грустно заметила Резвушка. – Я сама не раз видала подобное. Но зачем говорить о злых делах здесь, где все добрые, начиная с нашего хозяина и кончая Джемсом? С нашей стороны было бы неблагодарно дурно говорить о людях.

Эта мудрая речь успокоила нас всех, особенно же Оливера, который был глубоко привязан к хозяину. Чтобы переменить разговор, я спросил:

– Не может ли кто-нибудь объяснить мне пользу наглазников?

– Нет, – отвечал Оливер, – потому что в них нет никакой пользы.

– Думают, что наглазники мешают пугливой лошади пугаться и наделать вследствие испуга каких-нибудь бед, – спокойно сказал Судья.

– Тогда зачем же не надевают наглазников на верховых лошадей, особенно на дамских? – спросил я.

– Без всякой причины, – отвечал Судья. – Мода такая, больше ничего. Уверяют, будто лошадь без наглазников, видя так близко за собою колеса экипажа, непременно понесла бы; но на это можно возразить, что и верховая лошадь на каждом шагу видит близко от себя колеса на людных улицах. Мы привыкаем к ним и, конечно, без всяких наглазников не стали бы пугаться и нести. Напротив, без наглазников лошадь лучше видела бы и пугалась бы гораздо меньше, чем видя только части предметов.

Я ничего в этом не понимал и не мог выразить никакого мнения.

– Я думаю, – сказал Оливер, – что наглазники ночью – преопасная вещь. Лошадь видит ночью лучше человека, и, если б ей давали возможность смотреть свободными глазами, многих несчастий не случилось бы с людьми при езде. Несколько лет тому назад катафалк возвращался поздно вечером; проезжая по дороге мимо фермы Спаро, где пруд под-

ходит к самому краю дороги, колеса скользнули в воду; дроги повалились, лошади утонули, и возница спасся с большим трудом. После этого пруд огородили высокой белой решеткой во избежание подобного случая, но я думаю, что его бы не надо было и огораживать, если б лошади были без наглазников. Они бы сами тогда держались подальше от берега. Незадолго до твоего прихода сюда карета хозяина опрокинулась. Тогда говорили, что, если б фонарь не потух, Джон увидел бы яму, и карета не попала бы в нее, а я думаю, что если б лошади были без наглазников, они бы и в темноте обошли яму. Между тем вышло то, что и лошадям переломали ноги, и Джон только каким-то чудом не убится.

– Я вот что думаю, – заметила с раздутыми ноздрями Джинджер, – эти люди, которые считают себя такими мудрецами, должны бы издать приказ, чтобы жеребята все родились с глазами ровно посреди лба, а не сбоку. Люди воображают, что они могут совершенствовать природу.

Разговор снова обострился. В эту минуту Резвушка подняла свою лукавую мордочку и сказала:

– Я знаю один секрет: Джон не одобряет наглазников. Я слышала его разговор с хозяином по этому поводу. Хозяин говорил, что опасно отучать лошадь, с малолетства привыкшую к наглазникам, а Джон отвечал ему, что, по его мнению, лучше было бы воспитывать жеребят без наглазников, как это делается во многих других странах. Итак, нечего нам беспокоиться на этот счет. Знаете что? Во фруктовом саду

валяется много вкусных яблок, сдутых ветром. Хорошо бы нам полакомиться ими!

Нельзя было возражать на это предложение. Скоро мы все опять развеселились, жуя сладкие яблоки, разбросанные в траве.

XI. Откровенная речь

Чем дольше я жил в Бертвикском парке, тем более я гордился своим местом. наших господ уважали все люди, живущие в округе. Они были добры со всеми – с человеком и зверем одинаково. Не было ни одного существа на свете, которое не нашло бы у них защиты против обидчика. Если кто-нибудь из деревенских мальчигов дурно обращался с животным, слух об этом тотчас доходил до господской усадьбы, и доставалось тогда провинившемуся! И чужим людям приходилось иметь дело с нашим хозяином, когда он видел какую-нибудь жестокость по отношению к зверю.

Однажды хозяин верхом на мне возвращался домой. навстречу нам ехал высокий, сильный мужчина в кабриолете, заложенном небольшой, прелестной гнедой лошадкой, с тонкими ногами и породистой головкой. Подъезжая к воротам нашего парка, лошадка хотела повернуть к ним. Мужчина, ничего не говоря, так грубо дернул узду, чтобы повернуть ее, что она чуть не упала. Оправившись, лошадь собиралась бежать дальше, но человек не унимался: он крепко держал узду, вздернув голову бедного животного, и свирепо хлестал ее изо всех сил. Лошадь хотела дернуть вперед, но сильная рука не давала ей ходу, разрывая ее рот мундштуком. Мне было страшно смотреть на эту картину: я знал хорошо, какое это мучение для нежного рта.

– Послушайте, Сойер, – строго крикнул наш хозяин, – разве лошадь ваша не живая, что вы с ней так обращаетесь?

– Не только живая, но и норовистая, – отвечал мужчина. – Она слишком любит волю, а я этого не люблю.

По его голосу было слышно, что он взбешен на свою лошадь.

– Неужели вы думаете, что животное станет послушнее от такого обращения? – спросил хозяин.

– Ей нечего было заворачивать к воротам, перед ней была прямая дорога, – возразил Сойер грубым голосом.

– Вы часто приезжали ко мне на этой лошади, – продолжал хозяин. – Она помнит это и хотела предупредить ваше желание. Но не в этом дело. Признаюсь, Сойер, я в жизни моей не имел несчастья видеть когда-нибудь, чтобы кто-нибудь обращался с лошастью так жестоко, как вы. Отдаваясь вспыльчивости, вы приносите вред себе самому гораздо больший, нежели лошади. Помните, что мы будем отвечать за каждый поступок наш с человеком ли, со зверем ли – все равно!

Потом мы шагом поехали домой. Я слышал по голосу хозяина, как его огорчило только что случившееся происшествие.

Он одинаково свободно выражал свои мнения всем людям. Вскоре после случая с фермером Сойером мы набрели во время утренней прогулки на капитана Лангеля, хорошего знакомого нашего хозяина. Он ехал на паре чудных серых в фэртоне. Поговорив о том о сем, капитан спросил у хозяина:

– Как вам нравятся мои новые лошади, ведь вы знаток?

Хозяин попятил меня немного назад, чтобы лучше осмотреть упряжь Ланглея.

– Необыкновенно красивая пара, – сказал он. – Если они и нравом так же хороши, то нечего желать лучшего. Но как жаль, что вы употребляете, я вижу, мундштучную узду! Ведь это только ослабляет силу лошади и мучает ее.

– Знаю, знаю, – отвечал Ланблей, – у вас решительное предубеждение против мундштука. Только, видите ли, мне нельзя иначе ездить – я люблю, чтобы лошадь высоко держала голову.

– Я тоже, – сказал мой хозяин, – но я не люблю, когда им насильно поднимают головы. Вот вы военный, и, конечно, вам приятно видеть свой полк в парадном строю, но что бы вы сказали, если б вашим солдатам привязали доски за спины для прямизны стана? Ужасно тяжело бывает лошадям, изуродованным мундштуками: если бы они были свободно взнузданы, они налегали бы изо всей силы на узду, и рот у них участвовал бы в труде вытягивания экипажа. Вместо этого, когда рот лошади испорчен мундштуком, ей приходится работать одними мускулами, и, конечно, она гораздо скорее устает. Поверьте мне, что лошади назначено ходить свободно, так же как и человеку. Мы много выиграли бы, если б жили по здравому смыслу, а не по моде. Кроме всего, что я сказал, надо еще заметить, что строго взнузданная лошадь гораздо беспомощнее, если ей случится споткнуться.

Однако будет... я изрядно проехался на любимом коньке, не хотите ли и вы, капитан, оседлать его для себя? Ваш пример имел бы большое влияние.

– Я думаю, что вы, собственно, правы, – отвечал Ланглей, – я подумаю хорошенько о том, что вы сказали.

Мы разъехались каждый в свою сторону.

ХII. Бурный день

Случилось мне поздней осенью везти хозяина в легкой тележке довольно далеко, по делу. Джон правил. Я любил возить эту тележку – колеса так скоро и плавно катились по дороге. Последнее время шли частые дожди; в этот день дул сильный ветер, взрывающий кучи сухих листьев. Мы очень хорошо доехали до заставы подле низкого деревянного моста. Берега реки были высокие, а мост шел ровно, так что в большую воду его заливало посередине, но так как перила моста были крепкие, то люди не боялись проезжать здесь во всякую погоду. Сторож у заставы сказал, что вода сильно поднимается и что, пожалуй, переезд будет плохой к вечеру.

Низины по дороге были уже под водою, которая доходила мне до колен, но грунт был твердый, и я ступал без страха. Когда мы доехали до города, мне задали славного корма, но дела надолго задержали хозяина, и мы могли выехать обратно только поздно, уже к вечеру. Ветер усилился; хозяин сказал Джону, что ему еще не случалось ехать в такую бурю. Я то же самое подумал, двигаясь по опушке леса, где большие ветки раскачивались, как самые легкие веточки. Шум был ужасный.

– Хотелось бы мне скорее благополучно выбраться из этого леса, – сказал хозяин Джону.

– Да, сударь, не очень-то хорошо будет, если один из этих

больших сучьев упадет на нас.

Только что он произнес эти слова, как послышался стон, треск и шум падающего дерева: дуб, вырвавшийся с корнем, давя деревья и кусты на пути, свалился на дорогу немного впереди нас. Не скажу, что я не испугался. Я остановился и, кажется, весь затрясся, но, конечно, мне не пришло в голову повернуть назад и понести – таких вещей со мной не случилось, я не так был воспитан.

– Вот близка-то была беда! – сказал хозяин. – Что ж нам теперь делать?

– Через дерево нельзя ехать, – сказал Джон, – и кругом негде его объехать. Придется вернуться к перекрестку. Миль шесть будет крюка до деревянного моста. Мы запоздаем домой, но лошадь не устала.

Итак, мы поехали назад; когда же мы доехали до деревянного моста, почти стемнело; можно было только разглядеть, что середина моста была под водою. Но то же самое случилось и раньше, поэтому хозяин не остановился и поехал на мост. Я бежал хорошей рысью, но чуть только ноги мои коснулись моста, как я почувствовал что-то неладное и встал как вкопанный.

– Вперед, Красавчик! – сказал хозяин и слегка тронул меня кнутом, но я не смел двинуться.

Тогда он ударил сильнее, я привскочил, но не пошел вперед.

– Знаете, сударь, – сказал Джон, – видно, что-нибудь да

неладно.

Он выпрыгнул из тележки, подошел ко мне и посмотрел кругом. Он взял меня за уздцы и хотел провести, но я упирался.

– Да что с тобой, Красавчик? – спросил он.

Я не мог объяснить ему, что я чуял опасность на мосту.

В эту минуту на другой стороне показался сторож с фонарем. Он махал им как сумасшедший.

– Гей, гей! Послушайте! Остановитесь! – закричал он.

– Что случилось? – крикнул хозяин.

– Мост сломан посередине, часть его унесена; если вы поедете, будете в реке.

– Слава Богу! – сказал хозяин.

Джон взял меня за уздечку и повернул на дорогу, шедшую направо по берегу реки.

– Ай да Красавчик! – сказал он и потрепал меня по плечу.

Солнце село; буря, выворотившая дуб на дороге, стихла наконец. На дворе сумерки сгущались и делалось все тише. Я бежал потихоньку, и колеса тележки мягко, почти бесшумно катились по дороге.

Мы ехали некоторое время в полном молчании; потом хозяин заговорил с Джоном. Я не все понимал, о чем они говорили, но одно я понял: они предполагали, что, если б я послушался хозяина, мы все упали бы в реку и, верно, утонули бы, потому что дожди подняли воду и течение было сильное. Хозяин сказал, что Бог дал людям разум, которым они мо-

гут распознавать вещи, но звери получили чутье, инстинкт, дающий им возможность угадывать многое, и благодаря этому качеству им не раз удавалось спасти жизнь людям. Джон рассказал при этом много случаев из жизни лошадей и собак и сказал, что человек не довольно умеет ценить дружбу и расположение к себе зверей. Я подумал, что Джон-то уж во всяком случае заслужил вполне нашу дружбу.

Наконец мы подъехали к воротам парка. Садовник ожидал нас. Он сказал нам, что хозяйка страшно беспокоилась с тех пор, как стемнело. Она боялась, что с нами случилось несчастье, и послала на Судье узнать о нас в сторожке подле моста.

В передней и в верхних окнах горели огни. Когда подъехали к крыльцу, хозяйка выбежала к нам.

– Ничего не случилось с тобой, друг мой? – спросила она. – Я так беспокоилась, надумала всевозможных бед.

– Все обошлось благополучно, моя милая, – отвечал хозяин. – Но могло бы быть иначе, если б твой Черный Красавчик не оказался мудрее нас. Мы могли провалиться на мосту.

Больше я ничего не слышал, так как Джон повел меня в конюшню. Какой у меня был вкусный ужин! Похлебка из отрубей с овсом и мятыми бобами! После ужина Джемс принес мне славную мягкую подстилку из свежей соломы. Я был ей очень рад, потому что сильно утомился.

ХІІІ. Джемс Гауард

В одно декабрьское утро, в то время как Джон ввел меня в мое стойло после утренней прогулки, а Джемс принес овес из амбара, хозяин вошел в конюшню.

У него было очень серьезное лицо; в руках он держал раскрытое письмо. Джон поклонился хозяину, запер дверь в стойло и остановился в ожидании приказаний.

– Доброго утра, Джон! – сказал хозяин. – Я пришел поговорить о Джемсе. Есть у тебя на что пожаловаться на него?

– Нет, сударь, – отвечал Джон.

– Усердно ли он исполняет свое дело и всегда ли вежлив с тобою?

– Да, сударь, всегда.

– Ты не замечал, чтобы он небрежно убирал в твоём отсутствии?

– Никогда этого не случилось, сударь.

– Это хорошо; но вот еще вопросы: ты не думаешь, что, когда он проезжает лошадей или его куда посылают, он останавливается у знакомых и бросает лошадей одних?²

– Ничего подобного не случилось, сударь. Если кто-нибудь распускает эти сплетни про Джемса, я им не верю и не поверю, пока сам не увижу своими глазами. Не знаю, кому

---

² Проезжать – здесь: проехать верхом на лошади, чтобы она не застаивалась в стойле и не горячилась.

нужно было клеветать на Джемса, а только я скажу вам, сударь, что не видал лучшего помощника из молодых, чем он. Это честный, доброго нрава, умный малый, знающий и любящий свое дело. Я верю ему как в слове, так и в деле. Хорошо было бы, если б побольше было таких служащих людей. Если кому-нибудь нужно знать о том, что за человек Джемс Гауард, пусть придет ко мне и услышит правду.

Хозяин молча и серьезно слушал Джона, но когда тот кончил говорить, широкая улыбка осветила лицо его. Он ласково посмотрел на Джемса, стоявшего у двери, и сказал:

– Поди-ка сюда, Джемс. Послушай, что я имею тебе сказать. Я очень рад слышать мнение Джона; мы с ним, как видно, одинаково о тебе думаем. Зная его за осторожного человека, я нарочно схитрил, расспрашивая его, чтобы заставить его высказаться. А теперь вот в чем дело. Я получил письмо от моего зятя, сэра Вильяма Книфорда, из замка Книфорд. Он просит меня найти ему хорошего молодого кучера, который начал бы с помощника старшего кучера, прослужившего уже двадцать лет, а со временем, когда тот совсем станет стар и слаб, занял бы его место. Сначала дают восемнадцать шиллингов в неделю жалованья, кучерское платье, домашнее платье, мальчика в помощники и квартиру над конюшней. Сэр Книфорд – хороший барин. Для тебя, Джемс, это место – находка, но я должен признаться, что мне не хотелось бы расставаться с тобой; Джон без тебя останется все равно что без правой руки.

– Это сущая правда, сударь, – отвечал Джон, – но я не стал бы мешать счастью Джемса.

– Сколько тебе лет, Джемс? – спросил хозяин.

– В мае будет девятнадцать, сударь.

– Он немножко молод для кучера, не правда ли, Джон?

– Молод-то молод, – сказал Джон, – но он сильный и толковый, как взрослый. Хотя у него нет большой привычки править лошадьми, но у него легкая рука, верный глаз и большая осторожность. Я уверен, что у него не пропадет лошадь из-за плохого ухода за ее ногами и копытами.

– Твоя рекомендация дороже всего, Джон. Сэр Книфорд пишет мне: «Если б нашелся человек, служивший под руководством твоего кучера Джона, я бы ничего не желал лучшего». Итак, Джемс, подумай об этом предложении, переговори с матерью во время обеда, а потом дашь мне ответ.

Через несколько дней после разговора в моем стойле нам стало известно, что Джемс поступает на новое место недель через шесть, а пока он будет привыкать править лошадьми. Никогда еще господа не выезжали так часто в карете. Обыкновенно, если хозяйка оставалась дома, хозяин сам правил в кабриолете, но теперь, кто бы ни ехал, барин ли, барышни ли или посылали за чем-нибудь, постоянно закладывали Джинджер и меня в карету, и Джемс садился на козлы. Сперва к нам помещался Джон и учил его, а после Джемс управлялся один с экипажем и лошадьми.

Куда только мы не ездили, по каким странным улицам в

городе... Ездили и на железную дорогу и всегда выбирали время прихода или отхода поезда, когда на мосту была настоящая давка от всевозможных экипажей, омнибусов, возов. Тут приходилось и лошадям, и кучеру зорко смотреть, особенно когда раздавался звонок на станции. Поворот к станции был крутой, и легко было бы наехать на кого-нибудь в суете и давке.

XIV. Старый конюх

Господа собрались в это время в довольно дальнюю поездку к своим знакомым, жившим в сорока шести милях от нашего имения. Джемс ехал кучером с господами. В первый день мы проехали тридцать две мили; попадались довольно крутые подъемы, но Джемс вез так бережно, что мы не чувствовали усталости. Он всегда вовремя надевал тормоз и снимал его. Он не давал нам ступать в колеи, а если подъем был длинный, то держал карету колесами несколько наискось, что облегчало наше дело, потому что карета меньше катилась назад; кроме того, он давал нам частые передышки. Такое обращение, приправленное ласковым словом, очень помогает лошадям.

Раза два в этот день мы останавливались по дороге, а к закату солнца приехали в город, где должны были ночевать. Экипаж наш остановился перед лучшей гостиницей на базарной площади. Гостиница была большая.

Мы въехали под ворота в длинный двор. На конце его стояли конюшни и сараи. Нас вышли встречать два конюха. Главный конюх был маленький человек с приятным лицом; он быстро двигался, несмотря на хромую ногу. Я никогда не видал, чтобы так быстро выпрягали лошадей, как он. Потрепав меня ласково, он ввел меня в длинную конюшню, где было шесть или семь стойл, из которых два были уже заняты.

Другой конюх привел сюда Джинджер.

Джемс присутствовал при нашей чистке и уборке. Никто еще не чистил меня так скоро и легко, как маленький старый конюх. Джемс, как видно, не поверил, что он хорошо сделал свое дело, потому что ощупал меня со всех сторон; но он нашел мою шерсть мягкой и шелковистой.

– Ну, признаюсь, – заметил он с удивлением, – я думал про себя, что проворен, а про Джона, что он еще проворнее меня, а ты, старина, нас обоих перещеголял скоростью и уменьем.

– Опыт набивает руку, – сказал хромой конюх, – за мной сорок лет службы; плохо было бы, если б я не научился хорошо и скоро убрать лошадь. Скорость – дело привычки; быстро так же легко сделать что-нибудь, как тихо, даже, я скажу, легче; я совсем не могу копаться над делом. Видишь ли, молодец, я с двенадцати лет все вожусь с лошадьми: служил прежде в скаковых конюшнях, потом, по малому росту, был жокеем несколько лет, но на скачках Гудвуда земля размокла, и моя бедная лошадь поскользнулась и упала. Я сломал себе ногу. Пришлось бросить эту службу; я, однако, уже так свыкся с лошадьми, что жить без них не мог. Тогда я нанялся конюхом при гостинице. Чистить такую лошадь, как эта, – истинное наслаждение, скажу тебе. Так выхолена она и вежлива. Мне стоит двадцать минут убирать лошадь, чтобы узнать, в каких она была руках. Вот твоя лошадь смиренная, легко поворачивается, поднимает ноги как надо, чтобы их можно было вымыть; одним словом, податливая лошадь.

Другая же бывает капризная, на месте не стоит, мечется в стойле, головой встряхивает, уши прикладывает, боится или норовит брыкнуть. Когда мне попадется такая лошадь, я уж знаю, при каком уходе жила бедняжка. Плохой уход делает лошадь пугливой, если она не смелая от природы, или норовистой, если лошадь горячая. Лошадь вся зависит от воспитания, как дети. Научите ее смолоду хорошо вести себя, и она уж никогда не собьется.

– Хорошо ты рассуждаешь, – сказал Джеймс, – люблю такие речи. У нас дома так же думают.

– Кто твой хозяин, молодец, если позволено будет спросить? Верно, хороший по всему, что я вижу.

– Помещик Гордон, из Бертвикского парка, – отвечал Джеймс.

– А, слышал про него! Отличный знаток лошадей и ловкий наездник, лучший в графстве.

– Должно быть, что так, – отвечал Джеймс, – но он почти не ездит верхом с тех пор, как молодой господин убился на охоте.

– Слышал я про это несчастье, – сказал старый конюх. – В газетах было написано. Хорошую лошадь тогда же убили, не так ли?

– Да, – отвечал Джеймс, – лошадь была прекрасная, брат вот этой, и очень похож на нее.

– Какая жалость! – заметил старик. – Помню, писали, что место для скачки было неудобное, легкая изгородь, крутой

берег; лошадь не могла разглядеть места как следует. Я сам любил бойкую езду, но есть места, на которых только опытный и знающий охотник сумеет управиться с лошадью. Не стоит заячий хвост человеческой и лошадиной жизни; таково мое мнение.

Пока шел разговор Джемса со стариком, другой конюх успел вычистить Джинджер и задать нам овса. После этого старик и Джемс ушли вместе из конюшни.

XV. Пожар

Позднее привели к нам лошадь, на которой только что кто-то приехал. Пока второй конюх чистил ее, к дверям конюшни подошел какой-то молодой парень с трубкой во рту.

– Слушай, Таулер, – обратился к нему конюх, – влезька на сеновал да подкинь сена за решетку стойла для этой лошади. Только не ходи с трубкой на сеновал.

– Ладно, – отвечал парень и полез по лестнице наверх.

Я слышал, как он ворочал сено над нашими головами.

Вечером Джемс приходил поглядеть на нас, все ли у нас в порядке, после чего двери конюшни заперли на ночь.

Не знаю, долго ли я спал и в котором часу ночи проснулся, но я сейчас же почувствовал что-то неприятное... Я встал; мне казалось, что воздух очень тяжелый и я задыхаюсь. Джинджер кашляла, другие лошади беспокойно двигались в стойлах. Было совсем темно, и нельзя было ничего разглядеть, но я понял, что стойло мое полно дыма. Вот отчего я задыхался.

Люк в потолке остался отворенным, и мне казалось, что дым идет сверху. Прислушиваясь, я услышал над головой какой-то шорох с легким треском. Хотя мне и не приходило в голову, что это означало, но мне почему-то стало жутко. Все лошади проснулись; они дергали недоуздки и топали ногами.

Наконец послышались шаги снаружи, и второй конюх вбе-

жал в конюшню с зажженным фонарем. Он начал отвязывать лошадей и постарался вывести их. Но он так спешил, такое у него было испуганное лицо, что я еще больше испугался. Первая, вторая и третья лошадь не хотели идти за ним из конюшни. Он подошел ко мне и хотел силой вытащить вон, но, конечно, безуспешно. Провозившись без толку со всеми нами, он ушел.

Мы очень глупо вели себя, без сомнения, но мы чувствовали опасность вокруг себя и не видали привычного нам человека, которому бы мы верили. Свежий воздух, зашедший в открытую дверь, облегчил дыхание, но наверху шум становился все громче, и я вскоре увидел через решетку стойла огненные языки, вырывающиеся из сеновала. Потом послышался крик: «Пожар!»

Старый конюх вошел, совершенно спокойно вывел одну из лошадей и подошел к другой. Шум наверху стоял ужасный; казалось, кто-то ревел там с неистовой силой.

Потом я услышал спокойный, веселый голос Джемса:

– Ну, красотки мои, пора нам домой! Просыпайтесь и в путь.

Я стоял ближе от двери; ко мне он подошел к первому и ласково потрепал меня.

– Давай-ка взнуздаемся, Красавчик, – сказал он, – мы скоро выберемся из этой духоты.

В одну минуту он надел мне узду, потом снял шарф с шеи и слегка накинул его мне на глаза; пока он выводил меня из

стойла, он крикнул:

– Гей! Кто-нибудь, подите сюда, возьмите лошадь, а я пойду за другой.

Высокий, широкоплечий человек подошел к нам и взял меня за узду, между тем как Джемс быстро скрылся в конюшне. Я громко заржал, когда он отошел. Джинджер сказала мне потом, что только благодаря этому крику она спаслась от огня, потому что, услышав мой голос, она решилась выйти из конюшни.

На дворе была полная суматоха; лошадей выводили, экипажи спешили вывезти из соседнего сарая, боясь, что огонь перейдет и туда. Со всех сторон в открытые окна люди кричали разные советы, но я не отрывал глаз от дверей конюшни, откуда дым валил все сильнее и то и дело вырывалось пламя.

Вот среди шума и гула, наполнявшего весь двор, я услышал ясный голос нашего хозяина:

– Джемс Гауард, Джемс Гауард, где ты?

Ответа не последовало, но я тотчас услышал сильный треск, и вслед за ним я радостно заржал, потому что увидел Джемса, выводившего Джинджер из конюшни, уже кругом охваченной пламенем. Джинджер громко откашливалась и не могла ничего мне сказать.

– Что за славный, храбрый малый! – воскликнул хозяин, положив руку на плечо Джемса. – Ты не ушибся?

Джемс отрицательно покачал головой: он не мог еще го-

ворить.

– Да, храбрый парень, надо сказать! – заметил мужчина, державший меня.

– Слушай-ка, Джемс, – продолжал хозяин, – когда ты отдышишься, мы поспешим отсюда в другую гостиницу.

Мы двинулись к воротам; в эту минуту раздался лошадиный топот, и с шумом подъехали пожарные с трубой.

– Пожарные, посторонись! – закричало несколько голов.

Мы дали им дорогу; пара здоровых лошадей въехала на двор с тяжелой машиной. Пожарные соскочили и принялись за свое дело. Огонь пылал до верху крыши.

Мы как можно скорее выбрались на базарную площадь; звезды сияли, и только позади слышен был шум, на площади же все было тихо. Хозяин повел нас к большой гостинице по другую сторону площади. Когда нас встретил тамошний конюх, хозяин сказал Джемсу:

– Оставляю лошадей на твоих руках, а мне надо поспешить назад к жене. Ты можешь заказывать здесь все, что найдешь нужным.

С этими словами хозяин быстро удалился. Я никогда не видал, чтобы кто-нибудь так скоро шел.

Прежде чем нас успели ввести в конюшню, мы услышали раздирающие крики: это несчастные лошади, которые остались в огне, так страшно кричали. Нам было очень не по себе, Джинджер и мне, хотя о нас позаботились и прекрасно

устроили на ночь.

На следующее утро хозяин пришел нас проведать и поговорить с Джемсом. Я не много расслышал из их разговора, потому что меня в это время убирал конюх, но я видал довольное лицо Джемса, – кажется, хозяин его опять очень хвалил. Наша хозяйка чувствовала себя плохо после ночной тревоги, так что отъезд был отложен до послеобеденного времени. Поэтому Джемсу выпало свободное утро. Он пошел в старую гостиницу осмотреть экипаж и сбрую и, кстати, узнать о том, как кончился пожар.

Когда он вернулся, мы слышали, что он рассказывал гостиничному конюху. Сначала никто не мог догадаться, отчего произошел пожар, но потом кто-то сказал, что видел, как молодой парень, Таулер, вошел с трубкой на сеновал, а вышел оттуда без нее и ходил за другой трубкой в табачную лавку. Второй конюх сказал, что он послал Таулера, но велел ему идти без трубки. Таулер отнекивался; он уверял, что не брал с собой трубку на сеновал, но ему никто не поверил.

У нас, в Бертвике, строго запрещено входить с трубкой в конюшню.

Джемс рассказал, что пожар уничтожил всю конюшню: потолок в ней завалился, и две несчастные лошади были задавлены горящими бревнами.

XVI. Разговор Джона Манли

Остальную часть дороги мы проехали благополучно и прибыли на место, к друзьям наших господ, вечером, вскоре после заката солнца. Нас поставили в хорошую конюшню; добрый кучер хлопотал, как бы лучше поместить и накормить нас. Услыхав рассказ про пожар, он очень хвалил Джемса.

– Одно я могу сказать, молодой человек, – говорил он, – что ваши лошади, видно, знают, кому верить. Нет ничего труднее, как заставить лошадей выйти из конюшни во время пожара или наводнения. Не знаю, отчего это происходит, но из двадцати лошадей удается вывести только одну.

Мы прогостили три дня, после чего возвратились домой. Очень весело было войти в собственную конюшню, и Джон не менее нашего радовался нашему возвращению. Он и Джемс долго разговаривали в этот вечер, до ухода из конюшни.

– Хотел бы я знать, кто поступит на мое место, – сказал Джемс.

– Маленький Иосиф Грин из сторожки, – отвечал Джон.

– Да ведь он еще ребенок! – воскликнул Джемс.

– Ему пятнадцатый год, – заметил Джон.

– Но он ростом такой маленький.

– Да, правда; однако это не мешает ему быть проворным.

К тому же у него охота к работе и доброе сердце. Отец очень желает поместить его к нам, и хозяин согласен взять его. Он говорил мне, что если мне удобнее иметь помощника побольше, то чтобы я себе искал другого, но я согласился взять Иосифа на шесть недель на испытание.

– Что значат шесть недель! – сказал Джемс. – Он в шесть месяцев не научится настоящей службе. Тебе, Джон, трудно будет.

– Ничего, – отвечал Джон, смеясь, – мне не привыкать к работе, мы с ней дружно живем.

– Славный ты человек! – сказал Джемс. – Желал бы я со временем походить на тебя.

– Не люблю я о себе говорить, – заметил Джон, – но так как ты уходишь и скоро заживешь своим умом, среди чужих людей, то я тебе расскажу про себя. Мне было столько же лет, как Иосифу, когда отец с матерью умерли оба в течение десяти дней от горячки. Мы с сестрой-калекой остались одни на всем белом свете, без единой родной души, которая могла бы о нас позаботиться. Я умел только помогать в полевой работе, но этим заработком без своей земли едва можно было себя прокормить, не то что обоих. Сестре Нелли пришлось бы отправиться в работный дом, если б не наша хозяйка. Она наняла для нее комнатку у вдовы Малет и давала ей шить или вязать, когда Нелли была здорова и могла работать. Когда же бедная сестра лежала больная, она посылала ей чего-нибудь от своего обеда, дарила разные вещи; одним

словом, была ей как родная мать. Хозяин взял меня на конюшню, в помощники старому кучеру Норману. Обедать я ходил в господский дом, спал на сеновале, получал платье и три шиллинга в неделю, и часть этих денег я отдавал Нелли. Старый кучер мог бы не согласиться иметь такого маленького, ничего еще не знающего помощника, взятого прямо от плуга, но он полюбил меня и заботился обо мне не хуже отца. Несколько лет я учился у него кучерскому делу, и, когда он умер в глубокой старости, я поступил на его место. Теперь я получаю хорошее жалованье и могу откладывать на черный день; да и Нелли живет благодаря этому припеваючи. Так вот видишь ли, Джемс, я не такой человек, который мог бы равнодушно относиться к судьбе мальчика. Тебя, конечно, мне будет недоставать, но как-нибудь справлюсь. Самое первое дело – оказать услугу при случае. Я рад, что мне представился такой случай.

– Значит, ты не придерживаешься правила: всякий заботься о себе, а Бог о всех? – спросил Джемс.

– О нет! – возразил Джон. – Где бы я был теперь с сестрой, если бы хозяин и хозяйка и старик Норман следовали этому бессердечному правилу? Нелли коротала бы свой век в работном доме, а я сажал бы, верно, репу на чужих полях. Что бы случилось с Черным Красавчиком и Джинджер, если бы ты, Джемс, заботился о себе одном? Они, верно, сгорели бы тогда. Нет, Джемс, плохое то правило жизни, которое предписывает человеку прежде всего заботу о самом себе. По-

моему, тот человек, который живет согласно этому правилу, недостоин вовсе жить. Лучше было бы ему и не родиться!

Джон с этими словами решительно тряхнул головой. Джемс засмеялся в ответ на его горячность, но был очень расстроен. Когда он заговорил, в его голосе слышались слезы.

– Ты был мне лучшим другом, – сказал он, – после матери я никому стольким не обязан. Если я, в свою очередь, могу когда-нибудь услужить тебе, не забудь обо мне, прошу тебя.

На следующее утро маленький Иосиф пришел на конюшню, чтобы попривыкнуть к делу под надзором Джемса. Ему показали, как нужно выметать из стойла, постилать свежую солому и насыпать сено за решетку. Учили его чистить сбрую, мыть экипажи. Так как он был слишком мал ростом, чтобы чистить Джинджер и меня, Джемс заставлял его убирать Резвущку, тем более что она должна была перейти в руки нового помощника, конечно, под руководством Джона.

Иосиф был славный, веселый мальчуган. Он входил в конюшню, всегда весело посвистывая.

Сперва Резвущка осталась очень недовольна тем, что ею распоряжается «какой-то неопытный мальчишка», как она его называла; но через две недели она призналась мне по секрету, что «малый неглупый, и толк из него будет».

Наконец настал день отъезда Джемса. Хотя он все время крепился и старался быть веселым, но в этот день он не мог справиться с собой и был очень расстроен.

– Видишь ли, Джон, – говорил он, – я покидаю столько любимых существ: мать, сестру, тебя, господина и госпожу, лошадей, особенно мою милую Резвушку. На новом месте меня ожидает все чужое. Право, если бы не мысль, что я получаю хорошее место, выгодное тем, что я могу больше матери помогать, я бы никогда не решился уехать отсюда. Очень тяжело мне уезжать, Джон.

– Так и должно быть, мой милый, – отвечал Джон, – я бы плохо о тебе думал, если бы ты мог в первый раз в жизни покинуть родное гнездо с веселой душой. Только ты не унывай. Добрые люди живут везде. И на новом месте ты найдешь друзей, а зато матери твоей весело и лестно, что ты поступишь на такое прекрасное место.

Джон ободрял Джемса, но все в доме с грустью отпускали его. Что касается Резвушки, она так загрустила о нем, что несколько дней совсем не ела, и Джон, чтобы развлечь ее, стал выводить нас вместе на утреннюю прогулку. Резвушка понемногу успокоилась; ей было приятно пройтись со мной рысью или поскакать рядом.

Отец Иосифа часто приходил в конюшню и помогал там, потому что он сам понимал дело; Иосиф, со своей стороны, очень старался научиться, так что Джон надеялся сделать из него порядочного конюха.

XVII. Мы едем за доктором

Спустя несколько дней после отъезда Джемса, поев сена на ужин, я улегся спать, но только что заснул, как меня разбудил громкий звонок в наш колокольчик.

Я слышал, как отворилась дверь и Джон быстро побежал к дому. Он скоро вернулся, отпер дверь конюшни и кликнул меня: «Просыпайся, Красавчик, нам надо теперь показать всю нашу прыть». Прежде чем я успел опомниться, он уже оседлал и взнуздal меня. В одну минуту он сам оделся, и мы рысью подъехали к подъезду дома. На крыльце стоял хозяин с лампой в руке.

– Ну, Джон, – сказал он, – скачи теперь что есть мочи, это вопрос жизни для моей жены. Нельзя терять ни минуты. Отдашь записку доктору Уайту. Потом отдохнешь с лошадыо в гостинице и как можно скорее домой.

– Слушаюсь, сударь, – отвечал Джон.

Мы пустились в путь. Сторож, предупрежденный звонком, стоял подле отворенных уже ворот парка. Мы промчались через парк и деревню и скоро доскакали до заставы. Джон громко крикнул и постучал.

Сторож сейчас же вышел и отворил ворота.

– Держи ворота отпертыми, сейчас проедет доктор из города. На, возьми деньги, – сказал Джон.

Перед нами открывалась длинная ровная дорога вдоль ре-

ки.

– Ну, старайся, Красавчик! – сказал мне Джон.

И я постарался. Я скакал две мили со всей быстротой, на какую был способен. Ноги мои едва касались земли. Не надо было подгонять меня. Я не думаю, чтобы отец мой, взявший приз на скачках Ньюмаркета, мог проскакать скорее моего.

Когда мы подъехали к мосту, Джон придержал меня и, потрепав мою шею, сказал:

– Славно, Красавчик, вот так молодец!

Он поехал бы тише, но во мне разгоралась кровь, и я снова пустился вскачь. Воздух был морозный; луна ярко светила. Весело было скакать. Мы проехали через какую-то деревню, потом через темный лес, в гору, под гору и наконец, промчав восемь миль, приехали в город, где остановились на базарной площади.

В городе все спало, только стук моих копыт нарушал ночную тишину.

Башенные часы пробили три, когда Джон позвонил у подъезда доктора Уайта. Никто не явился на звонок; тогда Джон позвонил во второй раз и громко постучал в дверь. Отворилась форточка; доктор в ночном колпаке высунулся из окна.

– Что вам надо? – спросил он.

– Госпожа Гордон серьезно заболела, сударь! Господин просит вас пожаловать как можно скорее; они боятся, как бы не случилось чего плохого, если вы опоздаете. Вот и записка

от хозяина.

– Погодите, я сейчас выйду, – сказал доктор.

Он запер окно и вскоре вышел.

– Лошадь моя весь день была в разъездах и никуда сейчас не годится, вот в чем беда, – сказал он, – а на другой сейчас уехал мой сын, за которым присылали. Что же нам делать? Могу я взять вашу лошадь?

– Моя лошадь проскакала только что восемь миль, сударь, ей бы надо здесь отдохнуть, но делать нечего. Я думаю, хозяин позволил бы мне дать ее вам в такой крайности.

– Ну хорошо, я сейчас соберусь.

Джон стоял подле меня и ласкал меня. Я был в сильной испарине.

Доктор вышел с хлыстом в руках.

– Хлыста вам, сударь, не понадобится, – сказал Джон. – Черный Красавчик будет бежать, пока не свалится; погонять его не нужно. Берегите его, сударь, чтобы с ним не случилось какой беды.

– Не бойтесь. Джон, я надеюсь, что все будет благополучно.

Мы уехали, оставив Джона в городе. Об обратном пути нечего рассказывать. Доктор был тяжелее Джона и далеко не такой хороший наездник. Однако я постарался показать себя в лучшем виде. Заставу мы проехали не останавливаясь, так как ворота стояли отпертые. Когда мы были у горы, доктор придержал меня, сказав: «Ну, молодец, надо вздохнуть». Я

был рад передышке, потому что совсем выбился из сил.

Благодаря короткой остановке я опять мог хорошо бежать, и скоро мы достигли нашего парка; Иосиф отворил нам ворота; хозяин ждал нас на подъезде, заслышав мой топот. Доктор пошел с ним в дом, а Иосиф повел меня в конюшню.

Я с радостью очутился в своем стойле; ноги подо мной дрожали, я мог только стоять, стараясь отдышаться. На мне не осталось сухого волоска, с ног испарина стекала ручьями; пар шел от меня, как от кипящего котла, как говорил Иосиф.

Бедный Иосиф! Он был еще слишком мал и ничего не понимал, хотя и старался делать все как можно лучше. Отца его на этот раз не случилось в конюшне: он был послан с поручением в соседнее село. Я уверен, что Иосиф думал об одном: как бы лучше без Джона успокоить и убрать меня. Он старательно тер мне ноги и грудь, но не покрыл теплой попоной, видя, что мне жарко, он подумал, что мне будет неприятно стоять в попоне. Вычистив меня, он принес мне ведро с водой. Вода была славная, холодная, и я жадно напился; потом он принес сена и овса и, уверенный в том, что исправно все сделал, ушел домой.

Скоро после того у меня начался сильный озноб; ноги заломили, бока болели, грудь ныла; казалось, что меня всего исколотили, до того сильно болело тело. Как я вздыхал по теплой попоне, дрожа в лихорадке! Как мне хотелось увидеть около себя Джона! Но Джону предстояло пройти восемь миль, он не мог скоро добраться до дому.

Итак, я решил лечь на солому и старался уснуть.

Прошло много времени. Вдруг я услышал, что дверь отворилась. Я застонал от боли.

В ту же минуту Джон подошел ко мне и наклонился надо мной. Я не мог сказать ему, что я чувствовал, но он, кажется, сам догадался. Он накрыл меня несколькими теплыми попонами и побежал в дом за теплой водой. Он приготовил мне теплой похлебки, которую я выпил, и после того я наконец заснул. Джон, казалось, был очень расстроен тем, что со мной случилось. Я слышал, что он несколько раз повторял: «Глупый мальчишка! Глупый мальчишка! Попоны не надел, и я уверен, что напоил холодной водой. Нет толку держать мальчишек!»

Я серьезно заболел. Сильное воспаление легких не давало мне дышать. Джон ухаживал за мной днем и ночью, и хозяин часто навещал меня.

– Бедный мой Красавчик, – сказал он раз, – моя добрая лошадь, ты спасла жизнь твоей хозяйки!

Как я обрадовался, услышав это! Кажется, доктор сказал, что если бы мы приехали немного позднее, то хозяйке спасения бы не было. Джон рассказывал хозяину, что он никогда не видал лошади, скачущей так, как я скакал в ту ночь, точно я понимал, как важно было торопиться. Джон думал, что я этого не сознавал, между тем как я отлично понимал, что необходимо мчаться во всю прыть и что это необходимо для госпожи.

XVIII. Только по незнанию

Не могу сказать, сколько времени я хворал. Ветеринар, господин Браун, навещал меня каждый день.

Однажды мне пустили кровь; Джон держал ведро, в которое стекала кровь. После кровопускания мне сделалось дурно, и я думал, что умираю, — да, кажется, все ожидали моей смерти.

Джинджер и Резвушку перевели в другую конюшню, чтобы дать мне полный покой. Во время лихорадки слух мой очень обострился; малейший шорох казался мне шумом. Я различал все шаги кругом меня и знал все, что где происходит.

Однажды ночью Джону пришлось дать мне лекарство; Томас Грин, отец Иосифа, пришел ему помочь. Когда я проглотил лекарство и Джон уложил меня спать, он сказал, что останется тут с полчаса, желая видеть, как я буду себя чувствовать после лекарства, Томас вызвался посидеть с ним это время. Они расположились на скамье, которую внесли в стойло Резвушки; фонарь поставили на пол, чтобы свет мне не мешал.

Сначала они молчали; потом Томас тихо сказал:

— Джон, скажи, пожалуйста, ласковое слово моему мальчику; он убивается от горя, не ест, перестал совсем смеяться. Он говорит, что виноват во всем, хотя и не думал, что

наделает такой беды. Он боится, что если Красавчик умрет, то никто больше не будет с ним разговаривать. У меня душа болит, глядя на него. Мне кажется, ты мог бы сказать ему хоть словечко. Право же, он малый хороший!

Помолчав немного, Джон сказал:

– Не суди меня, Томас. Я знаю, что мальчик не хотел сделать дурного, я никогда этого и не говорил; я отлично знаю, что он хороший мальчик, но, видишь ли, я в большом горе. Я очень люблю эту лошадь; она – радость жизни для меня, не говоря о том, что хозяин и хозяйка так привязаны к ней. Ужасно подумать, что она пропадет так, за здорово живешь. Я не могу смириться с этой мыслью. Но если ты находишь, что я слишком строг к мальчику, то я постараюсь быть с ним поласковее завтра, – если Красавчику станет лучше.

– Спасибо тебе, Джон; я знаю, что ты не можешь быть суровым. К тому же тут не было злого намерения. Иосиф поступил так по незнанию.

Голос Джона удивил меня, когда я услышал его ответ.

– По незнанию, говоришь ты! – закричал он. – Как будто это извинение! Что может быть хуже незнания! Грех хуже, правда, но и незнание, невежество – большое несчастье! Люди думают, что если они скажут: «Ах, я не знал! Я не хотел сделать вред!», то все можно поправить. Однако та женщина, Марфа, которая поила ребенка каким-то сиропом, чтобы его успокоить, и, конечно, не желала отравить его, убила его благодаря своему невежеству.

– Да как же можно, – сказал Томас, – братья ходить за маленьким нежным ребенком, не имея понятия о том, что полезно и что вредно для него.

– Вот еще Билл Огаркей, – продолжал Джон, – без всякого злого намерения оделся привидением и напугал своего маленького брата, бегая за ним в лунную ночь; до того напугал его, что из прекрасного, умного ребенка, которым могла гордиться всякая мать, вышел глупенький мальчик, неспособный ни к какому развитию. А ты сам, Том, разве не был серьезно огорчен недели две назад, когда барышни вошли в теплицу и оставили дверь отпертой? Ты ведь говорил, что морозным восточным ветром сгубило многие из растений.

– Да, совершенно верно, – отвечал Томас. – Все нежные прививки пропали с того дня. Придется делать новые, а я не знаю, достану ли где новые. Я думал, что с ума сойду, когда увидал, что наделали барышни в теплице.

– Однако я уверен, что они и в мыслях не имели вредить растениям, – сказал Джон. – Всему виной было простое незнание.

Я больше не слышал разговора, так как лекарство помогло и я заснул.

Утром я чувствовал себя гораздо лучше. Но я не раз вспоминал слова Джона потом, когда лучше узнал жизнь.

Иосиф был все же такой старательный мальчик, такой внимательный и заботливый, что он довольно скоро научился кучерскому делу. Джон стал ему доверять лошадей; толь-

ко Джинджер и меня ему редко давали на проводку, потому что он был очень маленького роста.

XIX. Расставание

Три года я счастливо прожил на моем месте, когда случилась грустная для нас всех перемена в жизни наших хозяев.

Мы слышали иногда, что хозяйка больна. Доктор часто приезжал в дом, и выражение его лица, когда он выходил, бывало мрачное. Потом до нас дошел слух, что госпожа скорее должна ехать за границу, в теплые страны, года на три. Это известие как гром поразило всех домашних людей и животных. Хозяин тотчас приступил к сборам.

У нас на конюшне только и было разговоров, что о сборах господ.

Джон молча и с грустным видом исполнял свою ежедневную работу; Иосиф перестал весело насвистывать. Много было хождения людей взад и вперед. Джинджер и мне доставалось изрядно дела.

Первые уехали барышни, Джесси и Флора, с гувернанткой. Они пришли проститься с нами. Они обнимали и целовали Резвушку как старинного друга. Да она и была им таким другом!

Мы наконец узнали все, что было решено насчет нас: Джинджер и меня господин продал своему старому другу, графу В., потому что он рассчитывал, что место для нас будет там хорошее; Резвушку он подарил священнику, которому нужна была дамская лошадь в кабриолет для его жены;

но хозяин отдал Резвушку при одном условии: чтобы ее никогда никому не продавали.

Иосифа наняли к священнику же в работники по дому и в кучеры к Резвушке. Благодаря такому распоряжению, жизнь Резвушки устроилась как нельзя лучше.

Джону предлагали много мест, но он сказал, что подождет брать другое место.

Накануне отъезда хозяин вошел в конюшню повидать Джона и последний раз приласкать своих лошадей. Он был грустен, я это узнал по его голосу.

Я думаю, что лошади лучше всего понимают голоса.

– Что же ты решил делать, Джон? – спросил он. – Ты не хочешь идти ни на одно из предложенных тебе мест?

– Нет, сударь! Я вот что надумал: лучше всего будет мне наняться к хорошему содержанию большой конюшни, занимающемуся тренировкой жеребят. Я знаю, что немало молодых лошадей пропадает от дурного обучения вследствие того, что их пугают. Что до меня, я всегда справлялся с лошадьми и многих вывел на хорошую дорогу. Мне хотелось бы служить на пользу лошадям. Что вы, сударь, на это скажете?

– Я не знаю человека более подходящего для такого дела, – отвечал хозяин. – Ты знаешь лошадей, и они тебя знают, а со временем ты мог бы открыть собственную конюшню. Я готов всегда помочь тебе. Напиши мне, если я буду нужен тебе. Кроме того, я поговорю о тебе с моим лондонским

управляющим. Он может тебя всегда рекомендовать.

Хозяин дал адрес управляющего и поблагодарил Джона за его долгую, верную службу. Но Джон перебил его:

– Не говорите так, сударь, – сказал он, – прошу вас. Вы и добрая госпожа столько сделали для меня, что я никогда не смогу отплатить вам за ваши милости. Все мы будем вечно помнить вас и молить Бога за ваше здоровье. Может, Бог приведет нас опять увидеть госпожу здесь в добром здоровье. Надо надеяться на Божье милосердие.

Хозяин простился, пожав руку Джона, но ни слова не сказал. Они вышли вместе.

Настал и последний грустный день. Лакей с тяжелой кладью уехал накануне. Оставались только хозяин, хозяйка и горничная девушка. В последний раз Джинджер и я подъехали с каретой к подъезду. Слуги вынесли подушки, пледы и ручной багаж.

Когда все разместили, по лестнице сошел хозяин с женой на руках; я стоял со стороны дома и видел все хорошо. Барин бережно усадил госпожу в карету, а слуги кругом стояли и плакали.

– Прощайте все! – сказал хозяин. – Мы никого из вас не забудем. Поезжай, Джон!

Иосиф вскочил на козлы, и мы поехали тихой рысью, сперва парком, потом деревней, где у порога каждого дома стояли крестьяне, желавшие взглянуть на любимых господ и проводить их напутствием. «Господь храни вас!» – слыша-

лось отовсюду.

Когда мы приехали на железную дорогу, кажется, госпожа сама прошла от кареты до станции. Я слышал, как она своим мягким голосом сказала:

– Прощай, Джон, да благословит тебя Господь!

Джон ничего не отвечал, верно, оттого, что не мог; но я почувствовал, как руки его, державшие вожжи, дрогнули.

Иосиф снес вещи на станцию, после чего он остался караулить нас, а Джон пошел на станцию.

Бедный Иосиф! Он встал лицом к нашим головам, чтобы люди не видели, как он плакал. Вскоре подали поезд; он шумел и пыхтел. Потом слышно было, как захлопнулись дверцы, кондукторы вскочили на тормоз; раздался свисток, и поезд двинулся; он скоро скрылся из виду, оставляя за собою облака белого дыма с паром и несколько человек с очень грустными сердцами.

Джон возвратился к нам.

– Мы никогда больше их не увидим, – сказал он.

Он влез с Иосифом на козлы, подобрал вожжи, и мы тихонько поехали домой, то есть к нашему бывшему дому. Теперь он не будет больше нашим.

Часть вторая

XX. Эрльшоль

На другое утро Иосиф заложил Резвушку в кабриолет нашей госпожи, чтобы отвести ее в новое жилище, к священнику. Перед отъездом он зашел проститься с нами, и Резвушка заржала, прощаясь с нами.

Джон оседлал Джинджер, взял меня за поводья и поехал с нами проселочной дорогой верст за двадцать, в Эрльшоль, имение графа В.

Дом там был очень большой и красивый и конюшни обширные. Мы подъехали к дому через ворота в каменной ограде.

Джон спросил Йорка, главного кучера. Через некоторое время появился осанистый, средних лет человек. По его голосу можно было тотчас узнать человека властного, привыкшего к послушанию. Он очень приветливо встретил Джона, мельком взглянул на нас, приказал конюху отвести нас в наши стойла и позвал Джона к себе закусить.

Мы пришли в светлую, просторную конюшню, где стойла наши были рядом. Нас вычистили и задали нам корму. Через полчаса Джон вернулся с Йорком, нашим новым кучером, и они стали нас осматривать.

– Что ж, господин Манли, – сказал Йорк, тщательно оглядев нас, – я не вижу в этих лошадях никаких недостатков; но мы с вами знаем, что у каждой лошади, как у каждого человека, свой нрав. Расскажите же мне про ваших лошадей, какие водятся за ними особенности.

– Вот что я вам про них скажу, – отвечал Джон. – Во всей округе нет лучшей пары лошадей, но они не похожи друг на друга. Вороной – один из самых кротких коней, которых я когда-либо видел; видно, что он с нежного возраста не знал дурного обращения, не слышал грубого слова; а гнедая не такова: ее нрав немного испорчен плохим воспитанием, то же самое нам сказал и купец, продавший ее. Вначале она была раздражительна и довольно-таки норовиста, но когда она познакомилась с нами и увидела, как у нас обращаются с лошадьми, она совсем переменялась. Вот уже три года, как я не замечаю в ней ни малейшего раздражения. С гнедой стоит только мягко обращаться, и вы не найдете более податливой и усердной лошади; но все-таки я должен про нее сказать, что она не так покладлива, как вороной. Она может горячиться, если мухи ее раздражают или что-нибудь в упряжке неловко ей. За дурное обращение она способна и рассердиться, я не поручусь за нее; но ведь вы сами знаете, что породистые, горячие лошади не терпят грубого обращения.

– Конечно, я это отлично понимаю, – сказал Йорк. – Только, видите ли, при таком множестве лошадей, как у нас, надо иметь много конюхов. За всех них я не могу отвечать, само-

му же мне невозможно постоянно за каждым из них следить. Но я буду помнить, что вы мне сказали про гнедую.

Когда они выходили из конюшни, я услышал, что Джон сказал:

– Я должен еще прибавить, что у нас лошади не знали езды на строгом мундштуке. Купец, у которого барин купил гнедую, говорил, что у нее рот попорчен именно таким мундштуком.

– Здесь без строгого мундштука нельзя обходиться, – отвечал Йорк. – Я сам против него, но графиня любит модную упряжь и требует, чтобы у лошадей были высоко вздернуты головы. Что делать, я стараюсь избегать строгого мундштука, но графиню нельзя без него вывозить.

– Жаль, очень жаль! – заметил Джон. – Однако мне надо спешить, а то я опоздаю на поезд.

Он еще раз потрепал каждого из нас и поговорил с нами на прощанье. Голос его звучал очень грустно.

Я прижался к нему головой, иначе я не умел выразить свое огорчение. Потом он ушел, и я больше его никогда не видал.

На другой день сам граф пришел нас посмотреть. Кажется, мы ему понравились.

– Я надеюсь на них, – сказал он. – По отзыву господина Гордона это очень хорошие лошади. Они не одной масти, правда, но в деревне они годятся для кареты. Перед переездом в город надо будет подыскать пару к каретной лошади Барону. Про вороную господин Гордон писал мне, что она

отличная верховая лошадь.

Иорк передал ему наставление Джона относительно мундштука.

– За гнедой надо будет последить, – сказал граф. – Сначала можно запрягать полегче, пока они не привыкнут. Я так и скажу графине.

На другой день часа в три пополудни нас заложили и подали экипаж к парадному подъезду дома.

И дом, и цветники, и подъезд – все здесь было несравненно роскошнее, чем в Бертвикском парке; но, по-моему, если лошадь смеет рассуждать, в нашем старом месте было приятнее. У дверей стояли два важных выездных лакея в темных ливреях, в красных коротких панталонах и в белых чулках. Послышалось шуршанье шелкового платья, и на лестнице показалась высокая, надменного вида дама. Это была графиня. Она посмотрела на нас, осталась, по-видимому, чем-то недовольна, но ни слова не сказала и села в карету. Мне приходилось в первый раз носить двойной мундштук. Конечно, не очень-то было весело чувствовать свою голову вздернутой и не быть в состоянии ее опустить; но так как я привык и без того высоко нести голову, то меня это не особенно тревожило. Я боялся за свою товарку, но Джинджер казалась спокойной.

На следующий день, опять в тот же час, мы стояли у подъезда, и те же лакеи выстроились у дверей. Дама в шелковом платье сошла и властным голосом сказала:

– Йорк, надо поднять головы лошадей! Они так ни на что не похожи.

Йорк сошел с козел и почтительно заметил ее сиятельству, что лошади три года ездили на простых мундштуках, что его сиятельство приказали понемногу приучать их к двойному мундштуку, но что, впрочем, он может заставить нас держать головы выше, если ее сиятельство прикажет.

– Да, пожалуйста, – сказала графиня.

Йорк подошел к нам и подтянул ремешки на узде, кажется, не более как на одну дырочку.

Самая маленькая перемена, однако, к плохому ли, к хорошему ли, дает себя чувствовать.

В этот день нам пришлось ехать по крутой горе. Вот когда я на опыте узнал все, что раньше слышал. Я хотел сильнее влечь в хомут и для этого вытянуть голову вперед; я, бывало, всегда так делал на трудных подъемах, но тут вышло совсем иначе: голову невозможно было шевельнуть, и вся тяжесть легла на спину и ноги, не говоря о том, что я потерял всякую удаль.

Когда мы вернулись домой, Джинджер сказала:

– Теперь ты знаешь, что такое двойной мундштук.

Но здешняя упряжка еще терпима, и они с нами хорошо обращаются. Если же они вздумают мучить нас, я им покажу! Не стану я больше терпеть.

Каждый день нам стали укорачивать ремни на узде; езда делалась все труднее, и я не ждал больше выезда как удо-

вольствия, – напротив, я начал бояться этой минуты. Джинджер, видно, тоже волновалась, хотя ничего не говорила. Наконец перестали укорачивать узду, и я вздохнул свободнее: я подумал, что узнал худшее и могу привыкнуть безропотно исполнять то, что от меня требовали, как ни тяжела казалась теперь работа.

Однако впереди меня ожидало многое гораздо хуже того, что было уже испытано.

XXI. Возмущение с целью освобождения

Однажды графиня, сойдя позднее обыкновенного и шурша платьем более чем когда-нибудь, сказала кучеру:

– К герцогине Б. Когда же кончится баловство лошадей! – прибавила она. – Прошу сейчас же подтянуть их головы кверху.

Иорк подошел сначала ко мне, а конюх держал в это время Джинджер. Мне высоко вздернули голову и закрепили ремни в этом положении; боль была нестерпимая. От меня кучер перешел к Джинджер, которая нетерпеливо кусала удила, по своему обыкновению. Джинджер догадалась, что хочет с ней делать Иорк, и, пользуясь той минутой, когда ей отстегнули ремень, вдруг так сильно брыкнулась, что задела Иорка по носу и сбила ему шляпу, между тем как конюх едва удержался на ногах. Оба схватили ее под уздцы, но она была сильнее их и, продолжая бешено брыкаться, наконец перескочила через дышло и упала, причем мне достался сильный удар по задней ноге.

Неизвестно, что взбешенная лошадь наделала бы еще, если б Иорк не поспешил сесть ей на голову, лишив ее таким образом возможности бороться. В то же время он крикнул:

– Отпрягите вороного; бегите за воротом, да скорее: отверните дышло; обрежьте постромки, если нельзя отстегнуть

их.

Один из лакеев побежал за воротом, другой вынес ножик из дома. Конюх выпряг меня из кареты, освободил от Джинджер и увел меня в конюшню. Он поставил меня, как я был, торопясь назад, на помощь к Иорку Все эти происшествия сильно взволновали меня, и, если б не мое воспитание и долгая привычка к смирному поведению, я бы, конечно, стал тоже брыкаться; но я стоял неподвижно, сердясь и страдая от двойного, крепко затянутого мундштука. Кажется, в эту минуту я охотно бы лягнул первого человека, который вошел ко мне.

Вскоре два конюха привели Джинджер, довольно помятую. Иорк распорядился насчет нее, потом подошел ко мне. Увидав, что я стою взнузданный, он тотчас снял с меня узду с удилами.

– Противный этот строгий мундштук, терпеть его не могу, – проворчал он. – Я знал, что наживем с ним беду; хозяин будет очень недоволен. Ну, делать нечего! Если он сам не может справиться с хозяйкой, прислуге еще труднее рассуждать с ней. Я умываю руки в этом деле. Пусть теперь попадает, как хочет, на садовый праздник герцогини.

Иорк ворчал один; при других слугах он всегда почтительно отзывался о господах. Он ощупал меня всего и нашел ушибленное место на ноге. Оно сильно припухло и болело. Мне промыли его теплой водой и наложили мокрую повязку.

Граф, узнав о случившемся, остался очень недоволен

уступчивостью Иорка, на что Иорк отвечал, что он желал бы впредь получать приказания только от его сиятельства. Но, кажется, все осталось по-прежнему, несмотря на эти разговоры.

Мне казалось, что кучер должен был бы горячее заступиться за своих лошадей, – впрочем, я не судья.

Джинджер больше не закладывали в карету. Когда она поправилась, один из младших сыновей графа пожелал ездить на ней на охоту, а я остался каретной лошадейю и получил нового товарища в дышло. Макс, так звали его, был давно приучен к строгому мундштуку. Я как-то спросил его, почему он его терпит.

– Потому что ничего не могу сделать, – отвечал Макс. – Но, конечно, этот мундштук сократит мне жизнь, – продолжал он, – и тебе не лучше будет, если придется носить его долго.

– Неужели наши хозяева не знают, как вредны нам эти мундштуки? – спросил я.

– Не знаю, – отвечал Макс. – Купцы – те знают, и ветеринары знают. Я жил у одного большого торговца лошадейми, который приучал меня с другой лошадейю ходить парой в дышле; он каждый день все выше подтягивал нам головы. Один господин, увидав это, спросил его, зачем он это делает. «Потому что иначе их у меня не купят, – отвечал купец. – Лондонские жители требуют лошадей, высоко несущих головы и с высокой поступью. Конечно, лошадейм это вредно, но для

торговли хорошо. Чем скорее лошади станут негодны в езде, тем скорее придут ко мне за новой парой». Вот что говорил купец. Суди же сам, каково лошадям достаются строгие мундштуки!

Четыре длинных месяца промучился я с этим ужасным мундштуком, возя графиню в карете; если бы такая жизнь продолжалась дальше, я уверен, что не вынес бы ее. Я до этих пор не знал пены у рта, теперь же у меня была всегда пена от постоянного трения о язык и десны крепко втиснутого в рот железа. Люди, видя это, говорят про нас: «Какая славная, горячая лошадь!» Но это вздор. Пены не должно быть у лошади, как не бывает ее у человека. Это все от жестокой узды.

Кроме вреда для языка и десен, строгий мундштук, подтягивая голову высоко, дает неестественное положение шее и вредно действует на легкие. Я стал задыхаться; грудь и шея болели после езды, и я чувствовал себя очень утомленным.

На моем прежнем месте я знал, что хозяин и Джон – мои друзья, но здесь, хоть я и пользовался хорошим уходом, у меня не было друзей. Иорк должен был отлично знать, как мучителен для меня строгий мундштук, но, верно, он не хотел начинать из-за этого борьбу с графиней и считал зло неизбежным.

XXII. Лошадь понесла графиню Анну

Ранней весной граф уехал с частью семьи в Лондон и взял Иорка с собой. Меня с Джинджер и несколькими другими лошадьми оставили в деревне, под надзором старшего конюха.

Графиня Гарриетта, больная дочь графа, осталась с младшей сестрой и братом в деревенском замке. Она почти никогда не выезжала, а графиня Анна, прекрасная наездница, предпочитала ездить верхом с братом и двоюродными братьями. Она взяла меня в верховые лошади.

Я очень любил прогулки по холодку, в обществе Джинджер или Лиззи. Мужчины особенно любили эту гнедую Лиззи за ее живой нрав, но Джинджер знала ее лучше меня и часто говорила, что Лиззи очень нервная лошадь.

В замке гостил господин Блантейер, родственник семьи. Он любил ездить на Лиззи и так хвалил ее, что раз графиня Анна велела оседлать ее дамским седлом, а меня – мужским. Когда нас подвели к подъезду, господин Блантейер сильно обеспокоился.

– Разве вам надоел Черный Красавчик? – спросил он графиню Анну.

– О нет! – отвечала она. – Но я настолько любезна, что уступаю его вам на этот раз, а я попробую вашу очаровательную Лиззи. Признайтесь, что ростом и вообще видом она бо-

лее похожа на дамскую лошадь, нежели мой любимец.

– Прошу вас не ездить на ней, – сказал Блантейер, – она очень мила, но не для дамской езды, уверяю вас. Поменяем-тесь лошадьми.

– Милый братец, не тревожьте своей доброй, заботливой головы, – возразила графиня Анна, смеясь. – Я с детства привыкла к седлу и не раз скакала за собаками на охоте; хотя я знаю, что вы не одобряете этого, но я решила попробовать Лиззи, которую вы все так хвалите. Будьте любезны и помогите мне сесть.

Нечего было возражать на это. Он посадил ее, собрал поводья, осторожно попробовал мундштук Лиззи и сам сел на меня. Только что мы двинулись, как лакей вынес записку от графини Гариетты, которая писала:

«Не можете ли вы заехать к доктору, передать ему мое письмо и подождать ответа?»

Деревня, где жил доктор, была в одной миле от нас, а дом доктора стоял в самом конце ее.

Мы отлично проехали туда. Блантейер соскочил, чтоб отворить ворота, так как к дому с улицы вела еще аллея высоких деревьев; но графиня Анна сказала, что не надо отворять ворота.

– Я вас здесь подожду, – сказала она, – а Черного Красавчика вы можете привязать за узду к решетке.

Блантейер с сомнением посмотрел на лошадь графини Анны.

– Я сию минуту вернусь, – сказал он наконец.

– Не торопитесь, – отвечала графиня, смеясь, – мы с Лиззи от вас не убежим.

Мою узду перекинули через столбик решетки, а сам Блантейер быстро скрылся у нас из глаз. Лиззи смиренно стояла у дороги, в нескольких шагах от меня, спиной ко мне. Барышня спокойно сидела, распустив поводья и напевая песенку.

Я слышал, как мой всадник постучался в дверь дома. Через дорогу был луг; калитка, ведущая в него, стояла открытой настежь. Вдруг из нее выехали телеги, и за ними беспорядочной гурьбой выскочили несколько жеребят. Мальчик бежал за ними, громко щелкая бичом. Один из жеребят перебежал через дорогу и толкнулся в задние ноги Лиззи.

Удар ли бича или жеребенок, не знаю, что испугало Лиззи, но она брыкнула задом и пустилась бешеным галопом. Графиня Анна чуть не вылетела из седла, но удержалась. Я громко заржал раз, два, несколько раз кряду, призывая на помощь, и нетерпеливо бил землю копытом. Недолго пришлось мне ржать. Блантейер бежал ко мне от дома. Он взглянул и успел увидеть вдали бешено скачущую лошадь с молодой графиней.

В одну секунду он вскочил в седло, собрал поводья, и мы понеслись вслед за ними. Ему не надо было прищпоривать меня: мною овладело беспокойство не меньшее, чем его собственное.

Дорога перед нами была ровная, прямая на расстоянии

полуптора миль; потом она сворачивала вправо и разделялась на две дороги. Когда мы доскакали до поворота, Лиззи уже давно скрылась из виду.

По которой из двух дорог она скакала? У садовой калитки одного дома стояла женщина, заслонившая глаза от солнца рукою и смотревшая куда-то с видимым волнением.

– Куда повернули? – крикнул ей Блантейер.

– Направо, – отвечала женщина, указывая нам, куда по-скакали наши беглецы.

Мы понеслись туда и на секунду увидали их вдали, но новый поворот в дороге скрыл их от нас. Так мы скакали, не переводя духа; они то показывались, то скрывались. Казалось, что мы несколько не нагоняем их. На дороге подле кучи щебня стоял рабочий, чинивший шоссе. Он махнул нам рукою, чтобы мы остановились.

– Они скачут по направлению большого выгона, сударь, – крикнул он нам.

Я знал этот выгон; весьма неровное место, покрытое вереском и мелким кустарником; кое-где росли кривые невысокие деревья; попадались и открытые места, поросшие славной травкой и изборозжденные кротовыми кучами. Хуже места для бешеной скачки нельзя было найти.

Только что мы въехали на выгон, как далеко перед нами показалось зеленое платье нашей барышни. Ее длинные волосы развевались по ветру, голова была закинута, и весь корпус сильно наклонен назад; видно было, что она изо всех сил

старается сдерживать лошадь, но вряд ли у нее осталось много силы. Неровная почва замедлила ход Лиззи; теперь у нас была надежда настигнуть их.

Пока мы скакали по прямой дороге, Блантейер отпустил мне поводья; но теперь он подтянул их и с большим искусством правил мною по шероховатому полю, почти не замедляя моего хода.

На середине поля недавно прорыли канаву; выкопанная земля лежала высокими буграми по обе стороны. Неужели Лиззи не остановится перед таким препятствием? Нет, ни минуты не задумываясь, она взмахнула ногами и перелетела через канаву, но копыта ее задели за высокие края, и она упала на другой стороне. Блантейер застонал.

– Ну, Красавчик, покажи свою ловкость! – сказал он, крепко держа поводья.

Я собрался с силами, напряг все мускулы и ловко перепрыгнул через канаву.

В вереске неподвижно лежала наша бедная барышня. Блантейер встал на колени подле нее, назвал ее по имени, но ответа не послышалось.

Он осторожно повернул ее лицо к свету; оно было смертельно бледно, и глаза были закрыты.

– Ани, милая Ани, скажи что-нибудь!

Но мы не услышали ни малейшего звука. Он расстегнул ворот лифа, пояс, рукава, ощупал ее пульс, потом вскочил и растерянно посмотрел вокруг себя.

Недалеко от нас два работника нарезали торф; увидав Лиззи, бешено скачущую без седока, они бросили работу и пустились за нею. Блантейер стал кричать им, и они вскоре подбежали к нам.

– Умеете ли вы ездить верхом? – спросил Блантейер.

– Не скажу про себя, что я хороший наездник, сударь, – отвечал один из них, – но я готов и шею сломать ради молодой графини. Она так была добра с моей женой и помогала ей нынешней зимой.

– Ну, так слушай, друг мой, – сказал Блантейер, – сядь на эту лошадь и скачи к доктору. Скажи, что его просят приехать сюда немедленно. От доктора ступай в замок, расскажи, что случилось, и пусть скорее присылают карету и горничную. Я здесь останусь.

– Слушаю, сударь! Дай же бог, чтобы милая барышня была жива! Эй, Джон! – крикнул рабочий товарищу. – Беги скорее за водой да скажи моей хозяйке, чтобы шла сейчас к графинюшке.

С этими словами он вскарабкался на меня и, работая ногами о мои бока и покрикивая, поехал в объезд канавы.

Я видел, что он смущен тем, что у него нет хлыста; но я скоро успокоил его, показав ему, как я могу бежать по своей собственной охоте. Он даже с трудом держался в седле. Я старался бежать самой ровной рысью, однако на некоторых плохих местах пришлось трянуть, но немного. «Тише, стой!» – кричал он. На шоссе дело наше пошло лучше, и мы

скоро очутились у дома доктора, а потом и в замке. Рабочий старательно исполнил все поручения. В замке его хотели угостить, но он отказался, говоря, что поспешит к барышне, куда надеется добежать раньше, чем приедет карета.

В доме поднялась общая тревога, когда узнали о случившемся. Меня ввели в стойло, разнуздали и накинули на меня сукно.

Джинджер оседлали для молодого графа Георга, и в то же время я услышал, как выехала карета.

Прошло много времени, прежде чем Джинджер вернулась ко мне. Когда мы наконец остались с ней вдвоем, она рассказала мне все, что видела.

– Мы прискакали на поле, – говорила она, – когда доктор уже был там. Какая-то женщина сидела на земле и держала голову графини на своих коленях. Доктор вливал ей что-то в рот, и я услышала, как он сказал: «Она жива!» Потом меня отвели в сторону. Немного времени спустя барышню понесли к карете, и мы все поехали домой. Я слышала, что молодой барин сказал знакомому, которого мы встретили, что кости все целы, но она еще не сказала ни слова.

Через два дня после несчастного случая с молодой графиней Блантейер зашел ко мне на конюшню и, ласково потрепав, сказал графу Георгу, который пришел с ним:

– Я уверен, что эта лошадь отлично понимала опасное положение Ани; я не мог удержать его, так горячо он скакал в погоню за ней. Ани должна всегда ездить на нем и ни на

какой другой лошади...

Из этих слов я понял, что моя молодая барышня вне опасности и что она скоро будет ездить верхом.

Известие это очень меня обрадовало, и я ждал счастливой жизни впереди.

На Джинджер же все охотился граф Георг. Иорк, бывало, говорил, что для такой горячей лошади надо бы седока посерьезнее, что молодой человек не сумеет беречь ее. Но Джинджер сама любила ездить под молодым охотником; она увлекалась не менее его. Зато нередко я видел Джинджер страшно утомленной после охоты и слышал, что она стала покашливать. Я беспокоился за бедную Джинджер.

XXIII. Рувим Смит

После отъезда Иорка в Лондон конюшными стал заведовать Рувим Смит. Это был очень толковый человек, заботливый кучер, хорошо знавший свое дело; вдобавок он мог и лечить лошадей, так как прежде служил у ветеринара. Кучерским искусством он владел вполне; выезжал одинаково хорошо с любой упряжью. Красивый, образованный, с приятным обхождением, он нравился всем. И лошади любили его, — это я могу сказать. Надо было удивляться одному: как при таких качествах он оставался только помощником главного кучера.

Но Рувим Смит имел один большой недостаток: он любил выпить. Не то чтобы он всегда пил, как иные люди, — нет, бывало, он неделями и месяцами не касался водки, а то вдруг запьет и тогда осрамит себя, напугает жену и всем надоест.

Иорк всегда старался скрыть от графа проделки Рувима во время пьянства, держась за него как за полезного помощника. Случилось, однако, что граф узнал: нельзя было ему не узнать, потому что Рувим напился до того, что не мог сидеть на козлах, отвозя графских гостей с бала. Один из господ должен был пересесть на его место и довезти дам домой. Конечно, Рувима рассчитали; бедная его жена и маленькие дети должны были выехать из хорошей избы подле ворот парка и отправиться куда им угодно.

Мне рассказывали про этот случай, бывший еще задолго до того, как нас с Джинджер привели сюда. Мы же застали Рувима на старом месте. За него горячо заступился Иорк, и граф простил его, положившись на его обещание никогда больше не брать водки в рот. Действительно, при мне не случилось еще ни разу, чтобы Рувим изменил своему слову, и, когда граф уезжал с графиней в Лондон, Иорк считал возможным оставить конюшни на попечение Рувима.

Настал апрель. наших господ ожидали домой в начале мая. Надо было выкрасить к их приезду маленькую карету; и так как в это самое время полковник Блантейер собрался ехать назад на место своей службы, то решено было довести его до города в карете, потом оставить карету у каретника, а кучеру вернуться верхом. Смит запряг меня и взял с собой седло для обратного пути. Прощаясь с ним на железной дороге, полковник сунул в руку Смита деньги и сказал:

– Береги барышню, Рувим; не давай никому Черного Красавчика, его могут испортить неосторожной ездой. Береги его для барышни.

Мы оставили карету у каретника, после чего Рувим сдал меня конюху гостиницы «Белый лев», прося его хорошенько меня накормить и оседлать к четырем часам. У меня выпал гвоздь из подковы, но конюх сперва не заметил, а в четыре часа поздно было об этом думать. Смит вернулся только к пяти часам и сказал, что вряд ли он выедет раньше шести часов, так как он встретил каких-то прежних друзей. Конюх

спросил у него, как быть с гвоздем.

– Ничего, сойдет и так, дойдем, – ответил Смит голосом, совсем непохожим на его обыкновенный голос: он произнес эти слова громко и небрежно.

Вообще странно было такое его отношение к лошади: он всегда обращал особое внимание на наши подковы.

Он не явился в гостиницу ни в шесть, ни в семь, ни в восемь часов. Около девяти часов послышался наконец его голос: он грубо выговаривал за что-то конюху; настроение у него, как видно, было самое плохое.

Хозяин гостиницы вышел нас проводить.

– Берегитесь, как поедете, господин Смит, – сказал он ему. Но Смит только бросил бранное слово ему в ответ.

Когда мы выехали за город, он пустился в галоп, погоняя меня хлыстом, несмотря на то что я скакал изо всех сил. Луна еще не вставала, было очень темно. Дорогу недавно чинили, так что камни еще не обтерлись. Подкова моя держалась все слабее и наконец, у поворота дороги, совсем слетела с ноги.

Если б Смит не был так пьян, он догадался бы по моему ходу, что со мною случилась беда, но он не был способен что-либо заметить.

За поворотом дорога была еще хуже для моей неподкованной ноги. Большие острые камни вонзались в живое мясо; копыто расщепилось, и ногу раздирало до крови, а Смит не унимался: по этой трудной дороге он заставлял меня ска-

кать, немилосердно подгоняя хлыстом.

Конечно, такая скачка не могла долго продолжаться. Страдание было невыносимое: я споткнулся и упал на передние колени. Смит слетел; падение, верно, было тяжелое, так как я упал на полном скаку.

С трудом поднявшись, я дотащился, хромая, до травы около дороги. Луна между тем поднялась и осветила все: я увидел Смита, лежавшего без движения в нескольких шагах от меня. Он раз только простонал. Мне хотелось кричать от острой боли в ступне и в коленях, но лошади привыкли переносить молча всякое страдание.

Я стоял молча и прислушивался ко всему. Опять тяжелый стон послышался со стороны Смита, но он лежал без движения, весь залитый лунным сиянием. Я не мог помочь ни ему, ни себе. О, как я желал услышать звуки чьих-нибудь шагов! Дорога эта была малолюдная; мы могли простоять несколько часов без помощи. Была тихая, теплая апрельская ночь. Кругом ни звука, только иногда раздавались нежные трели соловья. Легкие облачка застилали луну на мгновения. Как-то большая птица взмахнула крылами над кустом. Ничто больше не двигалось. Я вспомнил подобные тихие ночи моего детства, когда я, бывало, лежал подле матери на славном зеленом лугу фермера Грея.

XXIV. Как всё кончилось

Прошло уже много времени, когда я услышал вдали лошадиный топот; звуки то приближались, то снова становились менее ясными. Дорога в наше имение проходила через лес, принадлежавший графу; звуки шли оттуда, и во мне проснулась надежда на помощь. С приближением топота мне даже показалось, что я узнаю походку Джинджер. Я громко заржал. И какова была моя радость, когда в самом деле я услышал ответное ржание Джинджер и человеческие голоса! Вскоре показалась тележка с двумя седоками, которые медленно подвигались к нам по камням. Они остановились подле Рувима, лежавшего на том месте, где он свалился.

– Это Рувим! – воскликнул один из них, выскочив из тележки. – Он не шевелится.

Другой человек тоже сошел и нагнулся к распростертому телу.

– Он умер, – сказал он. – Пощупай его руки; они совсем холодные.

Они приподняли его; лицо его было безжизненное, кровь струилась из-под волос. Тогда они положили его опять на землю и подошли ко мне. Конечно, они тотчас заметили мои порезанные колени.

– Лошадь упала и сбросила седока, – сказали они. – Кто бы мог ожидать от Черного Красавчика такой проделки! Ни-

кому и в голову не приходило, что эта лошадь может споткнуться и упасть. Видно, беда случилась еще несколько часов назад. Странно, что лошадь простояла все время на месте.

Роберт (один из наших конюхов) попробовал вести меня. Я сделал шаг и чуть не упал опять на землю.

– Ээ! Да у лошади не только колени повреждены, а и копыто сломано. Неудивительно, что она упала. Знаешь, что я тебе скажу, Нед, – продолжал Роберт, – наш Рувим, верно, опять свихнулся. Если б он был трезв, он бы не поехал по камням на расковавшейся лошади. Ведь это немыслимое дело. Верно, опять за старое принялся: напился до потери сознания. Бедная Сусанна! Какая она была бледная, когда прибежала ко мне узнать, не приехал ли муж домой! Хотя она и старалась не выдать своего беспокойства, говорила о том, что его могли задержать, но я видел, что на душе у нее неладно. Она попросила меня выехать к нему навстречу. Как же нам быть теперь? Надо тело перевезти домой и лошадь тоже доставить. Это нелегко сделать.

Наконец они решили, что Роберт поведет меня, а Нед в тележке повезет Рувима. Трудно было уложить тело, потому что некому было подержать в это время Джинджер; но Джинджер, видно, поняла, как и я, что случилось, и смиренно стояла, пока люди поднимали тело и укладывали его на тележку.

Нед поехал шагом со своим печальным грузом; Роберт об-

мотал мне больную ногу носовым платком и повел домой. Я никогда не забуду этой ночной прогулки. До нас оставалось три мили. Я шел тихонько, хромя и чувствуя сильную боль на каждом шагу. Роберт понимал, верно, как мне трудно, потому что он то и дело трепал меня ласково рукой и говорил со мной самым нежным голосом.

Наконец мы добрались до дома; меня поставили в мое стойло, перевязали колени мокрыми тряпками, а на больную ногу положили компресс из отрубей, чтобы вытянуть жар. Поев овса, я кое-как улегся и заснул, несмотря на боль.

На другой день ветеринар осмотрел меня. Он не нашел перелома и сказал, что я могу поправиться совсем, хотя на коленях останутся следы падения. За мной усердно ходили, и все было сделано для моего выздоровления, но оно подвигалось медленно. На коленях образовалось что-то очень неприятное; ветеринар называл это диким мясом, и мне прижигали его. Когда кончилось это страдание, мне наклеили пластырь, от которого сошла шерсть. Верно, так нужно было.

Назначили следствие, чтобы разузнать причины внезапной смерти Рувима. Содержатель гостиницы «Белый лев» и несколько других свидетелей показали, что Рувим при отъезде из города был совершенно пьян. Сторожу заставы подтвердил показание тем, что он видел Рувима бешено скачущим; мою подкову нашли среди камней на дороге. Дело вполне выяснилось, и с меня сняли всякую вину.

Все, конечно, жалели бедную жену Рувима. Она обезуме-

ла от горя и все повторяла: «Он был такой добрый... Если б не эта проклятая водка, ничего бы не случилось. Зачем продают это зелье? О Рувим, мой бедный Рувим!»

После похорон ей пришлось выехать из своего хорошего домика под славными дубами. Она и ее шестеро маленьких детей должны были отправиться в большой мрачный рабочий дом, куда помещают всех бесприютных.

XXV. Искалеченный, я иду под гору

Когда мои ноги зажили, меня выпустили на траву на месяц или на два. На моем маленьком лугу не было никого, кроме меня. Хотя мне было хорошо на свободе и на мягкой, сочной траве, но все-таки я скучал, так как я привык к обществу. Особенно мне доставало Джинджер, с которой я так подружился. Часто, услышав лошадиные шаги, я ржал, но не получал никакого ответа. Наконец однажды утром ворота отворились, и на лужок впустили другую лошадь. Какова была наша радость, когда мы узнали друг друга: это была Джинджер! Человек, приведший ее, снял с нее недоуздок и оставил Джинджер со мной на траве. Недолго я радовался, однако. Я скоро узнал, что Джинджер привели сюда не для удовольствия, а вследствие неосторожной езды, испортившей ее.

Граф Георг был молод и беспечен; он не слушался ничьих советов и ездил сколько и как ему вздумается, не заботясь о своей лошади. Раз он захотел участвовать в скачках, и, хотя конюхи говорили ему, что Джинджер без того утомлена, он сделал по-своему; Джинджер, горячая и самолюбивая лошадь, не захотела отстать от других; она напрягла последние силы и пришла одной из первых, но ее легкие пострадали и спина тоже, потому что ездок, граф Георг, немало весил.

– Вот мы с тобой и пропали во цвете лет и сил, – заключи-

ла Джинджер свой печальный рассказ. – Тебя погубил пьяница, меня – дурак.

Мы оба чувствовали, что мы уже не те, что были. Но все-таки мы радовались друг другу. Мы не скакали и не резвились, как бывало; зато мы щипали траву рядом и вместе отдыхали. Нам случалось часами стоять в тишине липы, соединив наши головы.

Так прошло время до возвращения графской семьи из города.

Однажды граф пришел к нам с кучером Йорком. Мы узнали их и дали им подойти к себе. Они долго нас осматривали, граф казался очень недовольным.

– Триста фунтов стерлингов брошены на ветер, – сказал он. – Но что меня более всего огорчает, – это то, что сгубили лошадей моего друга, который надеялся, что они у меня найдут хороший уход. Джинджер надо еще на год оставить, – посмотрим, что с ней будет, а вороного надо сейчас продать. Очень жаль, но я не могу держать у себя лошадь с такими коленями.

– Да, ваше сиятельство, это, конечно, невозможно, – отвечал Йорк, – но его можно продать куда-нибудь, где не требуется особенно нарядного вида, а все-таки в хорошие руки, чтобы лошадь не мучили. Я знаю одного содержателя извозчичьего двора, который покупает хороших лошадей, хотя и бракованных, за невысокую цену. Он человек добрый, и лошадям у него живется недурно. Наш вороной не имеет по-

роков, его можно спокойно рекомендовать кому угодно.

– Так напишите этому человеку, Йорк, – сказал граф. – Главное, чтобы место было хорошее, за ценой я не стою.

Они ушли с этими словами.

– Итак, тебя скоро отсюда уведут, – сказала Джинджер. – Я теряю единственного друга. Как тяжело жить на свете!

Неделю спустя Роберт вошел к нам, надел на меня недоуздок и увел. Я не успел хорошенько проститься с Джинджер; я только мог заржать, уходя от нее, а она стояла у изгороди и провожала меня ржаньем, пока могла слышать мои шаги.

Меня купил тот самый хозяин извозничьего двора, которому Йорк написал.

Мне пришлось ехать по железной дороге, что случилось со мной в первый раз. Это было некоторым испытанием моей храбрости. Однако, когда я понял, что со мной ничего плохого не делается, несмотря на пыхтение паровоза и тряску вагона, я успокоился.

Мое новое место жительства казалось недурным: стойло было удобное и кормили меня хорошо. Конечно, здесь было не так просторно и светло, как в графских конюшнях; стойла были построены покато, и так как меня привязывали к яслям, то приходилось все время стоять на покатом полу. Странно, как люди вовсе не думают о том, что лошадь может лучше работать, если она спокойно стоит в стойле. Но все-таки я скажу, что вообще мне жилось тут хорошо: уход и корм были исправные; хозяин наш был добрый и заботли-

вый. Он содержал много экипажей, которые давал внаймы. Иногда его кучера выезжали с лошадьми, случалось же, что господа брали экипаж без кучера, желая править сами.

XXVI. Наемная лошадь и ее временный хозяин

До сих пор мною управляли только искусные руки настоящих кучеров. Теперь мне пришлось познакомиться со всякими людьми, потому что меня мог нанять любой желающий и править мною, как умеет.

Меня нанимали чаще других лошадей из нашей конюшни, потому что у меня был хороший нрав, и неопытные в езде люди предпочитали иметь дело со мною.

Выезжая часто, я попадал во всякие руки. Бывали у меня возницы, которые считали, что надо крепко натягивать вожжи, как будто лошадь сама не способна держать себя как следует; я не спорю, есть лошади с испорченными ртами, которым именно такая езда и испортила чувствительность рта; таким, конечно, натянутые вожжи могут помогать, но я, не знавший никогда плохой езды, не нуждался в поддержке вожжей, и они мне только мешали.

Случалось, наоборот, возить господ, совсем распускавших вожжи; лошадь, самая смирная и хорошо выезженная, может, однако, нечаянно испугаться чего-нибудь; в таких случаях лошади необходимо чувствовать твердую руку возницы, чтобы не споткнуться.

Мне случилось раз везти такого небрежного господина в фэатоне. С ним ехали его жена и двое детей, сидевших поза-

ди него. Он бесцельно хлопал вожжами сначала, потом выпустил их из рук на колени, не обращая внимания на дорогу, то и дело оборачивался и разговаривал со своим семейством. Дорогу недавно чинили, и камень не везде еще был плотно утрамбован. Один из таких камешков попал мне в подошву острием, так что я мог наступать гладкой поверхностью камня на дорогу; камни такого рода самые опасные для лошади: они ранят ногу, не мешая ходу до тех пор, пока от боли лошадь не захромает. Кучер с опытной рукой заметил бы сейчас, что есть перемена в беге лошади, но мой беспечный хозяин продолжал шутить и смеяться, глядя по сторонам. Наконец я захромал. Тогда он воскликнул:

– Вот тебе раз! Лошадь хромая. Как же они смеют давать хромым лошадям нанимателям?

Тогда он подтянул вожжи и хлопнул бичом, говоря мне:

– Нечего разыгрывать старого инвалида! Взялся катать господ, так и поворачивайся. Хромать ни к чему. Все равно должен отвозить день.

В эту минуту к нам подъехал фермер на гнедой лошади. Он приподнял шляпу и остановился.

– Извините меня, сударь, если я вас беспокою, – обратился он к моему седоку, – но мне кажется, что с вашей лошади случилось что-то неладное. Похоже, что она наткнулась на острый камень, который вонзился ей в копыто. Позвольте мне осмотреть ее ноги; нет хуже для лошади этих острых камней, разбросанных на шоссе.

– Лошадь не моя, а наемная, – отвечал мой возница, – не знаю, что с ней случилось, но знаю, что бессовестно давать хромым лошадям нанимателям.

Фермер слез с лошади, перекинул узду через плечо и взял меня за ближайшую ногу.

– Ведь я так и говорил! – воскликнул он. – Вот камень, как же лошади не хромать?

Он попробовал вытащить камень рукой, но так как он уже глубоко врезался в ногу, то ничего нельзя было сделать одной рукой; фермер вынул из кармана особенный инструмент, которым выковыривают камни, и им осторожно вынул камень.

– Посмотрите-ка, что вонзилось в ногу вашей лошади, – сказал он господину. – Надо удивляться, что она не упала и не разбила себе коленей.

– Странно! – заметил господин. – Никогда я не слышал, чтобы лошади набирали камни в копыта.

– Неужели? – спросил фермер немного презрительно. – Что поделаешь? Это случается с лучшими из них на таких дорогах. Если вы хотите избавить лошадь от хромоты, нужно поскорее освободить ногу от такой ужасной занозы. Нога вашей лошади порядочно намята, – прибавил он, бережно опуская мою ногу. – Советую вам, сударь, теперь ехать шагом, боль нескоро еще пройдет.

Он сел на лошадь с этими словами и, поклонившись даме, поехал своей дорогой.

После этого господин замотал вожжами и ударил хлыстом по хомуту, из чего я понял, что надо ехать, несмотря на боль в ноге; но я был так рад, что избавился от камня, резавшего мясо, что охотно побежал дальше.

Вот что приходится испытывать нам, наемным лошадям!

XXVII. Шалопаи

Бывают еще так называемые шалопаи, то есть досужие люди, выезжающие на наемных лошадях с тем, чтобы удивить быстротой езды; они не смотрят ни на дорогу, ни на погоду. Таким беззаботным гулякам лошадь представляется машиной, маленькой железной дорогой, и им хочется пускать машину на всех парах.

Раз они заплатили за столько-то времени езды, они стараются изъездить как можно больше и посадить побольше седоков в экипаж. Они гонят лошадь в грязную погоду, как в сухую, в гору и под гору. Им не придет в голову облегчить груз лошади и пойти пешком вверх по крутой горе. Разве лошадь не привыкла? Она должна ввозить тяжести на самые неудобные подъемы. Выходить из экипажа? Какие глупости! Стоит только хорошенько подгонять лошадь кнутом или прикрикнуть на нее, и она пойдет куда угодно!

Вот как рассуждают многие, между тем как добрая лошадь и без того из кожи лезет. Зато и ложится тяжелая грусть на душу! Такая быстрая и беззаботная езда губит всего скорее силы лошади. Я предпочел бы двадцать миль проехать с хорошим кучером, нежели две мили с легкомысленным господином, загоняющим наемную лошадь.

Эти господа еще одной небрежностью зачастую мучают нас: на крутых спусках они не тормозят экипаж, отчего лег-

ко может случиться несчастье, или, надев тормоз, забывают его снять, и приходится иной раз подниматься в гору с заторможенными колесами, что заставляет лошадь выбиваться из сил.

Кроме того, у этих праздных людей, катающихся на наемных лошадях, есть своя странная манера, которую они считают щегольской: с места, из конюшни, пускать лошадь во всю прыть и, хлопнув бичом, так круто поворачивать на углах, что легко случаются опасные столкновения.

Я хорошо помню одну прогулку, которую мне пришлось сделать весной с Рори. (Это была лошадь, ходившая со мной в дышле. Славная, добрая лошадь!) Нас наняли на весь день с нашим кучером, заботливым, хорошим человеком, так что день прошел очень приятно. Под вечер, когда уже смеркалось, мы возвращались доброй рысью домой. Дорога круто сворачивала влево, но, так как мы держались своей стороны, подле самой изгороди, наш кучер не остановил нас на повороте, предполагая, что если кто поедет навстречу, то ему остается довольно места. Подъезжая к повороту, я услышал экипаж, быстро катившийся с горы; я не успел ничего разглядеть за высокой изгородью дороги, как уж мы столкнулись. По счастью для меня, я был со стороны изгороди, и удар пришелся слабее на мою долю, но бедный мой товарищ наткнулся грудью на дышло встречного экипажа, потому что господин, ехавший в нем, не подумал держаться своей стороны.

Я никогда не забуду раздирающего крика моего соседа, когда он шарахнулся от сильного удара. Лошадь, налетевшая на нас, опрокинулась через оглобли и переломила одну оглоблю. Мы узнали, что эта лошадь была тоже нашего хозяина; ее обычно запрягали в двухколесный кабриолет, в котором любили кататься молодые люди.

На горе бедного Рори, в этот день кабриолет был нанят одним из тех легкомысленных ездоков, о которых я говорил, не знающих даже простого правила всякой езды: всегда держаться своей стороны. Кровь лила из широкой раны бедного моего раненого товарища; говорят, что если б удар пришелся немного более в сторону, он бы убил Рори на месте. Лучше было бы для него, если б так действительно случилось.

После продолжительного лечения Рори продали ломовому извозчику, угольщику. А каково возить тяжелый воз по крутой горе, знают одни лошади! Я видел раз такую картину и не забуду грустного впечатления: воз, который нельзя даже затормозить, всей тяжестью наваливается на зад несчастной лошади, и без того едва могущей везти тяжелый груз.

Меня стали закладывать с другой лошадей, которую звали Пеги. Пеги была очень красивая, серая в яблоках, с темной гривой и темным хвостом. Она не была породистой лошадей, но у нее был очень добрый и веселый нрав. Одного я не мог понять: она, как видно, старалась бежать как можно лучше, но ход у нее был очень странный: то она шла хорошей рысью, то вдруг начинала скакать. Мне было очень неловко

с ней бежать, и я как-то раз, вернувшись домой, спросил ее, почему она так странно бежит.

– Я знаю, что плохо иду, – сказала Пеги, – но, право, я не виновата. Все дело в том, что у меня ноги короткие. Я с тобой почти одного роста, но у тебя ноги гораздо длиннее, поэтому шаг у тебя больше и ты можешь скорее бежать. Я не виновата, что я такого склада, ведь я не сама себя создала; если б меня спросили, какие ноги я хочу иметь, я бы, конечно, попросила себе длинные ноги. Все горе моей жизни от коротких ног.

Я пожалел ее от всей души, но все-таки не мог понять, отчего такая смирная и усердная лошадь приобрела такую неудобную привычку; ведь она могла бежать ровно и угодить кому угодно.

– То-то и оно, что не всякому, – отвечала Пеги. – Я не могу бежать очень скоро, а многие считают необходимым ездить быстро. Я служила раз хорошему барину, который не требовал от меня большего, чем я могла сделать, и я была счастлива на том месте, но он уехал далеко, и меня продали одному фермеру. Этот фермер ничего не понимал в хорошей езде, он только любил бешеную езду и немилосердно хлестал меня, погоняя вперед. Так как я не успевала бежать довольно скоро для него, я стала иногда скакать, а потом привыкла к неровной езде. Раз, в темный вечер, мы возвращались таким образом с базара и налетели на что-то стоявшее посреди дороги. Бричка опрокинулась, мой хозяин сломал себе руку и,

кажется, ребро, после чего меня, конечно, продали. То же будет со мною везде, если люди будут ожидать от меня быстрой езды.

Спустя некоторое время после нашего разговора Пеги была куплена двумя дамами, которые любили сами править в кабриолете и искали смирную лошадь.

Я несколько раз встречал Пеги; она ехала своей тихой рысью, не сбивалась и казалась очень довольной. Я был рад, что хорошая лошадка попала на хорошее место.

Вместо нее я получил нового товарища. Про него говорили, что он пугается. Я спросил его, отчего это с ним бывает.

– Смолоду я был пуглив, – сказал он, – и во мне еще более развили эту слабость наглазниками. Нет вернее средства, чтобы приучить лошадь пугаться. Когда можешь смотреть по сторонам, то всегда все разглядишь, и то, что казалось страшным, перестает быть страшным, но в наглазниках не знаешь, что угрожает тебе сбоку, и от этого пугаешься гораздо чаще и больше. Помню, раз мы ехали с хозяином и на мне были наглазники; рядом с экипажем ехал знакомый старый барин верхом. Вдруг мимо меня сбоку пролетел кусок белой бумаги или тряпки, не знаю, но я испугался и дернул в сторону. Хозяин начал меня бить, а старый барин остановил его:

– Что вы делаете? – сказал он. – Лошадь и без того испугалась, а вы ее еще более хотите запугать.

Это замечание было справедливое, и не за что было сердиться на меня. Если б сняли с меня наглазники, я бы пере-

стал пугаться.

Я был согласен с ним и пожалел, что не все хозяева лошадей похожи на моего первого хозяина, фермера Грея, и на помещика Гордона.

Впрочем, случилось мне попадать в руки хороших господ. Однажды два хорошо одетых господина вышли садиться в экипаж, с которым я за ними приехал. Один из них подошел ко мне, потрепал меня ласково и осмотрел узду.

– Разве удила нужны этой лошади? – спросил он у конюха.

– Я полагаю, что она отлично пойдет и без них, – отвечал конюх, – но обыкновенно господа требуют, чтобы были удила.

– Я не люблю их, – продолжал господин. – Пожалуйста, снимите их. В дальней поездке лошади приятно быть легко взнузданной. Не правда ли, старина? – спросил он меня, погладив мою шею.

Оба они сели в экипаж; говоривший взял вожжи, слегка тронул меня, и мы пустились в дорогу.

Я выгнул шею, поднял голову и весело бежал, чувствуя себя в опытных и искусных руках. Я вспомнил доброе старое время.

Эти господа полюбили меня. Они несколько раз ездили со мной, пробовали меня и под верх и, наконец, уговорили содержателя извозничьего двора продать меня одному их приятелю, который искал спокойную верховую лошадь. Вот как я попал к новому хозяину, господину Бари.

XXVIII. Вор

Господин Бари был человек очень занятый своими делами. Доктор советовал ему прогулки верхом, вот почему он купил меня. Он нанял конюшню недалеко от своего дома и конюха, которому поручено было убирать меня и кормить. Мой хозяин сам не понимал толку в лошадях, но он велел конюху, – я слышал, как он говорил с ним, – давать мне овса с отрубями и лучшего сена, так что я ожидал хорошего корма на новом месте.

Сначала все шло хорошо; конюх был человек опытный, он держал мое стойло в большой чистоте, тщательно чистил меня и вообще был ласков со мной. Раньше он служил, как я узнал, в больших гостиницах. Теперь он завел огород и продавал овощи на базаре; жена его разводила домашнюю птицу и кроликов тоже на продажу. Я вскоре заметил, что мне дают мало овса; бобов и отрубей я получал вдоволь, но к ним при-мешивали овса, я думаю, в четыре раза меньше, чем следо-вало. В две-три недели на мне сказалась такая несытная пи-ща. Трава – вещь полезная, но мое здоровье требовало вдо-бавок овса. Что же было мне делать? Жаловаться я не мог и никак не умел довести до сведения хозяина, что делается со мной.

Таким образом прошло два месяца. Я удивлялся, как хо-зяин не замечает во мне перемены.

Однажды мы поехали с ним к одному его знакомому в деревню. Помещик, как видно, хорошо знал лошадей. Поздоровавшись с приятелем, он взглянул на меня и воскликнул:

– Послушай, Бари, что с твоей лошадыю? Она, верно, больна: она очень переменялась с тех пор, как я видел ее у тебя в первый раз.

– Нет, она, кажется, здорова, – отвечал мой хозяин, – только она что-то невесела стала. Но мой конюх говорит, что осенью все лошади становятся хуже и слабее.

– Вот вздор-то! – сказал помещик. – Какая же теперь осень, у нас август! К тому же при такой легкой работе, как у тебя, и на хорошем корме лошадь не должна худеть даже осенью. Чем ты кормишь ее?

Хозяин рассказал ему, что по его приказанию дает мне ежедневно конюх. Помещик покачал головой и стал ощупывать меня.

– Не знаю, кто ест твой овес, – сказал он, – но я уверен, что лошадь его не получает. Ты ехал сюда быстро?

– Нет, совсем потихоньку.

– Дай-ка сюда руки; смотри, ведь лошадь вспотела, как потеют лошади, которые живут на одной траве. Советую тебе заглядывать в твою конюшню. Я терпеть не могу подозревать людей в бесчестности, – мои люди все достойны полного доверия, – но бывают такие нехорошие слуги, которые не пожалеют немое создание и готовы от него сами поживиться.

В эту минуту за мной пришел конюх.

– Задай-ка хорошего корма этому коню, – сказал ему его хозяин, – да не жалей овса.

Этот господин справедливо назвал нас немymi созданиями. Если б я мог говорить, я бы рассказал хозяину, куда девается его овес. Мой конюх приходил ко мне всегда в шесть часов утра и приводил с собой маленького сына, который входил с ним в закут около стойла, где хранятся сбруя и овес. У мальчика была в руках корзинка с крышкой. Раз как-то дверь осталась отпертой, и я видел, как конюх насыпал полную корзинку моим овсом, и мальчик ушел с ней домой.

С неделю после этого я увидел полицейского, который вошел в конюшню, только что мальчик с корзинкой вышел из нее. Полицейский держал мальчика за руку, и вскоре другой полицейский вошел за ними.

– Покажи, где отец твой держит корм для своих кроликов, – сказал мальчику один из полицейских.

Лицо мальчика было испуганное, он заплакал, но делать было нечего, он должен был показать, откуда отец берет овес.

Не знаю уж, куда увели после этого нашего конюха; только у нас он больше не появлялся.

XXIX. Обманщик

Хозяин не сразу мог найти нового конюха. Наконец в мою конюшню явился высокий молодой человек довольно красивой наружности. Звали его Альфредом. Он обращался со мной очень вежливо, и я не видал от него грубости. Но я скоро узнал, какой он хитрый и лживый человек. При хозяине он ласкал меня и всегда тщательно расчесывал хвост и гриву, а также мазал маслом копыта перед тем, как вести меня к хозяину, желая показать меня в блестящем виде. Но блеск был только снаружи: он никогда хорошенько не прочищал мне копыта, не чистил меня так, как следует чистить лошадь, точно он имел дело с коровой. Удила мои заржавели, седло оставалось сырым и нахвостник сделался жестким, как дерево.

Альфред зато занимался собою перед зеркалом, висевшим на стене чулана для сбруи; он считал себя, видно, красавцем, причесывался, расправлял усы, охорашивался подолгу. Когда хозяин разговаривал с ним, он при каждом слове прикладывал руку к козырьку фуражки и на все подобострастно отвечал: «Да, сударь! Слушаю, сударь!»

Его считали хорошим малым и поздравляли господина Бари с находкой.

По-моему же, это был самый ленивый, самодовольный человек, которого мне случалось видеть. Конечно, приятно бы-

ло не знать грубого обращения, но лошади одного этого мало. Стоило у меня было свободное; в нем можно было бы жить очень покойно, если бы его держали чистым. Альфред ленился менять солому, так что запах сделался скоро тяжелый, и я стал страдать глазами от дурных испарений.

Однажды хозяин мой вошел в конюшню и сказал:

– Альфред, тут что-то едко пахнет. Хорошо бы вычистить стойло и вымыть пол, не надо жалеть воды.

– Как вам будет угодно, сударь, – отвечал Альфред, – но позвольте доложить вам, что для лошади опасно мыть стойло: они легко простужаются. Я бы не хотел причинить ей вред, сударь. Впрочем, как прикажете, сударь.

– Я не желаю студить лошадь, – сказал хозяин, – но надо что-нибудь сделать, чтобы воздух был здесь лучше. Исправны ли трубы?

– Я припоминаю, сударь, что есть запах от труб, может, и случилась там какая неисправность.

– Так пошлите за печником и велите ему поднять кирпичи сточной трубы.

– Слушаю, сударь.

Печник явился, выложил много кирпича, но ничего не нашел плохого в трубе. Он положил новую замазку и подал изрядный счет хозяину, но в стойле остался тот же дурной запах. Кроме того, ноги мои стали отзываться сыростью преющей соломы.

Хозяин заметил, что я ступаю не так верно, как прежде.

– Не понимаю, что сделалось с лошастью, – сказал он конюху, – у нее ноги трясутся; иногда мне кажется, что она споткнется и упадет, того и гляди.

– Так точно, сударь, – отвечал Альфред. – Я заметил то же самое на проводке.

Он солгал, потому что никогда не проваживал меня. Хозяин не каждый день ездил, – его занятия не всегда позволяли ему совершать верховую прогулку, вследствие чего я стоял целыми днями без движения, что очень вредно, особенно когда лошадь все время получает столько овса, как будто она работает. Здоровье мое пошатнулось: на меня находила спячка или, наоборот, лихорадочное возбуждение. Конюх никогда не давал мне ни зелени, ни поила из отрубей: они действовали бы прохладительно. Но Альфред был так же невежествен, как самодоволен. Кончилось тем, что вместо разумной пищи и достаточного движения я получал время от времени лошадиные лекарства, от которых часто чувствовал себя еще более больным, не говоря о том, как неприятно глотать лекарство.

Раз хозяин поехал кататься. Дорогой в город я два раза так неловко споткнулся на камнях мостовой, что хозяин заехал к ветеринару. Он осмотрел мои ноги и, стряхнув с рук пыль, сказал хозяину:

– У вашей лошади то, что мы называем гниением стрелки копыта. Хорошо еще, что она не упала. Такого рода болезнь происходит от неопрятной конюшни, где не меняют

подстилку. Пришлите завтра лошадь, я вычищу ей копыта и покажу вашему конюху, как надо прикладывать примочку, которую я пропишу.

На другой день мне прочистили копыта и заложили в них паклю, пропитанную какой-то едкой жидкостью. Это было очень неприятно.

Ветеринар велел выкинуть всю солому из моего стойла, вычистить и проветрить его и каждый день стлать свежую подстилку. Кроме того, мне прописали пойло из отрубей, зелень и только немного овса до тех пор, пока ноги не заживут.

Я скоро стал поправляться, но господину Бари надоело возиться с бесчестными конюхами, и, так как он ездил нечасто, он решил продать лошадь, а себе нанимать, когда захочется покататься.

XXX. Конная площадь

Новичкам весело попасть на конную площадь: есть на что посмотреть. Но, конечно, весело это только тому, кому нечего терять, кто сюда попал не от хорошей жизни.

Длинной вереницей толпились на площади молодые лошади, пригнанные прямо из деревни; тут же стояли лохматые валлийские лошадки, не больше нашей Резвухи. Здесь можно было увидеть сотни ломовых лошадей с заплетенными хвостами, перевязанными красным шнурком. Были и породистые, хороших статей лошади, как я, которые попали на распродажу вследствие несчастного случая, попортившего ноги лошади или грудь. Среди них видны были красавцы, молодцевато вскидывавшие ноги и показывавшие высокую школу езды покупателям, перед которыми их выводили конюхи, бежавшие подле них.

Но за блестящей толпой виднелись и жалкие заморенные лошади с узловатыми коленями и задними ногами, которые подергивались на каждом шагу; у некоторых дряхлых лошадей нижняя губа совсем отвисла, уши прижались с таким выражением, как будто у них исчезла всякая радость жизни и все надежды на лучшее; у иных ребра торчали из-под натянутой кожи, а на спинах заметны были следы тяжких побоев. Сердце больно сжималось при виде этих несчастных, и невольно являлся вопрос: не постигнет ли и самого тебя та-

кая участь?

Наслушался я довольно людской лжи и насмотрелся всяких обманов, пока стоял на площади и смотрел на торговлю барышников.

Меня поставили в одну кучу с двумя-тремя сильными лошадьми, и нас многие смотрели. Господа при виде моих попорченных коленок удалялись, несмотря на уверения продавца в том, что я поскользнулся в стойле и, падая, зашиб ноги. Покупатели подходили, открывали мне рот, смотрели в глаза, щупали ноги сверху донизу, после чего пробовали мой ход. Некоторые при этом грубо вертели меня во все стороны, а другие нежно дотрагивались до меня, точно ласкали меня. По этому я судил о покупателях.

Один из покупателей мне так понравился, что я очень желал попасть в его руки. Это был не господин, а простой человек, невысокий, но стройный и живой. Как только он тронул меня, я тотчас увидел, что у него большая сноровка в обращении с лошадьми. Голос у него был мягкий; добрые серые глаза смотрели ласково. Как ни странно, но мне даже показалось, что от него пахнет свежим сеном, что меня тоже к нему расположило. Не табаком и пивом пахло от него, — я ненавидел эти запахи, а пахло так, как будто он пришел с сеновала.

Он предложил за меня двадцать три фунта стерлингов, но меня не продавали за эту цену, и он ушел. Я с сожалением посмотрел ему вслед, особенно когда подошел другой по-

купатель с суровым лицом и грубым, громким голосом. Я ужасно боялся, как бы он не купил меня, но и он не сошелся в цене. Приходили еще два или три человека, и неприятный человек со злым лицом опять вернулся. Он предложил двадцать три фунта; заспорили, стали торговаться; продавец, боясь упустить все случаи, начал уступать, но в эту минуту вернулся милый человек. Я невольно потянулся к нему мордой. Он ласково погладил меня.

– Что, старина, – сказал он, – мы, кажется, годимся друг другу. Слушайте, вот вам двадцать четыре фунта, – обратился он к продавцу.

– Скажем, двадцать пять, и дело по рукам, – отвечал продавец.

– Ну, двадцать четыре фунта и десять шиллингов, больше ни копейки. Да или нет? – продолжал торговаться добрый покупатель.

– Идет! – заключил продавец. – Останетесь довольны. Отличная лошадь, особенно для езды в кэбе, – прибавил он.

Деньги были тотчас отсчитаны, и мой новый хозяин повел меня в гостиницу, где у него были приготовлены узда и седло. Он дал мне хорошую кормежку, стоя подле меня и все время разговаривая со мной.

Полчаса спустя мы поехали в Лондон. Проезжать приходилось приятными деревенскими проселками. Наконец мы доехали до огромного города и к сумеркам добрались до Сити. Там уже горели газовые фонари; направо и налево тя-

нулись улицы и скрещивались без конца. Мне казалось, что мы никогда не доедем до места назначения. Наконец, проезжая по одной улице, я увидел извозчичью биржу. Мой седок крикнул:

– Доброго вечера, хозяин!

– Здорово! – слышалось в ответ. – Что ж, хорошую лошадь купил?

– Кажется, да, – ответил мой владелец.

– Ну и отлично! Дай бог тебе благополучия с покупкой.

– Благодарю, хозяин.

Мы поехали дальше. Вскоре мы свернули в одну боковую улицу, а потом, проехав ее до половины, поворотили в узкий переулок с довольно бедными домами по одной стороне и чем-то, что мне показалось конюшнями, по другой. Мой хозяин остановился у одного из домов и посвистел. Дверь быстро отворилась; на пороге появилась молодая женщина с двумя детьми: мальчиком и девочкой. Начались оживленные приветствия.

– Ну-ка, Гарри, сынок, отопри ворота, а мать принесет фонарь.

Через минуту вся семья окружила меня на дворе перед конюшней.

– Папа, она смиренная? – спросила девочка.

– Да, Долли, такая же смиренная, как твой котенок. Поди сюда, погладь ее.

Маленькая ручка задвигалась по моему плечу так славно!

– Я принесу отрубной похлебки, – сказала мать девочки, – а ты пока почистишь лошадь.

– Отлично, жена, это самый лучший ужин для нашего нового жильца. Я знаю, что ты и мне приготовила славную похлебку.

– Жареные сосиски и пирог с яблоком! – воскликнул мальчик, которого звали Гарри.

При этом восклицании все рассмеялись.

Меня ввели в чистое, спокойное стойло, в котором было много сухой соломы на полу. Здесь после прекрасного ужина я лег спать. Казалось, что для меня настала счастливая жизнь.

XXXI. Лондонская извозчичья лошадь

Моего нового хозяина звали Иеремиа Баркер, но его все называли просто Джери; так и я буду называть его.

Полли, его жена, была славная женщина, небольшого роста, полная, с гладко причесанными волосами, темными глазами и смеющимся ртом. Их сыну Гарри было лет двенадцать. Это был высокий, добродушный мальчуган с прямым, открытым выражением лица. Маленькая Долли, как ее называли, вышла лицом вся в мать; ей было только восемь лет. Все они горячо любили друг друга. Я никогда еще не видал такой веселой и счастливой семьи.

Джери держал собственный экипаж и двух лошадей. Он возил седоков то на одной, то на другой лошади.

Моего товарища, высокую лошадь с широкой костью, прозывали Капитаном. В молодости это был, должно быть, статный, красивый конь, но он состарился, хотя еще гордо носил голову и выгибал шею. Он рассказал мне, что молодым участвовал в Крымской войне. Он принадлежал тогда одному кавалерийскому офицеру и шел во главе полка.

На другое утро, после того как меня хорошо вычистили, Полли пришла с девочкой посмотреть на меня и познакомиться со мной.

Гарри помогал все утро отцу на конюшне. Я слышал, как

Джери сказал про меня, что из меня выйдет отличная извозчичья лошадь. Полли принесла мне кусочек яблока, а девочка – ломоть хлеба. Они ласкали меня и хвалили так, что мне показалось, будто я опять стал Черным Красавчиком. Мне было так приятно чувствовать себя снова любимым, что я старался всячески выразить мою благодарность новым хозяевам. Полли сказала, что я даже был бы слишком красив для извозчичьего экипажа, если б у меня колени были целы.

– Кто знает, отчего случилось это несчастье? – сказал Джери. – Я не думаю, чтобы он сам был виноват. Назовем его Джеком, Полли, как звали старую лошадь. Что ты скажешь?

– Хорошо, – отвечала Полли.

– Мне нравится это имя, пусть оно не переводится у нас.

Это утро Капитан провел в езде. Гарри пришел после школы задать мне корму и напоить. После обеда меня заложили, причем Джери тщательно пригнал сбрую и узду, чтобы я чувствовал себя ловко. Я вспомнил нашего доброго кучера Джона Манли. На меня надели не строгую узду, а простую, свободную уздечку. Это было настоящее блаженство!

Проехав несколько переулков, мы выехали к той большой извозчичьей бирже, мимо которой мы проезжали, когда Джери крикнул «Добрый вечер!». С одной стороны улицы тянулись высокие дома с причудливыми вывесками, с другой была старинная церковь и кладбище, огороженное чугунной решеткой. Вдоль решетки стояли извозчичьи экипажи. На земле валялись клочки сена; многие извозчики стояли куч-

кой и разговаривали, а некоторые из них сидели на козлах и читали газету. Два-три человека кормили своих лошадей сеном и поили их. Мы остановились подле крайнего извозчика. Несколько человек тотчас обступили нас.

– Лошадь как раз годится для похоронной процессии, – заметил один из них, осмотрев меня.

– Слишком нарядная лошадь для извозчика, – сказал другой. – Смотри, Джери, как бы не оказалось в ней какого-нибудь скрытого порока.

– Чего же мне смотреть? – весело отвечал Джери. – Окажется, тогда и увижу, а вперед загадывать бесполезно.

К нам подошел широколицый мужчина в толстом сером кафтане с капюшоном, с большими белыми пуговицами. Шея его была повязана голубым шарфом; из-под шляпы виднелись седые волосы, но, несмотря на седину, человек этот имел бодрый вид, и видно было, что он пользуется всеобщим уважением, потому что ему сейчас же уступили место. Он осматривал меня, как будто собирался купить, и наконец высказал свое мнение.

– Лошадь по тебе, Джери, – сказал он. – Мне все равно, сколько ты за нее заплатил, но она стоит того.

Итак, мнение обо мне установилось на бирже.

Человека в сером кафтане звали Грантом. «Грей Грант» или чаще «хозяин Грант» – так величали его извозчики. Он был старейший между ними и решал все дела биржи. Добродушный и разумный в трезвом виде, он становился суро-

вым, когда ему случалось выпить. В таких случаях все боялись его кулака.

В первую неделю моей службы на новом месте мне пришлось довольно помучиться. Я не привык к городскому шуму и к сутолоке экипажей. Лондонская толпа людей и лошадей смущала меня; я все боялся беды, но вскоре страхи мои прошли: я убедился в том, что Джери везде сумеет выбраться, и вполне доверился ему. Он же, видя мое усердие, никогда не употреблял бича, который красовался в стойке подле него.

В короткое время мы отлично поняли друг друга. В конюшне я пользовался самым лучшим уходом; Джери делал все возможное для удобства своих лошадей. На ночь с нас снимали недоуздок, и мы могли свободно ворочаться в стойле, как нам вздумается. Нас держали в большой чистоте и часто меняли пищу, которой было всегда вдоволь, так же как и воды. Джери ставил ведра со свежей водой в стойла, и мы могли пить сколько угодно. Некоторые кучера боятся того, как бы лошадь не выпила слишком много воды, но это совсем неверно: если лошадь имеет возможность часто пить, то она не выпьет сразу много, и это гораздо полезнее для нее.

Джери только тогда не ставил нам воды, когда мы бывали разгорячены. Между тем сколько есть конюхов, которые уйдут домой пить свое пиво, а нас, лошадей, оставят с сухим овсом и сеном без капли воды, так что приходится часами терпеть жажду, после чего всегда выпьешь слишком много.

Но что было всего лучше на моем новом месте – это воскресный отдых. Без него вряд ли извозчичья лошадь могла бы вынести свою недельную работу. Весело было хорошенько отдохнуть и поговорить между собою. В один из таких воскресных отдыхов я узнал историю моего товарища, Капитана.

XXXII. Старая боевая лошадь

Капитан начал службу у военного; его с детства готовили в полковые лошади. Во время Крымской кампании ему пришлось идти с хозяином в дальний поход. Он рассказывал, что, пока он учился, военная жизнь казалась ему очень веселой. Весело было идти в ногу с целым рядом лошадей, поворачивать направо и налево по команде и пускаться во весь карьер при звуках труб и барабанов. Капитан был смолоду красивым темно-серым конем в яблоках. Его молодой хозяин очень любил его и обращался с ним с большой заботой и лаской.

Все шло прекрасно для Капитана, пока не наступила война. Когда пришлось отправиться на большом корабле в далекую чужую сторону, он изменил свое мнение о военной службе.

– Представь себе, – говорил он мне, – что нас на длинных ременных петлях перекидывали с берега на палубу. Это было ужасно. Приходилось перелетать по воздуху через широкую полосу моря. На корабле нас заперли в крошечные стойла без окон, после чего мы долго не видали света божия и не могли хорошенько расправить ноги. Иногда корабль высоко подымался большой волной, и нас швыряло во все стороны. Конечно, нам делалось дурно и головы сильно кружились.

Но наконец наше мучение кончилось. Нас опять обвинили

ремнями, приподняли и перекинули на берег. Мы заржали от радости, когда ноги наши коснулись твердой земли.

Вскоре оказалось, что страна, куда нас привезли, мало походила на нашу родину. Погода здесь была дурная. Стояли холода; на земле часто лежал снег, который таял и превращался в грязь. Некоторые из офицеров и из солдат, положим, так любили своих лошадей, что придумывали всякие средства для того, чтобы оградить их от холода и сырости.

– Ну, а что ты скажешь насчет сражений? – спросил я. – Должно быть, это самое худшее?

– Еще бы! – отвечал Капитан. – Пока мы чувствовали узду в твердой руке хозяина, нам не было страшно, а скакать при звуках музыки было даже очень весело! Тут и не замечаешь разрывающихся гранат, свистящих мимо ушей пуль, сабельных ударов. Несемся в каком-то чаду. Много видел я на поле сражения искалеченных и умирающих лошадей, но как-то мысль о грозящей мне самому опасности не приходила в голову. Бодрый голос, которым мой хозяин посылал своих солдат вперед, вселял в меня уверенность, что ничего плохого с нами не случится. Видал я солдат смертельно раненных, валившихся с лошадей, слышал стоны умирающих, натыкался на людей и лошадей, умирающих и умерших; приходилось ступать по земле, сделавшейся скользкой от застывшей крови, и все-таки до одного ужасного дня я не знал слишком большого страха. Зато этот день я никогда не забуду.

Старый Капитан умолк, тяжело вздыхая. Я ждал, пока он

снова заговорит.

– В одно осеннее утро, – начал он, – перед рассветом наш полк стоял в полном боевом порядке. Неизвестно было, выступим мы или нет, но люди были наготове подле лошадей, ожидая только приказа. По мере того как становилось светлее, среди офицеров стало заметно возбуждение, и день еще не наступил, как мы услышали пальбу неприятеля. В эту минуту к нам подъехал офицер и приказал людям садиться на коней. В одно мгновение все вскочили в седла, и лошади готовы были ринуться вперед при малейшем прикосновении своих седоков; но мы все были так приучены, что не двигались с места в ожидании приказа и только нетерпеливо покусывали удила.

Мой хозяин стоял во главе боевой линии. Он поправил выбившуюся прядь моей гривы и, трепля меня по шее, сказал: «Ну, будет денек нам с тобой, красавец мой Баярд! Что ж? Мы не ударим с тобой лицом в грязь». Он в это утро ласкал меня более чем когда-либо; рука его нежно гладила мою шею, но мысли его были где-то далеко. Я чувствовал себя очень счастливым и гордо выгибал шею, но стоял как вкопанный, отлично понимая настроение хозяина и зная, когда надо было быть веселым, когда серьезным.

Рассказывать все, что случилось в тот день, я не стану; я расскажу только о последней атаке. Дело было в лощине, под самым жарким огнем неприятеля. Мы, лошади, уже хорошо свыклись с ружейной пальбой, с грохотом пушек, но

никогда еще мы не бывали под таким огнем. Справа, слева, впереди, отовсюду сыпались ядра, свистели пули. Много людей пало в этот день, много лошадей свалилось, сбрасывая с себя седоков. Не одна бедная лошадь попала нам, дико скачущая вперед без седока. Ряды то и дело редели, но мы тем плотнее смыкались, тем бешенее скакали, чем ближе становились неприятельские пушки, окутанные белым дымом, ежеминутно прорезываемым полосками огня.

Мой господин, высоко подняв правую руку, звал товарищей вперед, и вдруг пуля прожужжала около моей головы и попала в него. Я почувствовал, как он зашатался, сабля выпала из его правой руки, из левой выскользнула узда, и он упал назад. Другие всадники проскакали мимо нас; меня увлекло вместе с ними, и я невольно оставил своего хозяина позади, лежащим на земле.

Я хотел удержаться подле него, но это оказалось невозможным. Итак, я остался один, без хозяина, среди ужасной резни! Вот когда страх овладел мною. Я бросился, как другие лошади без седоков, в ряды скачущих и старался скакать с ними, но солдаты саблями отгоняли меня. Случилось, что под одним солдатом была убита лошадь, он вскочил на меня, и мы понеслись дальше. Но вскоре остатки нашей конницы, видя невозможность борьбы, стали отступать. Были лошади настолько тяжело раненные, что они не могли двигаться, истекая кровью; другие старались идти на трех ногах, а некоторые становились на передние ноги, волоча за собой раздроб-

ленные задние ноги. Я никогда не забуду их раздирающих криков и молящих взоров, устремленных на тех, кто проезжал мимо, оставляя их на произвол судьбы.

После сражения принесли раненых людей в лагерь и стали хоронить умерших.

– Неужели раненых лошадей оставили на поле сражения? – спросил я.

– Нет, полковой ветеринар обходил поле, и тех, кого можно было спасти, увозили оттуда и лечили, а безнадежных тут же убивали. Из каждых четырех лошадей в нашем полку осталось в живых не больше одной.

Никогда я больше не видал моего господина. Кажется, он был убит наповал. После того сражения я был и в других битвах, и раз пуля ранила меня, но слегка. Когда я выздоровел, то вернулся домой, в Англию.

– Отчего же люди так хвалят войну? – спросил я.

– Кто так говорит, – отвечал Капитан, – тот никогда не был на войне. В мирное время, конечно, людей забавляют парады и смотры, но когда тысячи человеческих и лошадиных жизней гибнут, когда столько же остается калек на всю жизнь, нельзя смотреть на войну без ужаса!

– Из-за чего же воевали? – спросил я опять.

– Этого я не сумею тебе сказать. Что может лошадь знать об этом?

XXXIII. Джери Баркер

Я не встречал лучшего человека, чем мой хозяин Джери Баркер. Он был добр и любил правду во всем, не менее нашего славного Джона Манли; к тому же нрав у него был такой веселый и добродушный, что вряд ли кто мог с ним повздорить. Он очень любил напевать разные песенки. Я помню, в одной из них говорилось о том, чтобы отец и мать, сестра и брат – все члены семьи – принимались дружно за общее дело. И так поступала семья Джери Бартера. Гарри, сын его, знал уже конюшенное дело не хуже взрослого и всегда помогал отцу. Бывало, утром к нам являлись Полли и девочка; они чистили подушки и мягкие стенки коляски, протирали боковые стекла, между тем как Джери чистил и мыл нас на дворе, а Гарри приводил сбрую в порядок. Сколько было смеху и шуток в это время! Нам становилось весело, и мы готовы были гораздо лучше работать, чем если бы слышали брань и ссоры.

Джери терпеть не мог праздного шатания и напрасной траты времени; он дорого ценил ранние утренние часы, говоря, что потерянного утра потом во весь день не вернешь, как ни спеши. Поэтому ничто не раздражало его так, как требование седоков нагнать скорой ездой потерянное ими без всякой нужды время.

Один раз к нам подошли два молодых человека, которые

вышли из трактира. Вид у них был странный, и они куда-то страшно торопились.

– Эй, извозчик! – крикнул один из них. – Мы запоздали, вези нас скорее на вокзал Виктории. Надо поспеть к часовому поезду. На чай получишь, если поддашь хорошенько пару.

– Пару поддавать я не стану, господа, – отвечал Джери, – а свезу вас, если угодно, обыкновенной рысью. На чай мне не нужно получать.

– Пожалуйста ко мне! – закричал сосед наш на бирже, извозчик Лари. – Уж я доставлю вас вовремя, не извольте беспокоиться.

Он поспешно отворил дверцы и посадил молодых людей в свой экипаж.

– Он считает грехом шибко ездить, – прибавил он, лукаво подмигнув в сторону Джери.

С этими словами Лари хлестнул свою заморенную лошадь и покатил во всю прыть. Джери потрепал мою шею, сказав:

– Деньгами такую езду не окупишь, Джек, мой старый друг, как ты думаешь?

Хотя вообще он и не допускал слишком быстрой езды, однако бывали случаи, когда и Джери отступал от своих правил. Так, например, я помню следующий случай: мы стояли на бирже, ожидая седока, как вдруг один господин с тяжелым дорожным мешком поскользнулся на апельсинной корке, валявшейся на мостовой, и упал со всего размаху.

Джери бросился к нему на помощь. Падение было такое сильное, что господина оглушило, и его с трудом отвели в соседнюю лавку.

Джери вернулся на биржу; но, когда его позвали к лавке минут через десять, он тотчас подъехал туда.

– Можете ли вы меня довезти до Юго-Восточного вокзала? – спросил молодой человек, которого Джери поднял с мостовой. – Такая досада, что я поскользнулся и расшибся, – продолжал он, – теперь, пожалуй, опоздаю на поезд, а мне крайне нужно попасть на него! Если можете доставить меня вовремя, я готов заплатить сверх таксы, что хотите.

– Если вы настолько поправились, что можете ехать, сударь, – отвечал Джери, – я постараюсь услужить вам, как могу.

Лицо молодого человека побледнело как полотно; видно было, что он чувствует себя дурно.

– Я должен ехать, – сказал он очень серьезно. – Отворите дверцы, пожалуйста, и поторопимся.

Джери вскочил на козлы и, весело свистнув мне, тронул вожжи.

– Ну-ка, Джек, старина, – сказал он, – покажем им, как мы можем бежать, когда необходимо.

Я понял его и приложил все свое старание. Быстрая езда в Лондоне в полдень – вещь очень трудная. Улицы загромождены всевозможными экипажами, но хорошая лошадь с опытным кучером могут выбраться из этого лабиринта.

Чувствительность моего рта много помогала в таких случаях. Я в одно мгновение понимал самое легкое подергивание узды и мог быстро переходить от тихого шага, вынужденного особенной сутолокой, к быстрому ходу, когда являлась возможность проскользнуть вперед. Приходилось перегонять длинные вереницы ломовых, тянувшихся черепашным шагом, или вдруг осаживать, налетев на экипаж, который вдруг почему-либо останавливался. Иной раз, лавируя между колесами экипажей, омнибусов, подвод с кладями, мы так близко проезжали около них, что почти задевали колеса, но все-таки в следующую минуту нам удавалось благополучно выбраться на более свободное место, и я бежал изо всех сил. Да, это настоящее искусство – проехать днем по Лондону!

Мы с Джери научились ему, и никто не мог обогнать нас, когда у нас была срочная езда. Во мне было много живости и смелости, а Джери соединял с большой сметливостью необыкновенное терпение. Он полагался на свою лошадь; лошадь же слепо верила ему. О биче не было и речи: я понимал по звуку его голоса, по движению вожжей, когда надо было поддавать ходу, когда задерживать его.

Итак, мы в тот день благополучно добрались до Чипсайда. В этом месте столпилось множество экипажей, проехать было невозможно и пришлось остановиться.

Наш седок высунулся из экипажа и сказал:

– Я лучше пойду дальше пешком, а так мы никогда не по-

падем на вокзал.

– Положитесь на меня, сударь, – отвечал Джери, – уж я все сделаю, что можно будет. Где же вам идти с таким багажом? Должно быть, остановка сейчас кончится.

В эту минуту воз, заграждавший нам дорогу, двинулся, и мы могли пробить себе дорогу. Наш экипаж засновал вправо и влево, объезжая другие экипажи, и, когда мы доехали до Лондонского моста, на нем, по счастью, было просторно и можно было очень быстро ехать благодаря тому, что все ехавшие, по-видимому, спешили в одном с нами направлении.

Стрелка на больших железнодорожных часах показывала без восьми двенадцать, когда мы со многими другими подкатили к подъезду станции.

– Слава богу, успели! – воскликнул наш молодой человек, выходя из экипажа. – Спасибо вам и вашей доброй лошади! – сказал он Джери. – Вот вам полкроны за труды.

– Не нужно, сударь, – возразил Джери, – благодарю вас, но я лишнего с вас не возьму. Я так рад, что мы успели. Поторапливайтесь, вот звонок. Эй, носильщик, возьмите вещи барина! На Дувр, двенадцатичасовой поезд!

Не дожидаясь ответа, Джери повернул меня, и мы отъехали в сторону, где стали дожидаться разезда.

– Как я рад, что довез его вовремя! – говорил Джери дорогой. – Хотел бы я знать, зачем он так спешил, бедный.

Джери имел привычку вслух разговаривать сам с собою.

Когда мы вернулись на биржу, его стали дразнить тем, что он польстился на лишнюю плату за срочную езду, тогда как он всегда восставал против этого. Извозчики допытывались, сколько он получил.

– Гораздо больше того, что я получаю за такой конец, – отвечал Джери, лукаво посмеиваясь. – Полученного достанет мне на хорошее угощение в продолжение нескольких дней.

– Каково! – воскликнул кто-то.

– Видите, какой ханжа! – заметил другой. – Сам делает, а другим проповеди читает.

– Слушайте, товарищи! – сказал Джери. – Господин предложил мне полкроны сверх таксы, но я не взял. Я получил награду достаточную, увидав, как он обрадовался, что поспел на поезд. Что вам за дело, если нам с Джеком нравится иной раз хорошенько пробежаться.

– Ты никогда не будешь богат, это верно, – заметил Лари.

– Вероятно, нет, – сказал Джери, – но я не жалею об этом; богатство не сделало бы меня счастливее. Слышал я не раз заповеди, и нигде не сказано: «Будь богат». А в Новом Завете есть такие речи о богатых, что я бы, пожалуй, и постыдился быть богачом.

– Если тебе суждено разбогатеть, – сказал хозяин Грей, – то ты, наверняка, заслужишь свою удачу: ты не найдешь проклятья для себя в деньгах. А ты, Лари, умрешь бедным, потому что ты слишком много тратишь на бечевку кнута.

– А что же мне делать, если лошадь без кнута не идет? –

возражал Лари.

– Ты не даешь себе труда попробовать лошадь без того, чтобы ее не хлестать ежеминутно. Посмотришь, как у тебя рука то и дело взмахивает, можно подумать, что у тебя пляска святого Вита. Если ты не устаешь от этой работы, то лошадь твоя точно от нее страдает. Ты постоянно меняешь лошадей, – почему? Да потому, что они не видят у тебя ни поощрения, ни покоя.

– Просто незадача мне, – сказал Лари, – вот в чем дело.

– И не будет у тебя никогда удачи, – заметил Грей. – Удача выбирает человека с добрым сердцем и здравым смыслом. По крайней мере я сделал это наблюдение в жизни.

Хозяин Грей углубился после этого замечания в свою газету, а извозчики вернулись к своим экипажам.

XXXIV. Воскресная езда

Однажды утром к Джери пришел барин в то время, как меня закладывали.

– Доброго утра, господин Баркер! – сказал господин. – Я пришел уговориться с вами насчет воскресной езды; жена моя не может пешком дойти до нашего нового прихода, поэтому я хотел бы нанять ваш экипаж на воскресенья, чтобы отвезить ее в церковь.

– Благодарю вас, сударь, – отвечал Джери, – но я выправил себе только шестидневный билет. Я не имею права ездить по воскресеньям.

– Я не знал этого, – сказал господин, – но ведь очень легко взять другой билет. Я заплачу охотно разницу, потому что моя жена предпочитает вас другим извозчикам.

– Я готов бы служить госпоже Бриге, сударь, – возразил Джери, – но, видите ли, я пробовал работать семь дней подряд и скажу вам откровенно, что такая работа слишком тяжела для меня и для моих лошадей. Не иметь ни единого дня отдыха, не быть никогда свободным для своей семьи – это невозможно. В последние годы я бросил семидневную езду.

– Конечно, я с вами согласен, что всякому человеку надо иметь отдых, – сказал господин Бриге, – но ведь вы были бы недолго заняты, и лошадь ваша не устала бы от одного небольшого конца. Весь остальной день остался бы в вашем

распоряжении. К тому же вы знаете, что мы хорошие пла-
тельщики.

– Знаю, сударь, и весьма признателен. Я готов чем угод-
но служить вам и госпоже, но одного не могу сделать – по-
жертвовать воскресным отдыхом. Я читал в Священном Пи-
сании, сударь, что Бог, сотворив зверей и человека, положил
для всей твари день отдыха. Я полагаю, сударь, что Ему луч-
ше знать, что хорошо для нас всех, – я и сам знаю, что день
отдыха очень полезен мне и моим животным. Они делаются
гораздо сильнее и здоровее от этого и выносливее в дни тру-
да. Все извозчики, которые ездят только шесть дней в неде-
лю, говорят то же. Что же касается жены и детей, да они ни
за что не согласятся на то, чтобы я работал в воскресенье.

– Как хотите, – сказал господин Бриге, – я не буду больше
настаивать. Делать нечего, придется договориться с другим
извозчиком.

С этими словами господин пошел прочь.

– Что, старина, – обратился Джери ко мне, – ведь мы
не можем обойтись без праздника? Полли, поди-ка сюда! –
крикнул он жену.

Она тотчас явилась.

– Что такое, Джери?

– Вот что, моя милая: господин Бриге приходил сейчас
и предлагал мне возить его жену в церковь каждое воскре-
сенье. Я сказал ему, что езжу по шестидневному билету а
он говорит, что заплатит за новый билет, только бы я согла-

сился. Правда, они хорошие наниматели: госпожа Бриге зачастую берет экипаж на несколько часов, когда она делает покупки или ездит к знакомым; платит она хорошо, никогда не обсчитывает ни в чем, не спорит из-за четверти часа, как это делают другие господа; от нее не услышишь приказания гнать лошадь изо всех сил, чтобы не опоздать на поезд. Конечно, возможно, что мы их упустим из-за моего отказа. Что ты скажешь, жена?

– Вот что я скажу, Джери, – медленно возразила Полли, – если б господин Бриге предложил тебе десять фунтов стерлингов за поездку, я бы сказала: откажись, раз дело касается воскресного отдыха. Мы с тобой испытали семидневную езду. Не надо ее больше. Теперь мы знаем, что значит иметь один день в неделю в своем распоряжении. Слава богу, ты зарабатываешь достаточно для нас всех. Конечно, трудно оплатить овес, и сено, и права, и наем помещения, но ведь скоро Гарри будет что-нибудь доставать; лучше, по-моему, поприжаться, чем опять работать без отдыха и не иметь тебе ни минуты свободной побыть с нами. Боже сохрани вернуться к тому тяжелому времени, когда мы жили, не видя ни единого спокойного, счастливого дня! Вот тебе мое мнение, Джери.

– Так я и сказал господину Бригсу душа моя, – сказал Джери, – и я не изменю своего слова, так что тебе нечего огорчаться. Лучше будем меньше денег получать, но останемся при нашей свободе. Ну, ну, развеселись, жена! (Полли начала было плакать.)

После этого прошло три недели, и от господина Бригса не приходили больше за нашим экипажем. Пришлось довольствоваться случайными нанимателями с биржи. Конечно, Джери потерял большую выгоду, и нам теперь доставалась работа труднее, чем бывала у господ Бригсов. Но Полли не унывала и все повторяла мужу, что Бог поможет, если он будет добросовестно делать свое дело, что когда-нибудь все уладится.

Вскоре между извозчиками узнали, что Джери отказался ради воскресного отдыха от самой прибыльной езды. Его называли дураком, но двое или трое из извозчиков заступились за него.

– Если рабочий человек сам не отстоит дня отдыха для себя, – говорили они, – то никто о нем не позаботится. Всякий человек и всякое животное имеют право на отдых. Это Божий закон и закон нашей страны, и мы должны сохранить его для наших детей.

– Все это разговоры так называемых набожных людей, – возразил Лари. – Мне все равно, в какой бы день ни заработать лишний шиллинг. Я не вижу, чем эти набожные люди лучше остальных.

– Если они не лучше других, – заметил Джери, – то они, значит, и не набожные, верующие люди. Человек, живущий по закону Божию, не сердится, не говорит дурного о ближнем, не пользуется чужим. Если же он все это делает, то его молитва ничего не стоит. Я не могу сказать, что нет закона

Божия, потому что на свете есть ханжи. Лучше настоящей веры нет ничего на свете, только она может дать человеку истинное счастье и сделать людей лучшими.

– Хорошо, – вступился Джонс, – а как же ты оправдаешь тех людей, Джери, которые заставляют нас работать по воскресным дням, чтобы самим попасть в церковь? Почему они имеют исключительное право молиться?

Многим это замечание очень понравилось, но Джери сказал:

– Такое возражение никуда не годится. Каждый должен сам заботиться о том, что он считает добрым и хорошим. Что мне за дело, что другие делают? Господа видят, что извозчики стоят на бирже, они и нанимают их. Наше дело, если мы хотим иметь день отдыха, не выезжать по воскресеньям со дворов; если бы мы все согласились, то некого было бы и нанимать.

– Тогда что стали бы делать добродетельные господа, которым, скажем, хочется послушать любимого проповедника?

– Не знаю, что мне за дело до этого, – возразил Джери. – Если им далеко туда идти, пусть ищут церковь поближе; если дождь, могут надеть непромокаемые плащи. Вообще люди, желающие доброго и истинного, всегда найдут средство удовлетворить свое желание, а если они гонятся за ненужным, то могут и без него обойтись. По-моему, это правило равно справедливо для всех людей, и для нас, извозчиков, следо-

вательно, не менее, чем для других.

XXXV. Золотое правило

Недели через три после того, как Джери отказался возить госпожу Бриге по воскресеньям, мы однажды вернулись домой довольно поздно. Полли выбежала на двор с фонарем (она часто приносила фонарь в конюшню, когда не было дождя).

– Все уладилось, Джери, – сказала Полли, – от Бригсов присылали спросить, можешь ли ты завтра приехать за госпожой в одиннадцать часов. Я сказала: «Верно, может, а разве господу не наняли другого извозчика? Мы с мужем думали, что кто-нибудь возит госпожу после того, как муж мой отказался от воскресной езды». – «Конечно, барин был расстроен отказом Баркера, – отвечал посланный, – но дело в том, что барыне не нравятся другие извозчики: одни ездят слишком скоро, другие ползут как черепахи; одним словом, нет никого лучше Баркера и его лошади».

Полли рассказывала, задыхаясь от радости, а Джери весело рассмеялся, слушая ее.

– Жена моя всегда права, – сказал он, – ты говорила, что все наладится опять, – вот и наладилось. Иди, милая, приготовь ужин, а я пока сниму с Джека сбрую и успокою его.

После этого мы часто стали возить госпожу Бриге, а свободный день все-таки остался за нами.

Однако однажды случилось пожертвовать им, но не для

нее. Вот как это вышло: мы вернулись раз в субботу вечером, проработав весь день; и хозяин и лошадь одинаково устали и с радостью думали о завтрашнем отдыхе.

На другое утро Джери чистил меня на дворе, когда вошла Полли с озабоченным лицом.

– Что такое? – спросил Джери.

– Вот что, мой друг: соседка Дина Браун только что получила известие, что мать ее серьезно заболела и что она должна тотчас ехать, если хочет застать ее в живых. Деревня, где живут родные Дины, в десяти милях отсюда. Если она по железной дороге поедет, то ей еще придется идти от станции четыре мили, а она сама еще не оправилась после болезни и совсем слаба, да и ребенка маленького нельзя дома оставить. Она спрашивает, не согласишься ли ты свезти ее на лошади в деревню. Насчет платы можно ей поверить, она понемногу выплатит свой долг.

– Ну-ну, что толковать о плате, не в том дело, а в том, что день отдыха пропадет! Лошади устали, и я крепко устал, вот в чем беда-то.

– Конечно, неудобно ехать сегодня, – сказала Полли, – у нас только и радости, что воскресный день, а с этой поездкой полдня пропадет. Но, видишь ли, Джери, надо с другими поступать, как мы хотели бы, чтобы они с нами поступали, а будь моя мать при смерти, я знаю, чего бы я пожелала. Все равно, в какой день сделать доброе для ближнего. Помнишь, что Христос сказал о субботнем дне и овце, упавшей в ко-

лодец?

– Ты у меня настоящая проповедница, Полли. Ну что же, ступай к Дине и скажи ей, чтобы готовилась в путь. Я к десяти часам буду у ее двери; по дороге зайди к мяснику Брейдону и попроси у него его двухколесную бричку. Она гораздо легче, и лошади будет не так трудно везти.

Полли ушла и скоро вернулась с ответом, что мясник согласен дать свою легкую тележку.

– Отлично! – сказал Джери. – Теперь приготовь мне хлеба с сыром, а я постараюсь вернуться пораньше к ужину.

– Я испеку пирог с говядиной к ужину, вместо обеда, – сказала Полли.

С этими словами она ушла в дом, а Джери вслед ей запел свою любимую песенку о том, что Полли – самая лучшая жена на свете.

Хозяин выбрал меня для поездки. В десять часов мы выехали. Двухколесная тележка оказалась такой легкой после коляски, что мне казалось, будто я ничего не везу.

Стояло славное майское утро. Когда мы выехали за город, воздух, пропитанный запахом полевых цветов, и мягкая дорога напомнили мне старое доброе время. Мне было весело бежать, и я скоро почувствовал себя совершенно бодрым.

Семья Дины жила в маленьком сельском доме в конце дороги, обсаженной деревьями. К дому примыкал зеленый луг с прекрасными тенистыми деревьями. На этом лугу паслись две коровы. Молодой человек, брат Дины, предложил Джери

выпрячь меня, чтобы поставить в коровник, а тележку оставить на лугу. Он выражал сожаление, что у них нет лучшего стойла для меня.

– Если ваши коровы на это не обидятся, – сказал Джери, – то лучше всего моей лошади погулять часа два на траве вашей прекрасной лужайки. Она у меня смирная, и ей будет настоящим праздником такой отдых.

– Пожалуйста, пустите ее на луг, – отвечал молодой человек. – Мы рады служить вам всем, что у нас есть, в благодарность за вашу добрую услугу сестре. У нас скоро будет готов обед, и я надеюсь, что вы с нами пообедаете, несмотря на беспорядок в доме из-за болезни матери.

Джери поблагодарил его, но от обеда отказался, говоря, что у него с собой есть чем закусить и что ему тоже приятно погулять, пока лошадь отдыхает.

Очувившись на свободе, я не знал, что делать от удовольствия. Хотелось и травки пощипать, и поваляться, и полежать, отдохнуть; хотелось и попрыгать по мягкой траве, проскакать через весь луг. Я поочередно отведал всех этих редких для себя удовольствий.

Хозяин мой, по-видимому, наслаждался не менее моего. Он сидел на зеленом пригорке, под тенистым деревом, слушал пение птиц, пел и читал свою любимую в коричневом переплете книгу. После того он обошел луг и нарвал много цветов подле маленького ручья, протекавшего в одном конце луга.

Когда я хорошенько успел отдохнуть, он дал мне овса, и я не заметил, как пролетело время среди этого блаженства. Со времени пребывания в парке Эрльшоля я не видел настоящей деревни.

Мы потихоньку вернулись домой.

– Мы с Джеком не потеряли нашего праздника, Полли, – сказал Джери по приезде домой. – Я заслушался песен птиц во славу Творца, а Джек резвился не хуже жеребенка.

Долли запрыгала от радости, получив от отца букет цветов.

XXXVI. Долли и настоящий человек

Настала ранняя зима. Снег иногда лежал на мостовой или шел дождь с изморозью целыми неделями, лишь изредка сменяясь светлыми днями с пронзительным холодным ветром. На лошадях эта погода тяжело отзывалась. Еще в холодные дни нас согревали теплые попоны, но во время продолжительных дождей даже двойные попоны промокали насквозь. У некоторых извозчиков были заведены непромокаемые покрышки для лошадей, – это славная выдумка, но многие были слишком бедны и не имели средств защитить себя и животных от стужи. Много пострадало в суровую зиму и людей, и зверей. Нам, лошадям, по крайней мере удавалось хорошо отдохнуть и согреться после тяжелой работы в течение половины дня, а хозяева наши не сходили с козел до двух-трех часов ночи.

Хуже всего было везти экипаж по скользкому грунту; бывало, устанешь больше, чем когда приходится везти тяжелый воз, хотя едешь налегке. Конечно, это оттого происходит, что надо напрягать все мускулы, чтобы удержаться на скользкой дороге.

В очень плохую погоду большинство извозчиков с биржи уходило в ближайший трактир, оставляя кого-нибудь сторожить лошадей и экипажи. Но они нередко пропускали таким образом ездока, теряя вдвойне, так как и в трактире пропи-

вали деньги. Джери этого никогда не делал.

Неподалеку от нашей биржи находилась маленькая кофейня, куда он иногда ходил отогреться чашкой горячего кофе, или он покупал пироги и стакан кофе у старого разносчика, приходившего в нашу сторону Джери был того мнения, что после водки и пива человек становится еще чувствительнее к холоду, а лучшие средства против непогоды – сухое платье, хорошая домашняя пища, радушие и ласка семьи. Извозчик, имеющий в своем распоряжении такие хорошие вещи, никогда не озябнет, какая бы ни была погода, – вот как рассуждал Джери.

Полли часто присылала мужу что-нибудь поесть, когда он не успевал заехать домой. Бывало, из-за угла выглянет личико Долли, высматривающей, тут ли отец. Если он оказывался на бирже, девочка скрывалась и через короткое время появлялась с оловянным судком, в котором была какая-нибудь похлебка или кусок жареной говядины для отца. Надо было удивляться искусству малютки, перебиравшейся через улицу, часто среди вереницы экипажей. Она очень гордилась тем, что приносила своему отцу обед.

Все извозчики ее любили; каждый был готов проводить девочку назад через улицу, если ее отцу нельзя было отойти.

В один холодный, ветреный день Долли принесла судок с горячим супом и стояла подле отца, пока он ел. В это время к нам подошел какой-то господин. Джери поклонился ему, отдал судок Долли и собирался снять с меня попону, но гос-

подин остановил его:

– Нет, пожалуйста, доешьте вашу похлебку и проводите вашу девочку через улицу. У меня, правда, не слишком много времени, однако я могу подождать в коляске.

С этими словами он уселся в экипаж, а Джери горячо поблагодарил его.

– Смотри, девочка, – сказал он дочери, – вот этот господин настоящий добрый человек. Он заботливо думает о простом извозчике и его маленькой дочке.

После этого добрый господин нанимал нас довольно часто. Он, видно, любил животных – собак и лошадей; когда мы отвозили его домой, я видел, как к нему выбегали с радостным лаем три собаки. Иногда он подходил ко мне, гладил меня и ласково говорил:

– У тебя хороший хозяин, и ты этого заслуживаешь.

Редко кто замечает лошадь, работающую на него. Этот господин и еще двое или трое ласкали меня и говорили со мной дружелюбно, но большинство об этом никогда и не думало.

Добрый господин был уже немолодой человек с сутуловатой спиной и очень приятной улыбкой. Взгляд у него был пронизательный, тонкие губы выражали твердую волю. По ним и по движению головы можно было догадаться, что человек этот всегда исполнит то, за что примется. Голос его внушал безграничное доверие.

Случилось раз, что он нанял наш экипаж с другим госпо-

дином пополам. Мы остановились возле одной лавки. Другой господин вошел туда, а наш остался рядом с экипажем. Через улицу, ровно напротив, подле винного погреба стояла подвода, заложённая прекрасной парой рослых, красивых лошадей. Возницы не было при них; не знаю, давно ли они так стояли, но им, по-видимому, надоело тут стоять. Они двинулись с места. Не успели они пройти нескольких шагов, как возница выскочил из погреба и остановил их. Он казался сильно возмущённым и принялся изо всех сил хлестать лошадей кнутом, не разбирая, куда сыплются удары, часто попадая по голове. Наш господин видел все это; он быстро перешел через улицу и решительным голосом сказал ломовому извозчику:

– Если вы не перестанете сейчас истязать лошадей, я кликну городского, и вас будут судить за дурное обращение с животными.

Извозчик был, верно, пьян, так как он начал сильно браниться; однако он перестал бить лошадей, подобрал вожжи и сел на подводу.

Наш добрый господин между тем вынул из кармана записную книжку и записал в нее имя владельца и его адрес, выставленные на подводе.

– Это вам на что? – проворчал извозчик, хлопнув бичом и проезжая мимо; но господин ничего ему не ответил и только кивнул с улыбкой, обещавшей мало хорошего пьяному извозчику.

Когда он вернулся к экипажу, его приятель воскликнул:

– Неужели тебе мало своих дел, Райт, что ты занимаешься чужими лошадьми и слугами?

Наш добрый господин помолчал; потом, откинув голову немного назад, спросил своего приятеля:

– Знаешь ли ты, отчего свет так плох?

– Нет, – отвечал тот.

– Так вот я тебе скажу: оттого, что люди думают только о своих собственных делах и не хотят заступиться за угнетенных, не обличают дурного дела. Я никогда не пропускаю злого деяния, если оно происходит на моих глазах, и я получил уже не одну благодарность от хозяев за то, что предупредил их о том, как дурно обращались с их животными.

– Кабы было на свете побольше таких господ, как вы, сударь, – заметил Джери. – Куда как они нужны людям!

Мы продолжали свой путь; когда же мы довезли господ, куда нужно было, я слышал, как добрый господин сказал:

– Я считаю, что если мы видим какое-нибудь зло, жестокость какую-нибудь и ничего не делаем, чтобы остановить людей, то мы сами становимся участниками злодеяния.

XXXVII. Мрачный Сэм

Как видите, мне, извозчичьей лошади, жилось очень хорошо, потому что мой хозяин ездил сам от себя³ и находил свою выгоду в том, чтобы его лошади пользовались порядочным уходом и не переутомлялись; кроме того, это был замечательно добрый человек. Но в совершенно иных условиях живет извозчичья лошадь, принадлежащая крупному содержанию экипажей: она попадает в руки наемного извозчика, который думает об одном: как бы выручить побольше денег в день, чтобы ему осталось что-нибудь сверх условной дневной выручки в пользу содержателя. Я мало понимал сам во всех этих делах, но слышал разговоры на нашей бирже и не раз видал, как хозяин Грей бранил извозчиков, возвращавшихся на биржу с измученными лошадьми.

Однажды подъехал к нам плохо одетый извозчик по прозвищу Мрачный Сэм. Его лошадь была совсем заморена, и на ней видны были следы тяжких побоев. Хозяин Грей нахмурился, увидав ее, и сказал извозчику:

– Тебя бы притянуть надо за то, что ты бедную лошадь так замучил.

Извозчик накинул дырявую попону на лошадь и, обернувшись к Грею, заговорил голосом, в котором слышно было

---

³ Ездить от себя – здесь: заниматься извозом на собственных, а не наемных лошадях.

отчаяние:

– Если кому-нибудь следует отвечать, так это нашим хозяевам, требующим огромных выручек, и седокам, дающим низкую цену за проезд. Заработать извозчику на хозяина восемнадцать шиллингов в день – это такая каторжная работа, которую не всякий вынесет; ведь надо еще что-нибудь отложить для себя и своей семьи. Как же тут быть? Поневоле выколачиваешь из лошади, сколько можешь, чтобы не умереть с голоду. А у меня шесть человек детей и только один старший может что-нибудь заработать. Дежуришь на бирже четырнадцать или шестнадцать часов в сутки, а уж о дне отдыха и не помышляешь. Вы знаете моего хозяина, Скиннера: он готов всегда прижать человека, и отдыха у него не жди. Не думаю, чтобы можно было больше моего работать. Мне теперь нужно бы купить себе непромокаемый плащ, но я не могу этого сделать, когда дома есть столько голодных ртов. На прошлой неделе пришлось заложить часы, – иначе нечем было бы заплатить Скиннеру. Я знаю, что должен навсегда проститься с моими часами.

Некоторые извозчики одобрительно кивали головами, слушая рассказ Сэма.

– Вы, ездящие от себя или работающие на добрых хозяев, – продолжал Сэм, – можете обращаться хорошо с лошадьми, не принося себе ущерба, но я никак не могу этого сделать. У нас есть такса. Вот сегодня я должен был далеко везти седока, – миль шесть, я думаю, пришлось сделать, – и

что же? Я не мог спросить больше трех шиллингов: обратно же пришлось ехать порожняком. То же самое случается постоянно. Прибавьте к этому тяжесть поклажи, которую то и дело возишь, – ведь господа не думают: они положат пропасть вещей в экипаж да еще и к кучеру на козлы столько же. Я не говорю, чтобы всегда было так плохо, бывают выгодные концы, но редко, а когда лошадь устанет, то волей-неволей идешь на одном кнуте. Жена и дети дороже лошади, хозяйева должны бы об этом подумать! Я не стану так, без нужды, истязать свою лошадь, – никто из вас не обвинит меня в том. Как хотите рассуждайте, но не я виноват, тут есть другая причина. Ведь ни одного дня не имеешь для себя, для отдыха, никогда не посидишь со своей семьей. Часто я чувствую себя стариком, хотя мне только сорок пять лет. Господы сами знаете, они подозревают каждого извозчика, что он хочет обмануть их, и они торгуются из-за копейки. Хотел бы я посадить одного из них на мое место; пусть бы он просидел шестнадцать часов на козлах, да еще во всякую погоду, да с условием привезти хозяину восемнадцать шиллингов в день. Если б господа поближе узнали нашу жизнь, они не торговались бы так и не забирали бы с собой столько клади. Конечно, есть тороватые, которые дают хорошо на чай, – да без этого мы не могли бы вовсе жить!

Вокруг Сэма послышалось одобрение. Кто-то сказал:

– Да, очень трудно жить, просто не под силу иной раз. Нельзя корить человека за то, что он подчас и обозлится или

выпьет.

Джери не вмешивался в разговор, но я никогда еще не видел его таким печальным.

Хозяин Грей стоял все время молча, засунув руки в карманы.

Когда Сэм перестал говорить, он вынул платок из-под шапки и обтер лоб.

– Ты побил меня, Сэм, – сказал он. – Все, что ты сказал, сушая правда. Я оттого напал на тебя, что уж очень больно защемило сердце, когда я взглянул в глаза твоей лошади. Скверно тебе, скверно и ей, говорить нечего. Как горю пособить, не знаю. Знаешь, однако, что я тебе скажу: говори хоть ласково с бедным, измученным животным. Немая тварь не хуже нас с тобой понимает доброе слово. Надо же ей чем-нибудь платить за ее страдания.

Через несколько дней после того на биржу явился незнакомый извозчик и занял место Сэма.

– Что случилось с Сэмом? – спросил кто-то.

– Он заболел и слег в постель, – отвечал новый извозчик. – Он вчера вечером едва дошел до дома. Сегодня жена его прислала их мальчика сказать, что отец не придет, лежит в сильном жару, вот я и пришел сюда вместо него.

На другое утро тот же извозчик опять пришел на биржу.

– Как здоровье Сэма? – спросил Грей.

– Не стало Сэма.

– Не может быть! Неужели он умер? Так скоро!

– Да, скончался, вот и весь сказ! В четыре часа утра помер. Вчера весь день бредил, все про хозяина своего да про воскресный отдых. «Я никогда не знал праздника» – это были его последние слова.

Наступило общее молчание. Наконец Грей сказал:

– Да, братцы, это нам с вами предостережение.

XXXVIII. Бедная Джинджер

Раз я стоял подле ворот парка в ряду других экипажей: в парке играла музыка. В это время подъехала коляска, заложённая старой гнедой лошадыю, у которой шерсть была вся взъерошена от плохого ухода и кости торчали от постоянного недоедания. Передние ноги ее подгибались, на коленях были шишки. Я ел сено, и клочок моего сена отлетел в сторону той лошади; несчастная вытянула свою длинную худую шею и подобрала его, потом глянула на меня, словно прося еще сенца. Безднадежное выражение было в тусклых глазах ее, и мне вдруг припомнилось что-то далекое, знакомое.

В ту же минуту бедная лошадь взглянула мне прямо в глаза и сказала:

– Черный Красавчик, неужели это ты?

Передо мной стояла Джинджер, но что с ней случилось! Куда девалась красивая крутая шея, прямые тонкие ноги, живое выражение блестящих глаз? Худые бока высоко подымались от тяжелого, затрудненного дыхания, к этому присоединился частый кашель. Наши возницы отошли от нас, разговаривая между собой; я воспользовался этим и подвинулся к Джинджер, которая рассказала мне свою печальную историю.

За год после того, как ее поставили на траву и на отдых в Эрльиоле, она настолько поправилась, что ее продали одному господину. На новом месте все шло хорошо, пока Джин-

джер снова не заболела вследствие слишком долгой скачки. Потом она была продана в другие руки и таким образом меняла места, постепенно переходя от хорошего к худшему.

– Наконец, я была продана содержателю большого лондонского извозчичьего двора, – рассказывала Джинджер. – Ты, я вижу, попал в хорошие руки, а что мне пришлось вытерпеть, этого я не могу тебе рассказать. Меня определили на самую черную работу, считая лошадью конченной, которую надо уж добить на последней езде. Нельзя же им потерять деньги, заплаченные за меня, надо их вытянуть из моих жил. Вот как я живу теперь изо дня в день: работаю до истощенья сил и вечно под кнутом.

– Как же ты терпишь такое обращение? – спросил я. – Ведь ты, бывало, не давала себя в обиду.

– То было раньше, – возразила Джинджер, – теперь я не могу ничего сделать. Люди сильнее, и они жестоки. Нам, лошадям, остается одно – терпеть до конца. Хоть бы скорее конец пришел! Я хочу умереть. Я видела мертвых лошадей. Я уверена, что они больше не страдают. Я бы так хотела свалиться мертвой на работе, а не попасть в конце концов к водеру!

Меня сильно огорчило повествование Джинджер. Но у меня не было слов утешения, я только дотронулся до нее головой.

XXXIX. Выборы

Раз Полли встретила нас следующими словами:

– Джери, здесь был господин В. Он интересовался, за кого ты собираешься подавать голос на выборах, и говорил, что хочет нанять твой экипаж на это время. Он зайдет за ответом.

– Ты можешь ему сказать, Полли, что я занят. Вовсе я не желаю, чтобы на моем экипаже расклеивали огромные воззвания, с которыми обращаются эти господа к избирателям. Стану я гонять моих лошадей по разным трактирам да возить полупьяных избирателей! Я счел бы это обидой для лошадей. Нет, покорно благодарю!

– Ты ведь подашь голос за господина В.? – спросила Полли. – Вы с ним, как он говорит, принадлежите к одной политической партии.

– Отчасти да, – отвечал Джери, – но все-таки я не подам за него голоса. Знаешь ли, Полли, что он занимался ростовщичеством?

– Знаю, – сказала Полли.

– Так, видишь ли, человек, сделавший состояние на таком деле, никогда не поймет истинных нужд рабочего класса. По совести, я не могу содействовать тому, чтобы законодательная власть попала в его руки. На меня, я знаю, будут злы, но каждый человек должен поступать по своей совести.

В утро перед выборами маленькая Долли вошла во двор, горько плача, платье на ней было все в грязи.

– Долли, что с тобой?

– Мальчишки на улице дразнили меня, называли маленькой замарашкой...

– Да, папа, – воскликнул Гарри, вбегая вслед за девочкой, – они ее называли замарашкой, но я за то их хорошенько проучил; больше они не станут оскорблять мою сестру! Я их крепко побил. Пусть помнят вперед. Такие противные, подлые трусы эти «малиновые»!

Джери поцеловал дочку и сказал ей:

– Беги к маме, мое сокровище. Скажи ей, что тебе сегодня лучше дома посидеть. Помогите там маме, что нужно по хозяйству.

Потом Джери очень серьезно сказал сыну:

– Защищай сестру, Гарри, и не давай ее в обиду, но помни, что я не люблю ссор из-за каких-то глупых вывесок, которые людей разделяют между собою. Никакая вывеска не может сделать человека хорошим или дурным, и я не хочу вмешивать мою семью в эти распри. Женщины и дети смотрят на эти внешние знаки и воодушевляются ненавистью к одному цвету, пристрастием к другому, меж тем как никто из них не понимает, в чем дело.

– Папа, я был уверен, что «голубые» стоят за свободу! – возражал Гарри.

– Милый мой, свобода не зависит от цвета. Цвета выду-

мали, чтобы отличать одну партию от другой. Что же касается благ, которые они будто бы обещают, то это плохие блага. Сводится все к тому, чтобы выпить на чужой счет, проехаться даром в экипаже, выбрать как хочешь человека из другой партии и кричать о чем-то, чего никто и вполтину не понимает, кричать до хрипоты.

– О, папа, ты говоришь нарочно, ты шутишь?

– Нет, Гарри, я говорю совершенно серьезно. Мне стыдно за тех людей, которые должны бы иначе понимать дело. Выборы очень серьезная вещь, – по крайней мере я рассуждаю, что так должно быть; человек обязан, подавая голос, слушаться совести и не мешать соседу поступать так же.

XL Друг на помощь

Наконец настал день выборов.

Немало работы досталось Джери и мне. Сначала мы возили толстого господина с одышкой; он велел отвезти себя на станцию железной дороги. Потом нас позвали господа, которым надо было ехать в Риджентспарк; после чего пришлось посадить в одном из переулков боязливую старушку, собиравшуюся в банк; в банке мы ждали ее, и когда отвезли ее домой, то увидали краснощекого господина со связкой бумаг, спешившего занять наш экипаж. Он только крикнул:

– Боу-стрит, в полицейский участок. Скорее!

И мы с ним помчались. Сделав еще два конца, мы вернулись к нашей бирже, где не оказалось ни одного из извозчиков. Всех разобрали нарасхват. Джери повесил мне на шею мешок с овсом и сказал:

– В такие дни, Джек, надо уж как-нибудь поесть, пока есть свободная минута.

Я принялся с удовольствием за свой овес, в который были подмешаны толченые отруби, что я очень любил. Мой добрый хозяин всегда подумает о своей лошади! Как не служить усердно такому хозяину? Пока я наслаждался овсом, он, стоя подле меня, ел пирог с мясом, который ему дала на дорогу Полли. На улицах была необыкновенная суматоха: экипажи всех сортов с разными цветами кандидатов на вывесках мча-

лись сквозь толпу народа, по-видимому, не считая жизнь людей и целостность их членов за что-нибудь важное. Двух человек, из них одну женщину, свалили с ног. Нам, лошадям, досталось в этот день, но о нас не думали те, кто сидел в экипажах. Они высовывались в окна и неистово что-то кричали, когда встречались с единомышленниками. Я раньше не видал выборов и не желал бы видеть их во второй раз.

Мы с хозяином не успели еще как следует поесть, когда на нашей улице показалась молодая женщина с довольно большим ребенком на руках. Она озиралась то и дело по сторонам и глядела растерянно. Наконец, она подошла к Джери и спросила у него, как дойти до больницы Святого Фомы, далеко ли дотуда. Она сказала, что сегодня только приехала из своего села в телеге, на которой крестьяне возят овощи и другие деревенские произведения в город на базар. Приезжая ничего не слыхала про выборы и Лондон совсем не знала. Ей дали билет для помещения больного мальчика в больницу, вот она и поехала. Ребенок плакал тихо и жалобно.

– Бедный малютка! – сказала мать. – Он так страдает. Ходить он совсем не может, хотя ему уже четыре года; но доктор сказал, что его могут поставить на ноги в больнице. Далеко ли это отсюда?

– Что вы вздумали, голубушка! – возразил Джери. – Немыслимо вам идти с тяжелым ребенком на руках так далеко и в этой толкотне. До больницы будет четыре мили.

– Дитя, правда, не легкое, – сказала молодая женщина, –

но я сильная. Если б мне дорогу узнать, – я бы, кажется, дошла. Пожалуйста, научите меня, как идти.

– Вы не можете дойти, повторяю вам, – отвечал Джери, – вас толкнут, вы можете упасть, а ребенка задавят. Слушайте меня: садитесь в мой экипаж, и я вас благополучно доставлю в больницу. Смотрите, дождь сейчас пойдет.

– Нет, благодарю вас, я не могу согласиться на ваше предложение. Мне нечем заплатить. У меня ровно столько денег, сколько мне нужно на обратный путь. Прошу вас, укажите мне дорогу в больницу.

– Вот что я вам скажу, голубушка, – настаивал Джери, – у меня дома есть жена и дети; я знаю, что такое чувство отца, а потому говорю вам: садитесь и поедemте, ничего я с вас не возьму. Мне было бы стыдно за самого себя, если б я позволил женщине с ребенком идти в такую давку так далеко.

– Да благословит вас Господь! – сказала женщина и расплакалась.

– Ну-ну, милая, полно печалиться! Мы сейчас доедем туда. Я вам помогу сесть в экипаж.

Пока он отворял дверцы, какие-то два господина с цветными лентами на шляпах и в петличках подбежали к нам и закричали:

– Извозчик, скорее вези нас!

– Занят, – отвечал Джери.

Но они, не слушая его, вошли в коляску.

Джери посмотрел на них со строгим видом.

– Я сказал вам, господа, что экипаж занят вон той дамой.

– Вот так дама! – воскликнул один из непрошенных седоков. – Она может подождать, а у нас важное дело. Впрочем, толковать нечего: мы первые сели, значит, за нами экипаж, и мы не выйдем.

– Как угодно, я подожду, пока вы захотите выйти, господа. Извольте отдохнуть.

С этими словами Джери лукаво усмехнулся, затворил дверцы и отошел от экипажа. Подойдя к молодой женщине, он сказал ей, смеясь:

– Не беспокойтесь, они скоро уйдут.

И действительно, они скоро ушли, убедившись, что Джери серьезно решил не везти их. Но, выходя из экипажа, они наградили его очень грубой бранью, посмотрели номер и пригрозили ему участком.

После этой задержки мы поспешили боковыми улицами к больнице. Джери позвонил у главного подъезда и помог молодой женщине сойти.

– Тысячу раз благодарю вас, – сказала она. – Я никогда не добралась бы сюда одна.

– Очень рад, и дай бог малютке поправиться, – отвечал Джери.

Потом он потрепал меня ласково по шее, что было всегда доказательством его отличного настроения.

Дождь усилился тем временем. Мы только что стали отъезжать от крыльца больницы, как кто-то крикнул:

– Извозчик!

Мы остановились: по лестнице спускалась дама. Она откинула вуаль, и Джери тотчас узнал в ней госпожу, давно знавшую его жену.

– Баркер, – обратилась она к нему, – это вы? Я рада, что встретила вас. Мне как раз нужен добрый человек, который довез бы меня на станцию Паддингтон. В этой стороне совсем нет извозчиков.

– Почту за большую честь, сударыня, служить вам, – отвечал Джери. – Как я рад, что случилось мне быть здесь в то самое время, когда вам нужен извозчик!

– А пока мы едем, – времени у нас довольно, и спешить нечего, – вы мне расскажете про Полли и детей, – сказала госпожа.

Мы приехали рано на железную дорогу. Госпожа, которая оказалась прежней хозяйкой Полли, стояла еще некоторое время под крышей подъезда и разговаривала с Джери.

– Как вы переносите езду зимой? – спросила она между прочим у Джери. – Полли говорила мне, что она в прошлом году беспокоилась за ваше здоровье.

– Да, сударыня, потому что у меня был скверный кашель, затянувшийся до теплой погоды. Когда я поздно возвращаюсь домой, жена всегда беспокоится за меня. Наша служба такая, что нельзя разбирать погоду и время, и, конечно, это тяжело отзывается на здоровье. Но, благодаря Богу, живем помаленьку. Если б мне пришлось расстаться с моими ло-

шадками, я бы затосковал. Уж с детства привычка есть к этому делу. Вряд ли я мог бы успешно взяться за другое.

– Все это так, Баркер, но рисковать здоровьем нельзя; особенно вам нельзя, ради жены и детей. Бывают хорошие частные места кучеров и конюхов. Если вы когда-нибудь задумаете бросить извозчицье ремесло, дайте мне знать.

Госпожа велела Джери поцеловать от нее жену и детей, потом сунула ему что-то в руку, говоря:

– Вот тут по пяти шиллингов на ребят. Полли сумеет ими распорядиться.

Джери казался очень довольным и горячо поблагодарил ее.

Наконец мы поехали домой, чему я был очень рад, потому что сильно устал за день.

XLI. Старый Капитан и его преемник

Я жил очень дружно с Капитаном. Это была славная лошадь и товарищ отличный. Мне никогда не приходило в голову, что Капитан нас покинет; но с ним случилась беда, и нам пришлось с ним расстаться.

Я не видал сам, как случилось несчастье, но при мне про него рассказывали.

Раз Джери с Капитаном отвозили каких-то господ на центральный вокзал за Лондонским мостом. Возвращаясь оттуда, Джери увидал недалеко от памятника ломового извозчика, который гнал свою пару, не разбирая ничего впереди себя. Он повалил девушку и, прежде чем Джери успел свернуть в сторону, ринулся на него и опрокинул экипаж. Джери слетел с козел, но отделался только небольшим ушибом. Зато бедный Капитан серьезно пострадал. Лошади ломового смяли его, причем сломанным дышлом ему пробило бок. Когда его подняли, кровь текла из раны на его белую шерсть; весь он был разбит и едва держался на ногах. Джери повел его тихонько домой. Хозяин ломового, пивовар, должен был заплатить за убытки, понесенные Джери; но бедному Капитану никто не мог воздать за то зло, которое ему сделали.

Джери с ветеринаром испробовали все средства, чтобы облегчить его страдания.

Пока экипаж чинили, езды не было, и я отдыхал, что, ко-

нечно, было очень убыточно нашему хозяину.

Когда мы, наконец, опять выехали на биржу, хозяин Грей подошел, чтобы узнать о здоровье Капитана.

– Он не поправится, – отвечал Джери, – во всяком случае, мне он больше не может служить. Ветеринар сказал мне сегодня, что он будет еще, пожалуй, годен для возов, вообще для простой работы, но ведь я знаю, каково приходится лошади жить в лондонском ломовом деле. Хуже быть не может. Ох уж это пьянство! Сколько оно зла творит самим людям, да еще сколько калечит несчастных животных! Говорят о вознаграждении, – какое вознаграждение может мне заменить старого друга, каким была моя добрая лошадь? Не говорю о всех хлопотах, а ее-то мне ничто не вернет. Нет худшего врага человечества, чем водка!

– Послушай-ка, Джери, ты в мой огород попадаешь, – заметил Грей. – Я не такой хороший человек, как ты, и хотел бы сделаться таким, да трудно очень.

– Зачем же вы, хозяин, не бросите пить? – сказал Джери. – Вам совсем не пристало это, вы такой славный.

– Что делать, Джери, такой уж я дурак. Пробовал я раз отвыкнуть от этого зелья, да за два дня истосковался так, думал, умру. Как ты отвык, ведь ты тоже раньше пил?

– Да, пил, хотя никогда не был пьяницей. Но я понял, что могу им сделаться, если сразу не возьму себя в руки, и принялся отвыкать. Сперва было трудно. Так, бывало, защемит под ложечкой, что, казалось, никак не удержишься. Но я ска-

зал себе: «Джери Баркер, дело пошло на борьбу между искусителем и тобой. Или ты должен его сразить, или он тебя оседлает, и тогда уже спасения не будет». И я одолел врага, с помощью Бога и людей. Полли старалась приготовить мне повкуснее обед, покупала мятных лепешек или наливала мне стакан хорошего кофе. Вот напьешься кофе и засядешь за книгу, оно и отляжет понемногу, душа окрепнет, а там, глядишь, и совсем легко. Часто я повторял себе: «Брось пить, или же загуби душу; брось, или же разбей сердце Полли». Слава богу, благодарение милой жене и детям, теперь я здоровый человек! Вот уж лет десять, как я водки в рот не беру.

– Я думаю, что опять попробую отвыкнуть, – сказал Грей. – Право, стыдно не владеть самим собой.

– Сделайте это, хозяин Грей, уверяю вас, что не раскаетесь. А ваш пример сильно подействует на наших слабых товарищей. Я знаю двух или трех из них, которые охотно перестали бы ходить в трактир.

Бедный Капитан стал как будто поправляться, но он был уж очень стар и до сих пор держался только благодаря хорошему уходу Джери. После своего несчастья он не мог вернуть прежнюю силу. Вскоре надо было бросить всякую надежду на его выздоровление. Ветеринар, правда, говорил, что он может еще настолько поправиться, что его, пожалуй, купят по дешевке. Но Джери не хотел слышать об этом. Он говорил, что продавать Капитана на верное мучение он ни за что не согласится; эти деньги будут жечь ему руки. Лучше пулей

положить быстрый и не очень болезненный конец мучениям бедной старой лошади. Джери не верил в то, что можно найти доброго хозяина, который даст Капитану покойно дожить последние дни.

В тот день, когда решено было избавить Капитана раз и навсегда от всех мытарств жизни, Гарри отвел меня с утра к кузнецу подковать. Вернувшись домой, я больше не нашел своего старого товарища в конюшне.

И я, и вся семья извозчика много горевали о кончине нашего славного Капитана.

Джери должен был подыскивать новую лошадь. Вскоре он услышал от знакомого, служившего у одного графа, что есть подходящая лошадь. Лошадь эта была дорогая, но она как-то понесла, налетела на другой экипаж, выбросила графа и так изуродовала себя, что не годилась больше для барской конюшни. Ее хотели поскорее сбыть.

– Я не боюсь, что она горячая, – сказал Джери, – если рот у лошади не испорчен, это ничего не значит.

– Нет, у нее нет никакого порока, – сказал человек, который вел переговоры с Джери. – То, что с ней случилось, произошло оттого, что она долго не была в езде, набралась избытка сил и игривости, а когда ее взнуздали строгой уздой, это взбесило ее, именно потому, что она очень чутка ртом.

– Да, это возможно, – заметил Джери. – Я приду, посмотрю лошадь.

На другой день к нам привели Огонька, так звали моего

нового товарища. Это был статный гнедой конь без малейшей подпалины, с очень красивой головой. Ему было только пять лет. Я с ним дружелюбно поздоровался, но не спрашивал у него ничего.

Первую ночь Огонек провел очень беспокойно; вместо того чтобы улечься, он все дергал недоуздок, гремя кольцом, и не дал мне вовсе спать. Но на другой день, проездив часов пять-шесть, он вернулся много смирнее и показался мне совсем добронравным. Джери ласкал его и много с ним разговаривал. Они, казалось, отлично поняли друг друга. Джери говорили, что на свободной узде и с достаточной работой Огонек будет со временем смирен как ягненок. Выходило, что извозчик сделал выгодную покупку.

Конечно, Огонек сначала считал себя очень обиженным, что он попал на скромное место извозчичьей лошади; но скоро он признался мне, что свободная езда у простого извозчика, пожалуй, гораздо лучше, чем строгая господская упряжка, где голова у лошади подтянута кверху, а хвост поднят к самой седелке.

В конце концов Огонек отлично прижился на новом месте, и Джери очень его полюбил.

XLII. Новый году Джери

Рождественские и новогодние праздники – веселое время для некоторых людей, но не для извозчиков и их лошадей. Балы, театры, вечера манят досужих людей на радость и веселье, а извозчики в это время должны, несмотря на холод и всякую непогоду, просиживать долгие часы, ожидая веселящихся седоков, между тем как у лошадей коченеют ноги от холода.

На мою долю выпала вся вечерняя служба, потому что я привык долго смирно стоять, к тому же Джери боялся, что Огонек простудится.

Накануне Нового года мы должны были везти двух господ на вечер в один дом в Вест-Энде. Мы привезли их туда в девять часов, и нам приказано было приехать сюда опять к одиннадцати часам.

– Может быть, вам придется постоять, потому что вечер карточный, – сказал один из седоков, – но, пожалуйста, все-таки не опоздайте.

Мы стояли у подъезда, когда на часах било одиннадцать, – Джери был очень аккуратный человек.

Башенные часы били четверти. Они пробили все три четверти после одиннадцати, а мы все еще ждали седоков.

Весь день дул сильный ветер, нагонявший ливни, а к вечеру похолодало и сделалась изморозь с холодным, прони-

зывающим ветром. Укрыться было некуда. Джери сошел с козел, натянул мою попону ближе к шее, а сам стал ходить взад и вперед, топая ногами, чтобы разогреть их. Он и руками хлопал, но вскоре у него начался кашель. Тогда он отворил дверцы и присел на пол коляски, так что часть его тела была защищена от ветра. А часы продолжали бить четверти, и никто не показывался на подъезде.

В половине первого Джери позвонил и спросил у слуги, нужен ли он или ему можно уехать.

– О да, конечно, нужны, – отвечал слуга, – теперь вечер скоро кончится!

Джери вернулся к своему месту, но он так охрип за это время, что я едва мог слышать его голос.

В четверть второго ночи господа наконец вышли и велели ехать куда-то мили за две от того места, где мы были. Ноги у меня так застыли, что я чуть не споткнулся. Когда мы довезли господ, они и не подумали извиниться перед Джери за то, что так задержали его, а напротив того, рассердились за лишнюю плату, потребованную извозчиком, хотя Джери был самый добросовестный человек и никогда лишнего не спрашивал. Им пришлось, однако, расплатиться по совести, потому что Джери не уступал своего, как и не требовал того, чего не следовало. Деньги эти были заработаны тяжелым трудом.

Наконец мы вернулись домой. Джери не мог совсем говорить. У него начался страшный кашель.

Полли встретила его молча и только светила нам.

– Не могу ли я помочь тебе? – спросила она.

– Да, принеси чего-нибудь поесть теплого Джеку, а мне приготовь горячей похлебки.

Джери проговорил эти слова хриплым шепотом. Дышать ему было трудно; но он, несмотря на это, потер меня щетками, как всегда, и слезил еще на сеновал, чтобы подстелить мне свежей соломы.

Полли принесла мне теплого пойла, и мне стало совсем хорошо. Они затворили двери конюшни и удалились.

На другое утро, уже довольно поздно, Гарри пришел в конюшню. Он почистил нас, задал нам корму, вымел стойла и опять постелил соломы, как в дни отдыха. Он делал все молча, с серьезным и грустным лицом.

В полдень он снова пришел накормить и напоить нас. Долли была тоже с ним; она плакала, и я узнал из их разговора, что Джери серьезно заболел и что доктор находит его положение опасным.

Так прошло два дня. В доме было горе. Мы видели только Гарри и Долли. Полли не отходила от своего мужа.

На третий день, в то время как Гарри был у нас в конюшне, кто-то постучался в дверь.

Это был старый Грей Грант.

– Я не хотел идти к вам в дом, мой милый, чтобы не беспокоить больного, – сказал он Гарри. – Я зашел узнать о здоровье отца.

– Ему очень плохо, – отвечал Гарри, – кажется, хуже и быть не может. Доктор сказал, что у него воспаление легких, и он ожидает перемены сегодня к ночи. Или пойдет на улучшение, или будет хуже.

– Плохо! Плохо, – сказал Грант, качая головой. – На прошлой неделе умерло двое моих знакомых от этой болезни. Быстро она скручивает больных. Впрочем, пока жив человек, жива и надежда. Не унывай, мой милый.

– Доктор говорил, что отцу легче перенести болезнь, нежели другому, – сказал Гарри, – потому что он водки не пьет. Вчера у отца был такой сильный жар, что он бы не вынес его, если б он был человек пьющий. Доктор сказал, что жар сжег бы его, как лист писчей бумаги. Мне кажется, что отец выздоровеет. А вы как думаете, господин Грант?

Грант колебался, не зная, что сказать.

– Если хорошим людям надо на свете жить, – наконец произнес он, – то я уверен, милый мальчик, что твой отец поправится. Я не знаю человека лучше его. До свидания, завтра я опять зайду.

Он явился рано утром.

– Ну, что? – спросил он.

– Отцу лучше, – сказал Гарри. – Мать надеется теперь, что он выздоровеет.

– Слава Богу! – сказал Грант. – Главное, держите его в тепле и не давайте ему ни о чем думать и заботиться. Вот, кстати, что я хотел предложить твоей матери: Джеку на поль-

зу отдых от езды; ты можешь проводить его по улице для разминки ног, и этого будет довольно. Но молодая лошадь, если застоится, то с ней потом не сладить; того и гляди, еще беды наделает.

– Ваша правда, – сказал Гарри. – Огонек и теперь уже шалит, несмотря на то что я сильно сбавил ему овса. Я уж не знаю, что мне с ним делать.

– Вот то-то! – ответил Грант. – Скажи от меня матери, что, если она согласна, я буду, пока у вас дела не наладятся, брать Огонька каждый день на несколько часов работы, а выручку буду делить с вами. Таким образом окупится хоть корм лошадей, а то они вас разорят овсом за это время безработицы. Я зайду завтра днем узнать, что скажет на это твоя мать.

С этими словами он вышел, не слушая благодарности Гарри.

Верно, он договорился с Полли, так как на другой день он и Гарри пришли в конюшню, надели сбрую на Огонька и увели его.

Больше недели Грант приходил за Огоньком. В ответ на благодарность Гарри он всегда, смеясь, отвечал, что Огонек – его счастье, потому что иначе нельзя было бы никогда отдохнуть его собственным лошадям.

Выздоровление Джери подвигалось, хотя и медленно; но доктор объявил, что если он хочет дожить до старости, то должен бросить навсегда извозничье дело. Дети часто рассуждали между собою, делая разные предположения о том,

что теперь станут делать их родители и как бы им, детям, придумать средство тоже зарабатывать.

Раз Огонек вернулся весь в грязи и мокрый.

Грант сказал Гарри:

– На улицах непроходимая слякоть. Вот тебе работы на долго, мой милый. Согреешься, пока будешь чистить лошаадь.

– Хорошо, – отвечал Гарри, – я не оставляю ее нечищенной. Я с малых лет приучен к нашему делу.

– Да, кабы все мальчишки получали такое воспитание, как ты, то это было бы счастье для них.

Гарри принялся мыть и чесать Огонька; в это время к нам вошла Долли, и по лицу ее можно было судить, что она пришла с интересными новостями.

– Гарри, кто живет в Ферстоу? – спросила она. – Мама получила оттуда письмо, которому она так обрадовалась, что побежала с ним к отцу наверх.

– Там живет госпожа Фаулер, – отвечал Гарри. – Знаешь, это бывшая мамина хозяйка, которую отец встретил прошлым летом. Она еще прислала нам с тобою по пяти шиллингов.

– Ах, помню, помню! Хотела бы я знать, что она пишет маме.

– Мама писала ей на прошлой неделе, – сказал Гарри. – Госпожа Фаулер говорила тогда, чтобы ее известили в случае, если отец захочет бросить извозчичье дело. Долли, сбе-

гай в дом, узнай, что она пишет.

Гарри продолжал водить скребницей по шерсти Огонька; он делал это так ловко, как настоящий конюх.

Через несколько минут Долли прибежала в конюшню; она прыгала от радости.

– Гарри, – заговорила она, – послушай, какая прелесть! Госпожа Фаулер предлагает нам сейчас же переехать в деревню. Поблизости от нее есть свободный дом с садом, с курятником, с яблонями, – ну со всем, со всем, что можно вообразить хорошего! Весной увольняется ее кучер, и она предлагает отцу его место. Кругом есть много помещиков, где ты можешь служить помощником садовника, или в конюхах, или в доме. А для меня там есть хорошая школа. Мама так рада, что она и смеется, и плачет, и папа очень доволен.

– Да, это чудесно, – сказал Гарри. – Самое подходящее дело для отца с матерью. Только я не хочу служить в доме и надевать ливрею со светлыми пуговицами. Я лучше буду работать в саду или при конюшне.

Решено было, что как только здоровье Джери поправится, так вся семья переберется на жительство в деревню, а экипаж и лошадей продадут.

Плохая весть для меня! Я был уже немолод и не мог ожидать чего-нибудь лучшего в своей судьбе. Нигде, со времен Бертвика, я не чувствовал себя таким счастливым, как у моего доброго хозяина Джери. Но все-таки три года извозчицкой езды сказались на моем здоровье. Я был уже не тот, что

прежде.

Грант тотчас объявил, что он покупает Огонька. Другие извозчики с нашей биржи предлагали купить меня, но Джери не захотел оставить меня в трудной извозчичьей езде. Грант обещал приискать мне место, где мне будет покойно жить.

Наконец пришел и день расставания. Джери не выходил еще из комнаты, так что я не видал его с кануна нового года. Полли и дети простились со мной в конюшне.

– Милый Джек, добрый старый Джек, – говорила Полли, – как бы я хотела взять тебя с нами в деревню!

Она погладила мою гриву и, наклонившись близко, поцеловала мою шею. Долли тоже целовала меня и плакала, Гарри молча гладил меня; видно было, что ему очень грустно расставаться со мной. А мне-то как больно было покидать их!

XLIII. Яков и барышня

Меня продали одному хлебному торговцу, имевшему свою булочную. Джери знал его; он надеялся на то, что меня здесь будут хорошо кормить и не загоняют ездой. Действительно, я не мог пожаловаться на корм на моем новом месте, и если б хозяин чаще бывал у нас, то меня и работой не мучили бы; но его приказчик не давал никому покоя. Бывало, стоит воз совсем уж нагруженный, а он торопит людей, приказывает еще чего-нибудь наложить.

Возчик Яков, ездивший со мной, часто говорил ему, что нельзя больше наваливать клади, что я не свезу.

– Не стоит два конца делать, – возражал приказчик, – когда можно все в один раз поднять.

Яков, по примеру других возниц, ездил на строгой узде, что мешало мне тащить воз. Через два-три месяца моя тяжелая работа стала на мне отзываться.

Случилось мне раз везти особенно грузный воз, и часть дороги шла вверх по крутому подъему. Я то и дело останавливался, так как был не в силах идти далее. Мой возница не одобрял этого и беспрестанно хлестал меня кнутом.

– Ну, двигайся, лентяй, – приговаривал он, – или я тебя заставлю идти!

Я взялся снова за воз и протащил его несколько шагов, но должен был остановиться; тогда кнут заработал с новой си-

лой; я налег изо всех сил. Признаться, обида была мне чувствительнее боли; я знал, что стараюсь сделать все, что могу, а меня неизвестно за что били. Последние силы пропадали от огорчения.

В то время как возница стал меня в третий раз бить кнутом, к нам подошла барышня и проговорила нежным, умоляющим голосом:

– Зачем вы так мучаете лошадь? Я уверена, что она не может больше везти этот воз. Смотрите, какая круча!

– Что делать, сударыня, – отвечал Яков. – Пусть хоть из кожи лезет вон, а необходимо вывезти воз.

– Разве он не слишком тяжел для одной лошади? – спросила барышня.

– Так-то оно так! Я говорил приказчику, что лишнее накладывают, да ему все равно, хоть еще двадцать пудов прибавит; мое дело слушаться, что он велит делать.

Он поднял кнут, но барышня остановила его.

– Постойте, пожалуйста, погодите! – сказала она. – Кажется, я сумею вам помочь.

Яков рассмеялся.

– Вы с вашей строгой уздой, подтягивающей голову лошади, мешаете ей напрягать свои силы. Я уверена, что, если вы снимете эту противную узду, лошадь пойдет лучше. Попробуйте, послушайте меня, – заключила она убедительно. – Я была бы вам так благодарна!

– Что ж, для барышни отчего и не попробовать, – сказал

возница с усмешкой. – Насколько же прикажете опустить голову, сударыня? – спросил он.

– Снимите эту вторую узду совсем.

С меня сняли узду, и я, на радостях, опустил голову до самой земли. Какое блаженство! Я несколько раз поднимал и опускал голову, чтобы размять шею.

– Бедный, вот что тебе нужно было! – сказала девушка, глядя меня и трепля по шее рукой. – Теперь попробуйте ласковым словом ободрить его, – обратилась она к вознице. – Я уверена, что дело пойдет лучше.

Яков взялся за вожжи.

– Ну, вперед, Черныш! – сказал он мне.

Я склонил голову и налег изо всей силы на хомут. Воз двинулся, я, не останавливаясь, втащил его на гору и только там стал переводить дух.

Барышня шла за нами. Она подошла, когда я остановился, и опять погладила меня. Давно уж я не видал такой ласки.

– Вот видите, – сказала барышня вознице, – он добрый конь; как вы отпустили ему голову, он сделал все, что мог. Лошадь хорошая; вижу, что она знавала лучшие дни. Не давайте больше этой узды.

– Ваша правда, сударыня. Лошадь пошла легче, как сняли двойную узду. Я буду помнить вперед. Но ведь не могу я один идти против всех. Все ездят на таких уздах.

– Нечего глядеть на то, что делают все, – продолжала барышня. – Лучше поступать хорошо по-своему, нежели дур-

но по безрассудному обычаю. К тому же теперь многие, даже из господ, бросают эту глупую моду. Наши каретные лошади вот уж пятнадцать лет ходят в свободной упряжке и лучше служат нам вследствие этого. Кроме того, и это всего важнее, – прибавила она серьезно, – мы не имеем права истязать немую божью тварь. Они, немые животные, не могут рассказать нам о своих страданиях, но они могут страдать так же, как и люди. Однако я не стану вас долее задерживать. Благодарю вас, что послушались моего совета. Я уверена, что вы им и впредь воспользуетесь с выгодой для себя. Прощайте!

С этими словами она удалилась легкой поступью, и я больше не видал ее.

– Вот настоящая барышня! – рассуждал сам с собою Яков. – Вежливая какая, разговаривала со мной, как с господином. И она говорила совершенную правду. Я буду помнить ее слова, во всяком случае на подъемах.

Справедливость заставляет меня заявить, что он исполнил свое обещание. Но тяжелые возы не переводились у нас. Лошадь может вынести многое, всего же хуже для нее – постоянно возить кладь выше своих сил.

Я кончил тем, что изнемог совсем, и на мое место купили новую лошадь. Скажу, кстати, еще об одном неудобстве, которое заставляло меня страдать у хлебного торговца. Конюшня у нас была плохо освещена. В ней было одно маленькое окно в конце ее, так что в стойлах было почти темно.

Кроме того, что это удручало меня, мои глаза стали сла-

бее от резкого перехода из темноты на свет. Несколько раз я спотыкался на пороге конюшни и не знал, куда иду.

Если б я дольше остался на этом месте, кончилось бы тем, что я стал бы близоруким на всю оставшуюся жизнь, а это для лошади величайшее несчастье, так как я слышал, что легче править совсем слепой лошастью, нежели близорукой. Близорукость делает лошадь очень пугливой. Но хлебный торговец меня вовремя перепродал, не причинив еще моим глазам непоправимого зла. Теперь я попал к крупному содержанию наемных экипажей.

XLIV. Тяжелые времена

Я никогда не забуду моего нового хозяина. У него были черные глаза, нос крючком, рот, полный зубов, как у бульдога, и голос такой резкий, что он напоминал собою скрип телеги, едущей по песчанику.

Много я уже повидал на свете, но могу сказать, что до сих пор не знал всех горьких испытаний, которым подвержена извозчичья лошадь.

Моего хозяина звали Скиннер. Кажется, это был тот самый Скиннер, у которого когда-то жил и мучился мрачный Сэм.

Скиннер держал неважные экипажи и кучеров еще хуже того. Он вытягивал из них все, что мог, а они то же самое делали с несчастными лошадьми.

На этом месте я не видал отдыха; тут никто не знал воскресной передышки.

Часто в праздник какое-нибудь веселящееся общество приходило с утра и нанимало экипаж на весь день. Четверо садились внутри коляски, пятый – на козлы рядом с кучером, и мне приходилось везти их миль за десять, за пятнадцать в деревню и назад тем же порядком. Никто из них не думал, как тяжело мне тащить столько народу, когда попадались подъемы; никогда ни один из них не догадался сойти на горе. В жаркие дни я бывал настолько измучен, что

не дотрагивался до овса. Сколько раз я вспоминал с грустью мои воскресные дни у доброго Джери, когда он кормил нас в летнее время похлебкой из отрубей с содой! Как освежала нас эта еда! Здесь же вместо отдыха и прохладительной пищи я переносил злобу кучера, не уступавшего своему хозяину в жестокости. Я все терпел и старался работать как можно лучше, ни от чего не уклонялся, помня, что говорила Джинджер, – что люди сильнее нас...

Жизнь стала такой невыносимой, что часто мне хотелось умереть на месте; и правда, однажды чуть не исполнилось мое желание.

Мы выезжали на биржу к восьми часам. Раз, когда мы уже сделали два хороших конца, нам пришлось отвезти седоков на железную дорогу. Там ожидался поезд, поэтому мой возница стал в ряду других извозчиков в ожидании обратных седоков. Поезд пришел большой; скоро всех извозчиков разобрали. Нас кликнула какая-то семья, состоявшая из четырех человек: шумного господина, дамы, маленького мальчика и молодой девушки. У них была целая куча вещей. Дама с мальчиком сели в коляску; господин хлопотал около клади, а девушка подошла ко мне.

– Папа, – сказала она, – я уверена, что этой бедной лошади не под силу везти нас и все наши вещи. Посмотри, какая она худая, заморенная!

– Не беспокойтесь, сударыня, – сказал извозчик, – лошадь сильная, вывезет.

Между тем носильщик, попробовав поднять один или два сундука, тоже предложил господину взять второго извозчика.

– Да говорите толком: может ваша лошадь свезти нас и нашу кладь? – спросил сердитый барин.

– Конечно, может, сударь! – отвечал мой возница. – Пожалуйте сундуки и ящики. Носильщик, помогите.

Я почувствовал, как нагнулись рессоры под тяжестью клади.

– Папа, прошу тебя, возьми другого извозчика, – просила молодая девушка.

– Глупости, Грэс, садись скорее и не делай глупостей. На что это было бы похоже, если бы седоки должны были рассматривать извозчицких лошадей? Ведь извозчик лучше знает свою лошадь. Молчи и полезай в коляску.

Моя защитница должна была повиноваться. Наконец все было уложено, и мы тронулись в путь, причем мой кучер, по своему обыкновению, наградил меня ударом кнута.

Я с утра ничего не ел; везти тяжело нагруженный экипаж было очень трудно, но я все-таки постарался изо всех сил.

До Ладгейт-хилл мы добрались довольно благополучно, но дальше я не вынес тяжести и усталости. Не помню ясно, как это случилось, но вдруг мне показалось, что ноги мои куда-то исчезли, и я грохнулся на землю.

Удар был так силен, что мне показалось, будто я умираю. Я лежал совершенно неподвижно. Смерть, казалось, прибли-

жается ко мне. Смутно доносился до меня гул голосов, что-то сердито кричавших, но все было похоже на сон. Кажется, я расслышал милый голосок девушки, говорившей: «Бедная, бедная лошадь! Это мы виноваты!» Кто-то освободил меня от давившего хомута и подпруги, и кто-то сказал: «Лошадь пропала; она больше не встанет». Полицейский отдавал приказания. Я не мог даже глаз открыть, только с трудом изредка вздыхал. Мне вылили холодной воды на голову и чего-то влили в рот, а потом накрыли одеялом. Не знаю, долго ли я так лежал, пока, наконец, почувствовал, что возвращаюсь к жизни. Какой-то человек с добрым голосом ласкал меня и уговаривал подняться. Мне влили еще раз какой-то жидкости в рот, после чего я постарался встать. Кое-как мне удалось удержаться на ногах, тогда меня потихоньку отвели в ближайшую конюшню.

Меня поставили в хорошее стойло с мягкой подстилкой и дали теплого пойла, которого я поел с благодарностью.

К вечеру я настолько оправился, что меня можно было отвести в нашу конюшню. Там сделали все возможное, чтобы устроить меня покойно.

На другое утро хозяин Скиннер привел ветеринара.

– Это от переутомления, – сказал ветеринар, – болезни нет никакой. Если бы вы дали лошади отдохнуть месяцев шесть где-нибудь на траве, она могла бы еще служить вам, но сейчас в ней не осталось ни капли силы.

– В таком случае пусть убирается к собакам, – произнес

Скиннер. – У меня нет имений с лугами, на которых могли бы пастись негодные лошади. В моем деле такие прихоти неуместны. У меня правило: держать лошадь, пока можно от нее получать выгоду, а когда она перестает работать, я ее продаю живодеру.

– Если б эта лошадь была запаленная или ноги бы у нее были попорчены, лучше всего было бы ее убить, – возразил ветеринар, – но она еще вполне здорова. Я слышал об одной распродаже лошадей, назначенной через десять дней. Если вы ее в течение этого времени будете хорошо кормить и дадите ей совершенный отдых, она может еще вернуть вам ваши деньги. Конечно, она стоит дороже, чем вам дадут за шкуру.

Меня потихоньку отвели в ближайшую конюшню.

Скиннер послушался совета ветеринара, хотя не очень охотно. Он велел меня хорошо кормить и ходить за мной; конюх, по счастью для меня, отнесся ко мне с большим участием, нежели сам хозяин.

В продолжение десяти дней я отдыхал в хорошо убранном стойле, получал овса вволю, сена, похлебку из отрубей и льняные жмыхи. Это блюдо мне нравилось больше всего и с другим кормом восстановило мои силы так, что я стал находить жизнь недурною и вовсе не желал отправиться собакам в пищу.

На двенадцатый день после случившегося со мной несчастья меня повели на лошадиную распродажу, за несколько

миль за город. Мне казалось, что всякое новое место будет лучше моего теперешнего, и я бодро выступал, надеясь на все хорошее.

XLV. Фермер Гуд и его внук Вилли

На площади, куда меня привели, столпились всякие плохие лошади: хромые, запаленные, старые.

И покупатели, приходившие смотреть их, были не лучше товара. Между ними находились старики, старавшиеся купить за несколько фунтов стерлингов такую лошадку, которая могла бы таскать тележку с углем или с дровами. Приходили также продавать какую-нибудь несчастную клячонку, чтобы не отдавать ее живодеру.

Но не все люди были так бедны и дряхлы. Я увидел таких, которым, несмотря на их скромный деревенский вид, я бы согласился с удовольствием служить до последней капли крови: это были тоже бедняки, но лица и голоса их внушали мне полное доверие. Один старичок несколько раз возвращался в мою сторону; видно было, что я ему понравился, но в конце концов он решил, что для него я не довольно сильная лошадь.

Сколько тревог я пережил за этот день! Наконец я увидел идущего ко мне господина, похожего на состоятельного фермера; подле него шел мальчик. Фермер, широкоплечий человек с добрым загорелым лицом, был в широкополой шляпе. Когда он подошел к кучке лошадей, среди которых я стоял, я заметил жалость в его глазах в то время, как он глядел на моих замороженных, искалеченных товарищей. На мне он

остановил пристальный взгляд; я знал, что грива и хвост у меня еще красивы и придают мне довольно привлекательный вид. Я насторожил уши и смотрел на фермера во все глаза.

– Посмотри, Вилли, – сказал он мальчику, – эта лошадь видела лучшие дни.

– Бедный старина! – сказал мальчик. – Дедушка, как ты думаешь, он был когда-нибудь каретной лошастью?

– О да, мой милый! – отвечал фермер, осматривая меня со всех сторон. – Посмотри, какие у него уши и ноздри, какая шея, какие плечи! Это очень породистая лошадь.

Он ласково погладил меня. В ответ на его нежность я протянул к нему морду. Мальчик тоже стал меня ласкать.

– Бедный, как он понимает ласку, дедушка! – воскликнул мальчик. – Отчего ты не купишь его? Ты мог бы откормить его и поставить на ноги, как, помнишь, ты выхолил Лэдибэрд?

– Милый мальчик, Лэдибэрд была моложе, она была только загнана. К тому же я не могу каждой лошади вернуть здоровье и молодость.

– Знаешь, дедушка, и эта лошадь не совсем старая, я уверен. Взгляни на ее гриву и на хвост. Осмотри ей рот, тогда ты узнаешь ее возраст. Она, правда, очень худа, но глаза у нее не ввалились, как у очень старых лошадей.

Старый фермер рассмеялся.

– Да ты, брат, такой же будешь лошадиник, как дедушка, – сказал он.

– Дедушка, да посмотри же зубы этой лошади и спроси цену. Я уверен, что она помолодеет на наших лугах.

– Мальчик-то толк в лошадях понимает, – вставил свое слово человек, который привел меня на базар. – Конь хороший, и доктор ихний так говорит, загнали его только на извозничьей езде. Доктор сказал, что в шесть месяцев можно лошадь выходить; грудь и ноги здоровые. Я ходил за ней последнюю неделю и должен сказать, что никогда не видал лошади добрее и приятнее. За нее стоит отдать пять фунтов стерлингов. Она отлично выходится на траве. Право, готов поручиться, что к весне можно будет за нее взять двадцать фунтов.

Старый фермер засмеялся, а мальчик стал горячо просить своего деда.

– Дедушка, ты не станешь беднее, если купишь эту лошадку, – говорил он. – Ты сам говорил, что последнего жеребенка хорошо продал и выручил на нем пять фунтов, – как раз то, что просят за лошадь.

Фермер ощупал мои ноги; жилы в них были натянуты и припухли. Потом он осмотрел рот.

– Тринадцать или четырнадцать лет? – спросил он. – Ну-ка проведите лошадь.

Я вытянул свою несчастную тонкую шею, приподнял хвост и старался придать, сколько мог, гибкости одеревеневшим ногам.

– Какая ваша последняя цена? – спросил фермер, когда

меня привели на место.

– Пять фунтов. Хозяин не велел брать меньше.

– Прямой обман, – сказал старый господин, качая головой; но при этом он вынул кошелек с деньгами.

– Есть у вас тут еще какое-нибудь дело? – спросил он конюха, отсчитывая ему требуемые деньги.

– Нет, сударь, – отвечал конюх. – Я могу довести вам лошадь до вашей гостиницы.

– Пожалуйста, ступайте за мной.

Мои покупатели пошли вперед, а меня повели сзади. Мальчик не мог скрыть своей радости, а старик, видно, был доволен, что сделал удовольствие внуку. Меня хорошо накормили в гостинице, после чего на мне поехал шагом слуга нового хозяина. Когда я прибыл на место, меня поставили под навесом на большом лугу. Господин Гуд, так звали моего хозяина, приказал давать мне овса и сена утром и вечером, а днем выпускать на траву.

– А ты, Вилли, – сказал он внуку, – присматривай за нашей новой лошастью. Я отдаю ее на твое попечение.

Мальчик гордился доверием деда и очень серьезно исполнял возложенную на него обязанность. Не проходило дня, чтобы он не посетил меня и не принес мне какого-нибудь лакомства вроде моркови. Он стоял подле меня, смотрел, как я ел, и всегда ласкал меня и осыпал нежностями, так что я очень к нему привязался. Он называл меня «Стариком», а я ходил за ним по лугу; иногда Вилли приводил с собой де-

душку, который всегда внимательно осматривал мои ноги.

– В ногах весь вопрос, Вилли, – говорил он внуку. – Впрочем, лошадь настолько уже поправилась, что, пожалуй, к весне мы ее и не узнаем.

Полный отдых, хорошее питание, мягкая трава и немного правильного движения до того хорошо действовали на мое здоровье, что и настроение мое изменилось. Я повеселел.

От матери я унаследовал хорошее здоровье, и в детстве меня не обременяли тяжелой для меня работой, вот почему мне было легче поправиться, нежели другой лошади, чуть не с рождения взятой на работу. В продолжение зимы ноги мои очень поправились, и, когда наступила весна, фермер Гуд решил попробовать заложить меня в кабриолет. Я очень обрадовался этому.

Не было дня, чтобы он не принес мне какого-нибудь лакомства.

Гуд правил сам и давал править Вилли; я пробежал несколько миль легко и приятно. Ноги стали опять гибкими.

– Он у нас помолодел, Вилли, – сказал дед, – теперь можно давать ему нетрудную работу. К лету, пожалуй, он выправится не хуже Лэдибэрд. У него чуткий рот и отличный ход.

– Как хорошо, что ты купил его, дедушка! Он славный конь, – радостно проговорил Вилли.

– И я рад, что купил эту лошадь, мой милый. Она тебе обязана этим. Теперь надо найти ей приличное, спокойное место, где ее сумеют оценить.

XLVI. Мое последнее жилище

Раз летом конюх так усердно и заботливо чистил меня, что я сообразил, в чем дело: меня, очевидно, ожидала перемена жизни. Мне вычистили ваксой копыта, разобрали тщательно гриву и челку и даже на сбрую навели особый глянец. Вилли, садясь с дедушкой в кабриолет, был, видимо, озабочен моей судьбой.

– Если наш конь придется по вкусу этим дамам, – сказал дед, – то и им будет хорошо, и ему также. Что ж, попробуем.

В одной или в двух милях от нашей деревни мы подъехали к одноэтажному хорошенькому дому с лужайкой, окаймленной кустами. Вилли позвонил у подъезда и спросил, дома ли госпожа Блумфильд или барышня Эллен.

– Да, они дома, – был ответ.

Господин Гуд отправился в дом, а Вилли остался при мне.

Минут через десять фермер вернулся, за ним вышли три дамы. Одна из них, бледная, высокая, опиралась на руку младшей дамы с темными глазами и веселым лицом. Третья дама, очень величественная, была старшая сестра, госпожа Блумфильд. Они все смотрели на меня и расспрашивали обо мне. Молодая, которую звали Эллен, сразу одобрила меня: она объявила, что наверняка полюбит меня, потому что у меня добрая морда. Высокая бледная дама заметила, что она никогда не будет спокойна с лошадьёю, которая уж раз упала.

– Видите ли, что я вам скажу, сударыни, – сказал фермер Гуд, – я знал многих лошадей, которых небрежные кучера попортили и поломали ноги; я уверен, что и эта лошадь пострадала по чьей-нибудь вине. Но я не стану вас уговаривать. Возьмите ее на пробу; пусть ваш кучер поедит на ней и скажет вам, что он о ней думает.

– Мы вам вполне верим, господин Гуд, – сказала величественная старшая сестра, – вы всегда давали нам хорошие советы; если сестра Ловинья не имеет ничего против, мы с удовольствием возьмем вашу лошадь на испытание.

Решено было отослать меня к ним на другой день.

Поутру к нам явился франтоватый молодой человек. Сначала он остался доволен мной, но, увидав мои колени, он воскликнул:

– Я не думал, сударь, что вы стали бы предлагать моим барыням порченую лошадь.

– Не судите по наружности, – возразил мой хозяин. – Вы берете лошадь только на пробу. Я надеюсь, что вы справедливо поступите. Я вам за нее ручаюсь. Вы убедитесь в этом сами. В противном случае приводите ее назад.

Меня отвели на новое место жительства, поставили там в спокойное стойло, накормили и оставили одного.

На следующий день кучер, чистивший меня, заметил:

– Белая отметина на лбу точно как у Черного Красавчика. И ростом эта лошадь на него похожа. Хотел бы я знать, где теперь Черный Красавчик...

Чистая шею, он ощупал узловатую жилу, оставшуюся с того времени, когда мне пускали кровь. Тут он смутился и стал пристально меня всего осматривать.

– Белое пятно на лбу, – говорил он, – одна белая нога, узелок на шее. Посмотрим спину.

Он нашел на спине клочок белых волос и воскликнул:

– Да это, должно быть, Черный Красавчик и есть! Узнаешь ли ты меня, Красавчик? Помнишь Иосифа Грина, молодого конюха в Бертвикском парке, который чуть не убил тебя, напоив холодной водой, когда ты еще не остыл?

С этими словами говоривший принялся ласкать и гладить меня в избытке радости.

Я не мог бы узнать его, потому что прежний мальчик превратился в статного мужчину с черными усами; но я видел, что это человек, хорошо знавший меня, слышал, что его зовут Иосифом Грином, и мне было очень радостно. Я подвинул морду к его лицу и старался выразить ему мою дружбу. И как он был рад!

– Хотел бы я знать, кто тот негодяй, который испортил тебе колени, мой старый Красавчик! Плохо же тебе, верно, жилось, но зато теперь я сделаю все, что от меня зависит, чтобы воздать тебе хорошим за дурное, пережитое тобою. Как бы я хотел показать тебя Джону Манли!

После полудня меня заложили в низкий садовый кабриолет и привели к подъезду.

Барышня Эллен должна была первая испробовать мою ез-

ду, и с ней ехал Грин. Я вскоре почувствовал, что она очень искусно правит; она тоже осталась довольна моим ходом. Я слышал, как Грин рассказывал ей про меня, что я не кто иной, как Черный Красавчик помещика Гордона.

Когда мы вернулись домой, другие сестры вышли на крыльцо узнать, как я вел себя. Эллен передала им слышанное от Грина и сказала:

– Я непременно напишу госпоже Гордон о том, что ее любимая лошадь теперь у нас. Она, вероятно, будет очень этому рада.

После этого в продолжение недели меня закладывали каждый день для небольшой прогулки. Удостоверившись в моем добронравии, барышня Ловинья решила выехать в маленькой карете, заложеной мною. После этого выезда решено было окончательно оставить меня и назвать меня старым именем – Черный Красавчик.

Прошел уже год с тех пор, как я попал на это место.

Я очень счастлив. Грин лучший и добрейший из кучеров. Работа у меня приятная и легкая. Силы и бодрость духа растут во мне с каждым днем.

Недавно я слышал, как фермер Гуд сказал Грину:

– На таком месте, как у вас, Черный Красавчик проживет двадцать лет и больше.

Вилли при всякой встрече разговаривает со мной и смотрит на меня как на своего закадычного друга.

Мои госпожи обещали никогда не продавать меня. Итак,

мне нечего бояться.

На этом и кончается моя история. Прошли все мои невзгоды. Я дома. Часто утром, когда я еще не вполне проснулся, мне грезится, что я все еще во фруктовом саду, в Бертвике, стою под яблонями с моими старыми друзьями.